

ПЕРМСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННОКОВ

РАДИ ЖИЗНИ
НА ЗЕМЛЕ

ПЕРМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Выпуск II

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Издательство
Пермского университета
1995

ББК 63.3(2) 722.8

P153

Составитель А. С. Стабровский

P153 Пермский университет в воспоминаниях современников / Сост. А. С. Стабровский.
Дизайн и адаптация для веб А. В. Пустовалов. Изд-е второе. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та,
1995, 2015. – Вып. II. Ради жизни на Земле. – 160 с.

ISBN 5–8211–0077–2

Этот сборник – продолжение серии «Пермский университет в воспоминаниях современников». В нем представлены воспоминания участников Великой Отечественной и ветеранов, работавших в годы войны в тылу, а также очерки о них, написанные по материалам архивов и личных бесед.

Фотографии и архивные материалы из фондов музея истории университета.

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Пермского университета.

Версия для веб опубликована в 2015 году к 70-летию Победы.

P 0503020600–4

P

H 55(03) -95

Без объявл.

© Пермский университет, 1995.

© Пермский университет, 2015.

ISBN 5–8241–0077–2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПАМЯТЬ – ВЕЛИКИЙ ДАР	3	ОСОБАЯ ЦЕННОСТЬ (о Н. П. Старкове).....	83
СМЕРТЬЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ	6	<i>Н. СТАРКОВ</i> ОХОТА ЗА ДОЧЕРЬМИ «БОЛЬШОЙ БЕРТЫ».....	85
ЦВЕТЫ НА МОГИЛУ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА.....	7	<i>С. М. ТОМСИНСКИЙ</i> НА ВОЙНЕ О ГУМАНИЗМЕ	92
ОН НЕ ИСКАЛ СЛАВЫ	9	С ЗАЧЁТКОЙ В ВЕЩМЕШКЕ (о Н. Ф. Лебедеве).....	94
В БОЯХ ЗА ЛИТВУ.....	12	КАК ВОЕВАЛ 25-й (о Г. В. Шелепове).....	96
КРЫЛАТЫЙ ЧАСОВОЙ.....	18	ИЗ ОДИННАДЦАТИ БОЙЦОВ УЦЕЛЕЛ ТОЛЬКО ОДИН... (о В. М. Понизовском).....	98
ПИСЬМО С ФРОНТА	20	ВЕРИТЬ В ЖИЗНЬ НАУЧИЛ... (об А. И. Букпиреве).....	100
А ДО ПОБЕДЫ БЫЛО ТАК БЛИЗКО	22	УЧИТЕЛЬ – РЕКТОР – ВОИН (о Ф. М. Горюхом)	102
ПАВШИХ В БОЯХ ЗА РОДИНУ ВСПОМНИМ ПОИМЁННО	24	НИГДЕ НЕ СДАВАЯСЯ (о П. И. Трофимове).....	106
СРАЖАЛИСЬ ВЫ НЕ РАДИ СЛАВЫ	27	<i>А. КОРСАКОВ</i> ВНЕЗАПНЫЙ УДАР	108
«ОТНОСИТЕСЬ К НИМ БЕРЕЖНО...»	27	<i>М. ВЛАСОВ</i> В БОЯХ ЗА НИКОЛАЕВ	109
<i>Л. Е. КЕРТМАН</i> «БЫЛА ВОЙНА...».....	29	ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ (о Ф. Г. Юрине).....	110
<i>В. ПАВЛЕНИН</i> ВОЙНА – СОВСЕМ НЕ ФЕЙЕРВЕРК, А ПРОСТО ТРУДНАЯ РАБОТА.....	30	ВЕЧЕРА БЛИЗ ДИКАНЬКИ (А. П. Смолкине)	111
ПОМНИТ СЕРДЦЕ (об И. Р. Фрадкине)	32	СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ (о Т. А. Фёдоровой).....	113
<i>И. ФРАДИН</i> СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА: ДЕНЬ ПЕРВЫЙ – ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ .	33	СУДЬБА СОЛДАТА (о Ю. П. Хрипченко)	115
<i>А. АБАЛИШИН</i> ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВОЕННОГО ВРАЧА	38	СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА (об А. И. Черепяхине)	116
СИЛА ХАРАКТЕРА (о В. В. Кузнецове)	39	<i>С. М. Томсинский</i> ПИСЬМО С ФРОНТА.....	118
ПРОВЕРКА НА ИЗЛОМ (об Я. Б. Рабиновиче).....	40	ВСПОМИНАЯ МИНУВШИЕ ДНИ (о С. И. Комарове).....	119
<i>Я. Б. РАБИНОВИЧ</i> ПОД ЛЕНИНГРАДОМ В 1941-м	42	<i>А. ВОЛКОВ</i> НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ	120
КАПЦУГОВИЧ СЕБАСТЬЯН ИВАНОВИЧ	63	<i>А. П. ЛАРИОНОВ</i> ...ВОЙНА УКРАЛА У НАС ЮНОСТЬ.....	121
<i>Б. К. МАТВЕЕВ</i> МНЕ ПОМНИТСЯ 42-й	65	ОНИ ТВЁРДО ВЕРИЛИ В ПОБЕДУ	132
БЫЛИ ТАМ, ГДЕ НУЖНЕЕ (о Ф. В. Каменских).....	66	<i>И. И. ЛАПКИН</i> ВОЙНА – ЭТО И ЖИЗНЬ, И БОРЬБА ТЫЛА.....	132
ВОЙНА БЕЗ ВЫСТРЕЛОВ (об И. Г. Шапошникове).....	67	<i>А. А. ШИПУНОВА</i> НО КАК ДОЛГО ПРИШЛОСЬ ЕЁ ЖДАТЬ	134
ЮНОСТЬ, ОПАЛЁННАЯ ВОЙНОЙ (о Ю. М. Рекка).....	74	<i>К. ГОРБУНОВА</i> БЫЛО ОЧЕНЬ ТРУДНО	136
ЧЕРЕЗ ОГОНЬ И ВОДУ (о М. Ф. Власове)	77	<i>Н. АНДРЕЕВА</i> «500 – ВЕСЁЛЫЙ».....	137
ДВАЖДЫ ВОСКРЕСШИЙ (о Г. В. Шевцове)	79	ВСПОМИНАЮТ ВЕТЕРАНЫ ТРУДА	137
<i>Г. С. ШЕВЦОВ</i> ПОДВИГ ВЧЕРАШНИЙ РОЖДАЕТ СЕГОДНЯШНИЙ	81	<i>Т. КЛОПИНА</i> СУРОВЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ	138
<i>И. ФИЛЕНКО</i> МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ И КРАСИВЫ	82	<i>Т. Л. РУБИНШТЕЙН</i> СТУДЕНТЫ ВОЕННЫХ ЛЕГ	140
		БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА.....	143

ПАМЯТЬ – ВЕЛИКИЙ ДАР

В майские дни, сколько бы ни прошло лет, мы памятью своей неизбежно возвращаемся в трагический 1941-й, ставший для нашей страны, народа началом тяжких испытаний.

Мы выстояли, но долгим был путь к победе... Никогда не забудем, какой дорогой ценой досталась нам она.

Война пришла неожиданно, хотя весь народ и каждый в отдельности готовил себя к суровым испытаниям. Взяв на себя ответственность за судьбу Родины, совсем молодые ребята пополняли ряды бойцов.

«В грозный час, когда коварный фашизм напал на нашу Родину, прошу послать меня на фронт» – писал в своём заявлении ассистент кафедры исторической геологии Д. Д. Дегтярев, и таким патриотическим содержанием были проникнуты все письменные обращения сотрудников и студентов университета.

В числе первых добровольцев – ректор А. И. Букирев, преподаватели П. К. Попов, П. Д. Пачгин, А. А. Генкель, ассистент А. В. Костин, столяр Е. И. Калинин, студенты Г. П. Глушенко, Л. Н. Лобовиков, П. М. Пиндюра, А. Г. Сбитнев и многие-многие другие.

Всего за годы войны из стен университета ушли на фронт 50 научных сотрудников и более 400 студентов, среди которых немало женщин. Каждый десятый погиб, не вернувшись из боя, или умер от ран в госпиталях.

Война закончилась 50 лет назад, но человечество никогда не забудет, что мирная жизнь обеспечена, прежде всего, потом и кровью тех, кто ради Победы не пощадил самого дорогого – своей жизни. Об их делах и подвигах должны знать последующие поколения.

Мы с гордостью можем сказать, что имена многих выпускников университета, участвовавших в боях за Родину, овеяны славой.

Книга «Ради жизни на земле» – это второй выпуск в серии «Пермский университет в воспоминаниях современников». Она составлена из многочисленных публикаций в газете «Пермский университет» и материалов из фондов музея истории университета

и никоим образом не дублирует вышедшей в 1966 г. книги «До последнего дыхания», подготовленной студентами, участниками кружка под руководством И. А. Кондаурова.

Здесь включены очерки, интервью, воспоминания – самые разные материалы, – но все они помогут воссоздать атмосферу великого подвига нашего народа в Великой Отечественной войне. Она предназначена прежде всего молодым – поколениям, идущим за нами...

Память – великий дар!

Память людей... На ней держится история.

А память тех, кто уцелел от пуль и мни, выжил в концлагерях, вырвался из объятий смерти в госпиталях, многое может рассказать поколению, не знавшему войны.

Мальчишки предвоенных лет – сегодня убелённые сединой ветераны. В священных метилах лежат солдаты, навсегда оставшиеся ровесниками сегодняшних студентов...

Память людей...

Без памяти о прошлом, тем более героическом прошлом, жить нельзя. Особенно сегодня, во времена бурных перемен...

Преемственность поколений и заключается в этом удивительном явлении – памяти, а в дни празднования ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ ещё острее становится солдатская память, и у неё свои законы. Порой с лёгкостью вычёркивает она вчерашнее, но крепко хранит давно минувшее. Бой за деревушку, не обозначенную на карте, фронтовой концерт, фотографирование в минуту отдыха или основательно – «на память». Фотографии в этой книге – искры мгновений, но сколь о многом они говорят! И всматриваясь в них, по-новому открываешь для себя духовный и нравственный мир людей, волею судьбы участвовавших в изнурительной, подчас смертельной борьбе.

Прошедшим фронт, вам день зачтётся за год,

В пыли дорог сочтётся каждый след.

И корпией на ваши раны лягут

Воспоминания юношеских лет.

А. С. СТАБРОВСКИЙ,
директор музея истории
Пермского университета

**С каждым годом по времени
мы все дальше и дальше уходим
от военной поры.
Выросло новое поколение людей.
Для них война – это наши
воспоминания о ней.
А нас, участников этих
исторических
событий, становится все
меньше и меньше.
Но я убеждён:
время не имеет власти над
величием всего, что мы
пережили в войну.
Это было необычайно трудное,
но и очень славное время.
Человек, переживший
однажды большие испытания и
победивший, будет
всю жизнь потом черпать силы
в этой победе.**

Г. К. Жуков

СМЕРТЬЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ

*Нет, не сотрется историей время.
Память пронзит даже твёрдый гранит.
Грянет набат: ничего не забыто!
Эхо ответит: никто не забыт!
Горечь утраты в минуты молчания,
Скорбь за убитых войной сыновей...
Кто возместит? Кто окупит отчаянье,
Слезы невест,
вдов,
сестёр,
матерей?
Мёртвым не надо цветов и почёта.
Нам эта память нужнее, чем им.
Вечный огонь пусть как реквием будет,
Напоминаьем живущим.
Живым!*

* * *

*Не забыть, не стереть истории
Страшных лет.
Ах, зачем ты, война, оставила
Горький след?
А какую была долгожданную
Та весна...
То листает страницы памяти
Седина.*

Э. МАРКМАН

ЦВЕТЫ НА МОГИЛУ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

«Секретарю партийного комитета университета от Хлебниковой Г. В.

В День Великой Победы университет по традиции будет чтить память студентов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Я сердечно прошу вспомнить и моего сына ХЛЕБНИКОВА ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА, 1921 года рождения»...

Из приказа ректора № 136 от 23 октября 1939 года § 5: «Считать с 20 октября Хлебникова Василия Ивановича студентом 1 курса геологического факультета».

Из приказа ректора № 141 от 2 ноября 1939 года, § 8: «Студентов I курса геологического факультета отчислить ввиду ухода в РККА с 28 октября с. г.»

ИЗ ПИСЕМ ВАСИЛИЯ ХЛЕБНИКОВА РОДНЫМ:

18.12.39. «Добрый день, дорогие родители! Шлю вам горячий красноармейский привет из Монголии. Как учится Лили и работает папка? Как здоровье мамы? Сейчас уже несём внутреннюю службу. Ходим дневальными, работаем по кухне и бане. Скоро пойдём в караул...»

07.05.42. «Май провёл в дороге. Знаешь, мама, вот как я уехал в армию, так я больше не видел ни поезда, ничего... А сейчас наша часть переехала в город, только не представьте, что город такой, как Свердловск или Пермь, или хотя бы Краснокамск, а город монгольский. Он 4-й по величине в МНР. И хотя это и не настоящий город, но все же после того как 28 месяцев прожил в степи, где только песок да окопы... А здесь иногда услышишь радио и почти каждый день видишь гражданских людей и с грустью вспоминаешь детство... А в остальном все по-старому – ежедневная служба нашей Родине, нашему народу...»

22.12.42. «Да, мама, вот мне и стукнул 21 год, а ведь расстались мы с вами – мне не было ещё и 18 лет. Вспоминаю, когда приехал в армию, совсем был мальчишкой, часто получал наряды от командиров, ругался с ними...

Я теперь крепко выправился. Сначала был простым рядовым сапёром, потом шофёром, потом ремонтником-слесарем,

затем опять сапёром-автоматчиком, потом командиром отделения, затем ротным писарем, зав. делопроизводством в штабе соединения, в конце 1941 года мне присвоили звание младшего командира, потом вот послали учиться, и сейчас (пишу не хвастаясь) пользуюсь большим авторитетом среди курсантов и командиров... Получил рекомендацию в кандидаты ВКП(б).

Недавно получил письмо с фронта от ребят. Завидую им... Нам осталось учиться считанные дни. И, как сказал начальник училища, все мы, пулемётчики, до одного поедем на фронт».

10.04.43. «С момента, когда я прибыл на Украину, пишу второе письмо. Местность здесь хорошая. Уже тепло. Колхозники начали сеять. Когда придёт письмо, Лилька уже закончит учёбу. Мама и папа, убедительная просьба – берегите своё здоровье. Ничего не жалейте. Время ещё будет, и все можно нажить. Войне, наверное, скоро будет конец, и тогда заживём счастливой жизнью».

Из извещения Свердловского районного военного комиссариата № 1/2811 от 28 ноября 1947 года:

«Ваш сын, младший сержант Хлебников Василий Иванович, уроженец г. Перми, в бою за социалистическую Родину пропал без вести в октябре 1943 года».

Сухие строчки документов, письма солдата, а за ними – судьба человека. В неполные 18 лет Василий поступает учиться в наш университет, но поучиться ему так и не довелось – буквально через несколько дней призван в РККА. Нелёгкая служба в Монголии, ускоренная учёба – н фронт... Следуя логике фактов, можно предположить, что Василий Хлебников принимал участие в жестоких боях на Курской дуге, а в октябре его не стало...

И вот пожелтевшие письма, официальные бумаги перебирает натруженными руками девяностолетняя мать Василия, Глафира Васильевна, и в её усталых глазах ещё теплится надежда...

Много тайн войны ещё не раскрыто. Хотя прошло уже полвека – многие неизвестными лежат в братских могилах...

Первые цветы положите на могилу Неизвестного Солдата. Никто не видел, как он умирал, как он с гранатой бросался под танк, держался до последнего, сдерживая врага, давая возможность отступить или совершить манёвр...

Их было немало, но никто не видел, как умирали эти герои.

Их нет среди нас, имена многих неизвестны.

Положите букет цветов на могилу НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА.

А. Стабровский

ОН НЕ ИСКАЛ СЛАВЫ

Стоял сентябрь, припекало по-осеннему солнце, в воздухе стоял терпкий запах перезревшего винограда, гари и пороха... Вот уже который час шёл бой за высоту 801 близ села Агриш. Высота доминировала над местностью, и фашисты, понимая выгодность положения, с упорством обречённых обороняли её, поливая свинцом долину. Шквальный огонь из пулемётов и автоматов буквально прижимал цепи советских солдат к порыжевшей и разохшейся от солнца земле. Нависла опасность срыва операции, так как атаки одна за другой захлёбывались, зарывая солдат в землю.

«Что делать? Что?! Ребята гибнут... а если... Прикрой!» – и он решился.

Как только вновь захаркал смертью пулемёт, он вдруг вскочил и бросился к кустам, что спускались по склону высотки к ложине. Ошалев от неожиданности и такой наглости, немцы не успели перевести огонь, как он уже упал под густым кустом... Зато товарищам не повезло, не поняв, что нужно лишь прикрыть его огнём, они бросились вслед... Несколько человек упали замертво, сражённые пулёмётной очередью, многие были ранены...

Плотно прижимаясь к земле, укрываясь редкими кустами, он, словно ящерица, пополз вверх по руслу высохшего ручья к гребню, туда, где укрепились враги. Колочие кусты рвали лицо, цеплялись за гимнастёрку, пот застилал глаза...

«Ну вот, кусты кончились... – Отдышавшись, он на миг замер, – до врага метров двадцать открытого простреленного пространства». «А-а-а-а...!» – С диким криком, словно черт из табакерки, он вскочил и кинулся вперёд, на ходу бросая гранату...

Заняв пулёмётную точку, он стал забрасывать гранатами изгиб траншеи... Растерявшись, немцы прекратили огонь, и наши солдаты бросились на выручку сержанту.

«Только не стоять!.. Двигаться, двигаться вперёд...» – стучало в висках, и он бросился вперёд вдоль траншеи, поливая немцев огнём автомата, заставив замолчать ещё два пулёмётных гнезда...

«О, черт!..» Рыжий и рослый, с сильным запахом пота и перегара, фашист вдруг навалился на него... Но однополчане были уже рядом. «Спасибо, Гришка! Роту спас!..» – крикнул взводный, помогая ломать рыжего.

Но вскоре немцы пришли в себя, они не очень-то хотели оставлять занятые и выгодные позиции, тем более что к ним спешило подкрепление.

Сержант первым заметил движение на фланге: «За мной, вперед!» – и первым бросился на врага... Смяв одну группу, он развернулся, увидел другую, но не успел поднять автомат, как у его ног разорвалась граната... Тысячи осколков ворвались в тело... Бросивший гранату немец с удивлением смотрел, как его враг продолжал стрелять из автомата.

Громкое «Ура-а-а-а!» уже гремело вокруг, то рота овладевала высотой.

В угаре боя Григорий бросился вперёд, но под йогоми разорвалась ещё и мина... Остекленевшим взглядом, устремлённым в вечность, смотрел немец на все стреляющего из автомата сержанта. Его руки ещё продолжали крепко держать автомат, палец нажимал курок, а в сознании сквозь кровавую пелену вдруг возникли глаза матери: «Мама...» И он увидел себя загорелым и сильным в далёкой деревне Батаниха, что в Удмуртии. Мать, прижавшись к нему, плакала, прощаясь, – он едет в Пермь, поступать в университет...

Тогда ещё не было войны – в 1931 г. он поступает на геологический факультет Пермского университета. Из воспоминаний профессора Г. А. Максимовича: «Трудно приходилось Григорию, сказывалось недостаточное образование. Но на практике он проявил себя прекрасно. За время учёбы Ожмегов проходил многообразную производственную практику. Это поисковая боксито-каолиновая партия Пермской геологоразведочной базы, разведка кварцевых песков в районе Кунгура, поиски и разведка агросырья по заданию Областного земельного управления. Преддипломную практику он проходил под моим руководством в партии научно-исследовательского сектора геологического факультета по поискам бокситов в Нижне-Тагильском районе Свердловской области. Будучи студентом, отличавшимся большой физической силой, принимал участие в исследовании строительных площадок гидролизного завода в районе Красного Октября в Перми и завода сухой перегонки дерева в районе г. Краснокамска. Учился Ожмегов хорошо. А на II научной конференции университета по производительным силам Урала он сделал доклад «Актайское месторождение боксита» – по материалам производственной практики. Дипломная работа «Актайское месторождение боксита» была защищена на «хорошо». Прекрасный был парень, я горжусь своим учеником».

...Шум боя проникал в его сознание, но он не осознавал, где он и что с ним... Лица дорогих людей, мордашки ребятишек из школы, где он работал директором после университета... Геологические партии по разведке нефти между Волгой и Уралом. Симпатичные лица хохлушек... с 1940 года он работал уже на Украине... Отголоски выстрелов и взрывов всколыхнули память – «Война!» Да, была война, тяжёлое лихолетье... Войну он встретил на Украине... Несмотря на хаос сумасшедшего наступления немцев, он не растерялся. Обстоятельства не дали попасть в армию, но он воевал в партизанском отряде близ Киева.

Долгих два года партизанил, многое видел... После освобождения Киева полный ненависти к врагу продолжал воевать, но уже в армии, он – сержант Григорий Ожмегов...

Запах гари и винограда ненадолго вернул его к действительности... «Высоту взяли? – Взяли!» ...Кровавое море поглотило его, а впереди он увидел свет, яркий свет, быстро приближающийся свет, зовущий его вперёд...

Как ни старались однополчане бережно нести своего сержанта, но в дороге он умер...

В том бою Григорий уничтожил 27 солдат и офицеров, вывел из строя две огневые точки...

Он не искал славы – он выполнял свой долг. И слава пришла сама, как приходит она ко всем истинным патриотам Отчизны. Григорию было тридцать три года, когда взяв высотку 801, он шагнул в бессмертие, смертью смерть поправ.

24 марта 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии сержанту Ожмегову Григорию Фёдоровичу присвоено звание Героя Советского Союза. Через 15 лет приказом министра обороны его имя навечно занесено в списки роты. В память о студенте Герое Советского Союза Григории Ожмегове укреплен мемориальная доска на старом корпусе университета.

А. Стабровский

В БОЯХ ЗА ЛИТВУ

Я не знаю, как сейчас – времена круто изменились... Но тогда, в 85-м, мы со студентами из группы «Поиск» побывали на литовской земле – многострадальной земле Литвы, где погибло более полумиллиона мирных жителей и военнопленных, многие города были разрушены, а Вильнюс и Клайпеда – почти до основания.... Нас тогда очень радостно поразило радушное гостеприимство литовских крестьян и их добрая память о нашем студенте Валерии Рылове, погибшем на этих землях... Его именем был назван колхоз. Могила в цветах, ухоженная, как небольшой мемориал... Школьный музей – смущённые плохим русским языком, но искренние и добрые школьники, рассказывающие о герое...

Пахло порохом и гарью, земля стонала от непрекращающихся взрывов.

Перед ним была широкая полноводная Западная Двина – холодная даже летом. От того, как он сумеет переплыть под огнём реку, зависел успех операции. Он, Валерий Рылов, – связист...

Валерий переплыл первым, командование приняло его ношеные. Заработала наша артиллерия. И тут снаряд разорвался совсем рядом. В затуманенном сознании, словно картинки калейдоскопа, пронеслись милые образы детства:

лицо матери, восторженные глаза сестёр, и он вместе с ними с гиканьем и свистом летит по деревне на аэросанях...

Он родился в тяжёлом девятнадцатом году. У родителей были самые мирные профессии: отец – строитель, мать – учительница. Валерий интересовался всем: учился на «отл.», играл на пианино и скрипке, конструировал (собрал домашний телефон, сделал планер, аэросани), фотографировал – даже смастерил с отцом фотоаппарат с двумя объективами. Был отличным пловцом, гимнастом, ходил на лыжах...

Валерий очнулся, понял, что ранен, но двигаться может. Скрипя зубами от боли, он долго выбирался из-под завала, а выбравшись, даже не передохнув, он тотчас проверил аппарат: «Черт! Не работает...». Найдя обрыв, исправил, вновь на командный пункт полка полетели его позывные «Вызываю огонь на себя»...

«Выписка из наградного листа Героя Советского Союза, гвардии старшего сержанта Рылова Валерия Дмитриевича: 24.06.1944 г., входя в состав группы по форсированию – реки Западная Двина, первым с телефонным аппаратом под сильным огнём противника вплавь переправился на левый берег реки... Невзирая на исключительную сложность боевой обстановки и ожесточённость огня противника, беззаветно преданный Родине герой-связист, не щадя своей жизни, под разрывами снарядов искал и исправлял порывы телефонной линии...

За героизм при прорыве обороны противника и при форсировании реки Западная Двина тов. Рылову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.07.1944 года».

Но Валерий об этом не узнал. Он погиб через месяц при защите одной из безымянных высот в Литве...

Через некоторое время Ю. Г. Митрофанова, заместитель декана биологического факультета ПГУ, писала родителям Валерия:

«Ваш сын был очень способный и разносторонний человек. И что в нем особенно было привлекательно и ценно, он был хороший товарищ... все и каждый восхищались им. Беспощадная война отняла у вас сына, нанесла нам тяжёлую травму; наука потеряла будущего талантливого работника, а общество лишилось человека большой души. Валерий не мог погибнуть иначе как герой, он был отличником на всех фронтах».

В нашем университете Валерий учился три года. Как отличник учёбы со II курса получал повышенную стипендию. С честью выступал на всех спортивных соревнованиях, участвовал в постановках драматического кружка, играл на скрипке в джазе. Организованный им на факультете шуточный ансамбль «Я и восемь девок» имел шумный успех.

А потом – кровопролитные бои Сталинграда, пекло Курской дуги, белорусские топи... За четыре месяца до своей гибели Валерий писал сестре: «Ты мне пишешь так, как будто я один воюю. Это, конечно, неплохо – «семейный патриотизм», но ведь, дорогая сестрёнка, нас здесь много и каждый вкладывает то небольшое, что он может дать в общее дело победы... Бывает и трудно, и сносно – с этим считаться не приходится; чем быстрее закончим, тем лучше. А сейчас наше дело гвардейское – ломать немецкую оборону, чтобы «тотальные» колбасники бежали вон. Думаем дойти до Шпрее, раздавим фашистскую гадину в её берлоге...»

*Ришма, село литовское,
Памятник и цветы.
Звучание этого голоса
Хранишь, как святыню, ты...
Рылов Валерий Дмитриевич
Погиб на твоей груди,
Его из могилы выключь –
Пусть имя его гудит.
Пусть имя его неброское
Звучит у тебя на устах,
И мне рассказать непросто
О нем на бумажных листах.
Ришма, село литовское,
Памятник и цветы.
Звучание этого голоса
Хранишь, как святыню, ты.*

(стихи Н. Шабунина)

* * *

В Вильнюсе на воинском кладбище Антакальнисе торжественно тихо и светло. К 40-летнему юбилею Победы литовцы здесь всё привели в порядок – чёткий гранит надгробий и в центре мемориала величественная скульптурная группа из целого мрамора – освободители...

На красном граните золотые буквы: «Герой Советского Союза гвардии майор Леонид Ерофеевских...»

Родился Леонид в 1913 г. в Пермской губернии, селе Карагай. В 1934 г. успешно поступает на физико-математический факультет Пермского университета, а после окончания его преподаёт математику в Пермском машиностроительном техникуме. В 1939 г. призван в армию.

Начинал рядовым солдатом, а в сорок четвёртом он уже командир моторизованного батальона автоматчиков...

«Из наградного листа: гвардии капитан Ерофеевских в многочисленных боях против немецких захватчиков, командуя мотобатальоном автоматчиков, всегда наносил противнику тяжёлые потери, проявляя при этом сам лично мужество, стойкость и храбрость...»

Израненный город стонал и задыхался. Тяжёлый чёрный дым буквально навис над городом – горело все: мазут и камин... и никто уже не вспоминал, что стоял обычный жаркий летний день...

«9 июля 1944 года тов. Ерофеевских, выполняя приказ командования, с группой автоматчиков стремительно ворвался на станцию г. Вильнюс. Немцы были смяты и разбиты. Множество трупов немецких солдат и офицеров валялось у 8 замеченных батальоном эшелонов, под парами стояло 10 паровозов, которые немцы не успели увезти. Шаг за шагом автоматчики вместе с тов. Ерофеевских приближались к центру города...»

Кто бывал в Вильнюсе, знает эту улицу, начинающуюся сразу же за трамвайной линией у вокзала и спускающуюся к центру... В такой же жаркий июльский день, только 85-го Года, мы с ребятами шли по ней и вдруг за поворотом обнаружили небольшое двухэтажное здание школы...

А тогда в 44-м они не шли, а буквально продирались сквозь шквальный огонь, опасность подстерегала на каждом шагу – это не только как пчелы жужжащие пули фашистов, но и гранаты, брошенные из окон домов, и не только гранаты, но и горшки с цветами...

«Тов. Ерофеевских, несмотря на лично угрожающую ему опасность, продолжал командовать батальоном в уличных боях».

...Преодолев очередной рубеж, неожиданно слева они увидели и небольшое двухэтажное здание – «Комендатура». ...Решение пришло сразу – «Захватить!» И вот уже отдан приказ – с небольшой группой солдат, среди которых были опытные, бывалые бойцы и безусые мальчишки, недавно призванные. Ерофеевских буквально сходу выбивает немцев из здания... Но фашисты не хотели сдаваться – и вот уже, подтянув подкрепление, они плотным кольцом окружили комендатуру...

Три дня и три ночи не смолкал страшный бой... Неоднократно звучал призыв сдать, но русский солдат так просто не сдаётся...

Когда озверевшие немцы ворвались в комендатуру, они обнаружили лишь мёртвых и свою злобу, дикую и яростную, выместили на трупах советских воинов – выкололи глаза, Отрезали уши, носы, подпалили ноги, руки...

«Ты видишь, гвардеец, отважный офицер Ерофеевских указывает тебе обожжённой рукой на Запад!» – так говорилось в листовке, призывающей отомстить фашистам за боевых друзей.

«За проявленный героизм в борьбе с немецкими захватчиками тов. Ерофеевских удостоен звания «Герой Советского Союза» посмертно.

Командир 3 гвард. танковой бригады
гвардии полковник ГРИЦЕНКО.

16 июля 1944 года».

Указом от 24 марта 1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» Ерофеевских Леониду Константиновичу.

Валерию Рылову было 24 года, а Леониду Ерофеевских около 30...
Освободители.

А. Стабровский

КРЫЛАТЫЙ ЧАСОВОЙ

На зачётной книжке № 24–38, выданной Кошееву Павлу Егоровичу заместителем директора Пермского университета по учебной части Чибисовым 20 декабря 1938 года, юное лицо. Фотография сохранила для нас живой и внимательный взгляд, резко очерченные губы...

Павлу девятнадцать. Он студент физико-математического факультета. Его интересует все – лекции, зачёты, экзамены, стипендия. Одновременно он учится на курсах лётчиков. В личном деле Павла сохранилось заявление, текст которого так знаком каждому, кто был студентом: «Прошу зачислить меня на стипендию...»

Аттестат об окончании десятилетней школы, тиснённый серебром, зачётная книжка с «отлами» и «хорами»... Последний экзамен, сданный им, – по курсу «Дифференциальные уравнения». Оценка отлично». Наконец, справка «...Выбыл из университета с III курса 1 декабря 1940 года ввиду ухода в военную службу. Декан физико-математического факультета доцент Цыганков».

Павел продолжил обучение в авиационном училище в Сталинграде. Когда немцы подошли к городу. Он был переведён в Саратов, а затем направлен на фронт в Заполярье.

«Последнее письмо им было написано в начале октября 1941 года.

В конце октября или ноября мы получили извещение: «Ваш сын, Кощеев П. Е., 24 октября 1944 года улетел на боевое задание и на базу не вернулся». После этого нам с мамой ничего о нем не было известно», – пишет в университет сестра лётчика Л. Козлова.

Но вот, наконец, через 27 лет, уже после смерти матери, Л. Козловой удалось связаться с бывшим авиатором Дубогрызовым, находившимся на фронте вместе с Павлом Кощеевым, и узнать подробности его гибели.

Павел был влюблён в небо и был лётчиком высокого класса, особенно он проявил себя в боях на реке Свирь, когда наши войска нанесли мощные удары по немецко-фашистским захватчикам. Павел в числе первых освоил грозный ильюшинский штурмовик, который фашисты называли «чёрной смертью». Командир полка Герой Советского Союза Митрофан Петрович Краснолуцкий дал высокую оценку лётному мастерству Кощеева, которого сам проверял в полете.

Зелёная ракета – и тяжёлые машины стартуют. Вот ушёл в воздух и штурмовик Кощеева. Цель тщательно замаскирована, зенитки врага пока молчат. Но опытный глаз лётчика обнаружил цель, и штурмовик спикировал на склад.

Таким дерзости немцы не выдержали и открыли ураганный огонь, тем самым окончательно обнаружив склад. Павел сбросил в центр его весь бомбовый запас. Над вражеским объектом появился огромный столб огня и чёрного дыма.

Остальные самолёты также обрушили бомбы на врага. Защите было выполнено. Поведение лётчика расценивалось как Героический подвиг. Бомбардируя склад, он мог и сам погибнуть, так как от детонации произошёл огромной силы взрыв, который отбросил самолёт на несколько десятков метров.

Когда же машина Кощеева заходила на посадку, оказалось, что повреждено левое шасси. Павел проявил хладнокровие и блестящее мастерство, посадив штурмовик на одно крыло.

Вечером боевые друзья поздравляли товарища. Кто-то наспех сочинил стихи, все дружно подхватили песню:

«Выпьем за тех, кто командовал группами,

Кто воевал на «ИЛ-2»,

Кто сквозь разрывы зенитных снарядов

Сжигал эшелоны врага...».

Позднее стало известно, что был уничтожен склад особого значения. Павла наградили орденом Красного Знамени.

Мама, в моей жизни изменений не произошло, обстановка очень спокойная, так что обо мне беспокоиться не нужно.

Наверное, скоро кончится война. В 1945 году она обязательно закончится», – писал домой Павел. Но до самого счастливого дня он не дожил.

Октябрь 1944 года. Перед группой лётчиков-штурмовиков, которую возглавлял Герой Советского Союза Владимир Васильевич Козлов, была поставлена задача – нанести удар по отступающему противнику. На выполнение задания вылетел и экипаж Кощеева с воздушным стрелком Ваней Вагановым.

До переднего края обороны полет проходил спокойно. Вдруг машина как-то неестественно качнулась и провалилась сквозь облака. Через несколько секунд вспыхнуло огромное зарево. Самолёт угодил в колонну немецких автомашин и взорвался. В последний момент лётчик направил машину на врага.

Так погибли наш студент Павел Кощеев и мальчишка-стрелок Ваня Ваганов, повторив подвиг Николая Гастелло.

Вечная благодарность всем павшим за Родину, за счастливую жизнь новых поколений заставляет нас снова и снова перебирать сохранившиеся документы, размышлять о людях, без тени сомнения принявших на себя удар врага.

Ещё одна фотография. Павел во время войны – тот же внимательный, открытый взгляд, но сколько в нем решимости, стойкости, злости к врагу, он как будто часовой на посту. Крылатый часовой.

В. Куликова

ПИСЬМО С ФРОНТА

(от Кириллы Граевского Василию Быстрых)

Вася, здорово! Получил сегодня твоё письмо и немедленно отвечаю. Во-первых, ужасно рад ему. Ужасно рад, что опять поймал старых друзей, из которых каждый лучше новых двух, а новых у меня немало и неплохие. Пишу коротко – некогда! Вот освободится ложка и начну опустошать свою половину котелка, а то мой партнёр что-то больно много таскает мяса (хороший парень – мы с ним всегда на пару).

Хорошее ты письмо написал, Вася, только немного обезличенное, стили не узнаю – «Василкн» не вижу. Ты, конечно, нрав – я ведь и сам знаю – совсем не в винтовке дело, совсем не обязательно всем бежать со штыком наперевес, но сердце, сердце болит за Днепропетровск, за Киев, за всю кровь. Я ведь вижу – твоё тоже и по обыкновению вспомнили Маяковского: Но я себя смирял, становясь на горло собственной песне.

А работа – работаю я честно, Вася, работаю как могу и 1уже больше, отдаю весь опыт и знания и нервы – ведь иначе сейчас нельзя. В общих чертах ты угадал – я особист, и в моем сердце нет жалости к врагам.

А насчёт водки – мы её проклятую ещё поглумим после победы, которая не за горами. Но которая не приходит сама.

Ну, а как вы там живете? Не унываете небось. В таком случае правильно делаете. Что мы в монахи что ли записаИСЬ из-за засранца Гитлера. Война становится бытом, это неизбежно, и бояться этого нечего. Истерическим порывом много не возьмёшь. Мы, например, в свободное время не унываем и не теряемся – поем, танцуем. За девушками ухаживаем (когда такие есть). Мы уже много поездили. После войны места в три можно в гости ехать.

Погода здесь паршивая – холод, грязь. По оценке погоды исхожу из принципа – чем хуже, тем лучше. Нас-то не удивишь, а вот Гитлер пусть побегаёт по грязи. Вот ещё зимушку бы покрепче, посуровее...

Вася, просьба одна – зайти когда-нибудь к нам, скучно им, небось, Шурка уехал тоже. От Сергея с нетерпением жду письмо. Пока ему привет большой, а там обниму.

Марго и Тамаре низко кланяйся и спасибо, что не забывают. Надеюсь, что ответ придёт раньше, чем будет у меня борода.

Эх, опять где-то юнкерс гудит...

В кусты!

25.XI.41. Кирилл.

ГРАЕВСКИЙ КИРИЛЛ МОИСЕЕВИЧ, родился в 1916 г. в. Перми. В 1933 г. был принят на IV курс рабфака, через год он уже студент физмата. В 1939 г. с отличием заканчивает университет и остаётся работать ассистентом на кафедре общей физики Пермского университета, а затем в Уральском филиале Академии наук.

16 июля 1941 г. Граевский добровольцем уходит в армию.

Окончил краткосрочные курсы в Челябинске, направлен на фронт. Участвовал в боях под Москвой.

Кирилл Граевский погиб в январе 1942 г. Место захоронения не известно.

БЫСТРЫХ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (кому адресовано письмо) – однокурсник Граевского. В 1934–1939 гг. учился на физмате университета, после окончания его работал на заводе им. Ф. Дзержинского, пройдя путь от лаборанта до главного металлурга завода. Сейчас на пенсии.

Среди их однокурсников был и Леонид Ерофеевских.

А ДО ПОБЕДЫ БЫЛО ТАК БЛИЗКО

Было жарко и душно, не спасала прохлада майского утра. Операция началась на рассвете: поддерживая пехоту, их танк шёл по пшеничному полю. Вдруг в перелеске сверкнула сталь вражеского орудия. На большой скорости, не дав врагу одуматься, танк врывается на позиции фашистов, подминая и вдавливая в землю орудия врага.

«Танки! Заряжай бронбойным!» – прозвучала команда и в момент была выполнена. Прильнув к смотровой щели, он увидел, как раздавшийся выстрел поразил первый танк и тот, будто споткнувшись, остановился и запылал....

Начался поединок – бой был яростным, вскоре загорелся и второй «тигр».

Оглушительной силы взрыв словно расколол надвое и, теряя сознание, он упал – неожиданно появившийся третий танк ударил сбоку.

Очнулся на земле... Солнце ласково пригревало, было тихо, только в траве радостно стрекотали кузнечики. Не понимая, где он и что с ним, с трудом поднял отяжелевшую голову, перед глазами все плыло... Внезапно, словно поймав в фокус зрения, он отчётливо увидел врага. Цепь гитлеровцев шла в его сторону. Рефлекторно рука потянулась к пистолету-

ту, но жестокая боль пронзила тело, тьма навалилась, и он вновь потерял сознание. Очнулся от знакомого звука: «Это наши... танки паши... наши...»

Это действительно были наши «Т-34». Разметав пехоту противника, они шли намеченным курсом, одна из машин свернула и остановилась вблизи обгоревшего тяжёлого советского танка. Танкисты увидели трупы погибших и старшину, который был ещё жив, но жизнь уже покидала его...

Может быть, события происходили именно так, возможно, несколько иначе, но скупые строки документа говорят, что, подбив два танка противника, экипаж тяжёлого танка погиб, Наводчик – старшина Л. Н. Лобовиков – награждён орденом Отечественной войны I степени за свой последний бой.

И скончался от ран на руках однополчан 5 мая 1945 года.

Лев Николаевич Лобовиков родился в далёком селе бывшего Северного края. В семнадцать лет окончил среднюю школу, работал учителем, заведовал начальной школой. С 1932 по 1937 год учился в Пермском университете: сначала на геолого-географическом, затем на биологическом факультетах. Он был активнейшим из студентов. Увлекающийся, любознательный, он не только хорошо учился, но и преуспевал в общественной работе: староста группы, член редколлегии стенной газеты «Виод», член профкома и совета студенческого общежития.

С первых дней Великой Отечественной он принимал участие в боях, пройдя весь её путь, погиб в тридцать лет за четыре дня до Великой Победы.

А. Стабровский

ПАВШИХ В БОЯХ ЗА РОДИНУ ВСПОМНИМ ПОИМЁННО

Герои Советского Союза:

ЕРОФЕЕВСКИХ ЛЕОНИД КОНСТАНТИНОВИЧ (1913-1944), выпускник физмата.

ОЖМЕГОВ ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ (1911-1944), выпускник геол. ф-та.

РЫЛОВ ВАЛЕРИИ ДМИТРИЕВИЧ (1919–1944), студент биол. факультета.

1. АЛЕБАСТРОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1909–1943), работал шофёром.

2. БАЖИН СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ (1919–1943), студент геологического факультета.

3. БОГОСЛОВСКИЙ ГЛЕБ СЕРГЕЕВИЧ (1918–1941), выпускник химфака.

4. БОДУНОВ ИВАН ФЕДОРОВИЧ (1918–1942), выпускник химфака.

5. БОБЫЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА ТИХООНА (1919–1943), выпускница физмата.

6. ВОЛКОВ РОМАН СТЕФАНОВИЧ (1912–1942), выпускник физмата.

7. ВОРОНЧИХИН МИХАИЛ ЕВДОКИМОВИЧ (1910– 1943), студент физмата.

8. ВЛАСОВ ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (1916–1942), выпускник геологического факультета.

9. ВЕДЕРНИКОВ В. В. (1919–1942), выпускник геогр. факультета.

10. ГЕНКЕЛЬ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1908–1942), выпускник университета, доцент кафедры ботаники.

11. ГЛАЗЫРИН СТЕПАН ГРИГОРЬЕВИЧ (1915–1942), окончил университет, работал ассистентом кафедры физики.

12. ГЛУШЕНКО ГРИГОРИЙ ПЕТРОВИЧ (1918–1944), студент геологического факультета.

13. ГРАЕВСКИЙ КИРИЛЛ МОИСЕЕВИЧ (1916–1942), выпускник физмата.

14. ГРЕМЯЧКИН БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ (1913–1942), работал мастером стекольного дутья на физмате.

15. ГУБИН НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ (1918–1941), студент-геолог.

16. ЗАНАДВОРОВ ВЛАДИСЛАВ ЛЕОНИДОВИЧ (1911–1942), выпускник геологического факультета.

17. ЗВЕРЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (1917-1941), выпускник биофака.

18. ЗОЛОТОВ ПЁТР ПЕТРОВИЧ (1920–1912), студент-геолог.
19. ЕВСТРОПОВ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ (1919–1943), студент-геолог.
20. КАЛИНИН ГЕННАДИЙ ПЕТРОВИЧ (1918–1941), выпускник-геолог.
21. КАЛИНИН ГЕОРГИИ ИЛЬИЧ (1906–1942), работал столяром.
22. КОЩЕЕВ ПАВЕЛ ЕГОРОВИЧ (1919–1944), студент физмата.
23. КОРЯКИН МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ (1911–1942), работал ассистентом кафедры петрографии.
24. КОСТИН АРКАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1905–1944), окончил университет, работал ассистентом кафедры математики.
25. КОТЛЯЧКОВ ВАЛЕНТИН ГАВРИЛОВИЧ (1919–1943), окончил биофак, был в аспирантуре.
26. КУРКОВСКИЙ ВАСИЛИИ ГРИГОРЬЕВИЧ (1918–1942), выпускник биофака.
27. ЛОБОВИКОВ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ (1913–1945), выпускник биофака.
28. ЛЫСКОВ ПАВЕЛ ИЛЬИЧ (1918–1942), выпускник биофака.
29. МУСИН ХАЛИД АГЛЯМОВИЧ (1911–1943), выпускник биофака.
30. НЕКРАСОВ ФЕДОР МИХАИЛОВИЧ (1905–1939), заведовал кафедрой марксизма-ленинизма, погиб на Халхин-Голе.
31. НОВИКОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ (1913–1942), выпускник биофака.
32. ОВСЯННИКОВ АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ (1914–1943), окончил биофак, был в аспирантуре.
33. ПАВСКИЙ ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ (1916–1912), окончил университет, работал ассистентом кафедры физиологии животных.
34. ПЕТРОВ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (1910–1942), работал заведующим столярной мастерской.
35. ПИНДЮРА ПЕТР МИРКОВИЧ (1918–1942), студент геолого-географического факультета.
36. САЛАМАТОВ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1918–1912), выпускник химфака.
37. СБИТНЕВ АЛЕКСЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ (1917–1943), студент-геолог.
38. СОБОЛЬ ИВАН ФИЛИППОВИЧ (1912–1943), окончил университет, работал старшим лаборантом кафедры экспериментальной физики.

39. ТИГУНЦОВ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ (1915–1942), выпускник биофака.
40. ХЛЕБНИКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ (1921–1943), студент геологического факультета.
41. ЦЫЛЕВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1918–1943), студент геологического факультета.
42. ЧЕРНЫШОВ ВЕНИАМИН ДМИТРИЕВИЧ (1917–1945), выпускник геологического факультета.
43. ШЕЛОМОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ (1910–1943), выпускник биофака.
44. ЯГОДНИКОВ ЕВГРАФ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1900–1942), работал комендантом общежития.
45. ЯКУНИН ПЕТР ИОСИФОВИЧ (1907–1945), выпускник биофака.

ПАМЯТЬ

*Когда и в жилах стынет кровь,
Я грелся памятью одной –
Твоя незримая любовь
Всегда была со мной.*

*В сырой тоске окопных дней,
В походе, в огненном аду
Я клялся памятью моей,
Что я назад приду.*

*Хотя б на сломанных ногах, –
На четвереньках приползу,
Я в окровавленных руках
Свою любовь несу.*

*Как бьётся сердце горячо,
Летя стремительно на бой!
Я чувствую твоё плечо,
Как будто ты со мной.*

*Пусть сомневается другой,
А я скажу в последний час,
Что в мире силы нет такой,
Чтоб разлучила нас!*

В. Занадворов

СРАЖАЛИСЬ ВЫ НЕ РАДИ СЛАВЫ

«ОТНОСИТЕСЬ К НИМ БЕРЕЖНО...»

Кадры кинохроники начала века. Прыгающая неровная рамка кадров. В ней – глядящие прямо в объектив два старика. Седые окладистые бороды, простые крестьянские лица – они не губернаторы, не «миллионщики, не звезды едва зарождающегося «великого немого». Но они величественны. Бойкий кинохроникёр отыскал где-то в отдалённых губерниях двух оставшихся в живых солдат Отечественной войны 1812 года. И вся Россия увидела воочию своих героев, ветеранов ожесточённой битвы за Родину.

Немало лет минуло с тех пор. Отгремела другая Отечественная, которую народ назвал Великой. Она осталась в памяти народной, в кадрах кинохроники, «столбцах газет, набросках на холсте», в старых порыжевших от времени фотографиях. Но никакой документ не может передать нам, детям и внукам сражавшихся, яростность атак и неистовую радость побед...

Каждый год в сквере у Большого собираются однополчане. И мы, свидетели их фронтового братства, невольных слез радости, горечи утрат, стоим немного в стороне. Знаем – сейчас лучше не мешать.

Ветераны войны играют в жизни нашего общества роль, которую трудно переоценить. Кроме того, что оставшиеся в строю честно трудятся на своих рабочих местах, они проводят такую работу, на которой их не может никто заменить. Работа эта воспитательная. Живой пример, живая история всегда дают эффект во сто крат больший, чем любая, даже очень содержательная лекция. Но встречами с молодёжью не ограничивается их воспитывающее влияние. У многих ветеранов войны работа связана с непосредственным человеческим общением.

Мы уважаем наших ветеранов и, кажется, знаем их всех. Но всегда ли наше знание прочно? Нет. Многие студенты даже не подозревают, какие замечательные люди преподают им физику или биологию, математику или литературу. Ведь на факультетах нет даже стендов с портретами ветеранов Великой Отечественной. А они крайне необходимы. Так же, как и забота о существующих университетских экспозициях.

Мы знаем и любим наших ветеранов. Но пока эта любовь абстрактна, она не воплощается в конкретные дела, не несёт в себе необходимого тепла, душевности. А ведь уже наши дети не смогут попросить: «Дедушка, расскажи о войне».

Мой приятель младше меня на два года. Так уж сложилась жизнь, что рос и воспитывался без мужской твёрдой руки – дедушки погибли в Великую Отечественную, отец – в мирное время, когда сыну было полгода. Поэтому, когда пришла повестка в военкомат, мы очень беспокоились – как пройдёт для него военная служба.

Два года – демобилизация. Приятель мой почти не изменился, стал только серьёзнее и молчаливее, про службу практически ничего, как ни упрасивали, не рассказывал.

Знаем только, что он выполнял интернациональный долг на земле Афганистана. Можно лишь догадаться, что довелось ему пережить за годы службы, но из армии он вернулся повзрослевшим и возмужавшим. В его комнате под стеклом хранится грамота «За активное участие в военно-патриотическом воспитании пионеров».

Мой приятель младше меня на два года. Но это только по паспорту.

В нашем календаре нет даты победы в Отечественной войне 1812 года. Но имена се героев мы помним и сегодня. Пройдёт время, в школьных учебниках главы о Великой Отечественной войне станут короче. Это закономерно. Закономерно и в то же время обидно. Ведь война для наших потомков утратит в какой-то степени то, о чем может рассказать очевидец, его живой взгляд, живое слово. Г. К. Жуков писал: «Я призвал бы также нашу молодёжь бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной. Очень нужно изучать военный опыт, собирать документы, создавать музеи и сооружать монументы, не забывать памятные даты и славные имена. Но особенно важно помнить: среди нас живут бывшие солдаты. Относитесь к ним бережно. Ведь они – ветераны великой битвы за Родину».

Наступит время, когда учёные найдут новый способ увековечивания событий. Стереофильмы, голография, ещё что-нибудь посложнее. Великую Отечественную наши внуки увидят только на фотографиях и на несовершенном киноэкране.

Но главный след останется в сердцах людей.

К. Шумов

Л. Е. КЕРТМАН **«БЫЛА ВОЙНА...»**

Прежде всего мне хочется отметить, что участников войны можно поделить на три категории. Самые счастливые – это те, кто прошёл всю войну, знал и 1941 год, и год 1945-й. Вторые, тоже счастливые, те, кто воевал в наступлении, кто встретил ПОБЕДУ в строю. Третьи – самая печальная категория – те, кто знает по собственному опыту только первые дни войны. Я отношусь именно к этой категории. Моё участие в военных действиях прервалось через два месяца из-за ранения.

В армию я был призван в 1940 году после окончания Киевского университета. Службу проходил в Белоруссии, под Жлобиным. Уходя в армию, прощаясь с родными и близкими, сознавали, что расстаёмся до конца войны. Хотя некоторые иллюзии и были. Считалось, что немецкие рабочие воспротивятся войне с социалистическим государством. На первых порах, после первых боев к раненым противника была определённая жалость, вдруг это простой рабочий, дома у него семья...

Но вскоре подобное прошло. Пришло озлобление в ответ на творимые фашистами зверства...

Свой первый контрудар часть, где я служил, нанесла в начале июля. Мы вновь заняли район, из которого вынуждены были недавно отступить. Сейчас в этих местах поставлена стелла в честь воинов-освободителей 1941 года. Когда я увидел её – удивился, но оказалось, что наш контрудар дал возможность эвакуироваться гражданскому населению. Вскоре мы попали в полуокружение, но с боями вышли из него...

Под Гомелем на пункте реформирования комплектовался мотопулемётный батальон. Такие подразделения были хорошо насыщены машинами и пулемётами, могли быстро разворачиваться на огневом рубеже. По прибытии на место открывали бешеный огонь по противнику, затем, маскируясь,

быстро меняли своё положение и вновь вступали в бон. Первоначально подобная тактика приносила желаемый результат. По вскоре немцам удалось приспособиться к нашим действиям. Затем я, как знавший немецкий язык, был прикомандирован к штабу полка в качестве переводчика. Принимал участие в допросах с целью получения оперативной обстановки, сведений. Поначалу попавшие в плен отказывались отвечать на вопросы, кричали: «Стрелей!»; но, поостынув, видя, что их не собираются расстреливать, соглашались давать информацию;

28 июля был тяжело ранен и госпитализирован сначала в Сталинграде, потом в Астрахани. Моё участие в военных действиях на этом закончилось...

Самое тяжёлое воспоминание – штыковой бой! В мирное время обучение штыковому бою было поставлено хорошо. Но в настоящем бою все это вроде бы забывалось... Ничего не помнишь, ничего вокруг себя не видишь, звереешь самым настоящим образом, действуешь чисто инстинктивно... В таких боях был дважды, но, честно говоря, хватило бы и одного. Такой бой длился «недолго», минуты три-четыре, больше фашисты не выдерживали, отступали...

А победный май я встретил в Киеве, работал уже в университете. О Победе узнали ночью, у кого-то были приёмники... Среди ночи началась стрельба... мы с женой побежали к самым близким друзьям. Всю ночь бродили по улицам, незнакомые люди поздравляли друг друга...

У Долматовского есть строчки: «...Была война, а мы остались живы». Это было важным элементом сознания.

В. ПАВЛЕНИН ВОЙНА – СОВСЕМ НЕ ФЕЙЕРВЕРК, А ПРОСТО ТРУДНАЯ РАБОТА...

Войну я встретил в три часа 22 июня в Прибалтике, в составе 7-го Краснознамённого истребительного полка. Вот так, с бомбёжки, с отступления началась для меня, как, впрочем, и для очень многих солдат, Великая Отечественная война...

А вот Победу встретить мне на фронте не довелось. Из-за ранения, полученного во время танковой атаки немцев в боях над Охтыркой на Воронежском фронте в августе 1943 года. Я, пролежав в госпитале полгода, имел ограничения к строевой службе, и участвовать в боях уже не мог. Так Победу встретил в Сибири, в военном училище...

Помню очень хорошо: утром проснулся – на дворе стрельба. Что такое? Как здесь оказался фронт? – А это наши ребята от радости салютовали победе!

Какие самые сильные впечатления от войны? Да, пожалуй, сильнее всего осталось в памяти ощущение от войны как от очень тяжёлой работы. Война и есть война: все время ходишь рядом со смертью – ничего хорошего здесь нет. А сколько немцев убил – не знаю, когда стреляешь, невозможно определить, кто кою подстрелил... По вот одного немца помню очень хорошо. Помню, как заколол его в рукопашной, помню его глаза, как он орал... как он орал... Потом мне все это несколько ночей снилось...

Всю зиму сорок второго я был на Северо-Западном фронте. Болота, холод. Круглые сутки по пояс в воде, сушиться негде. С декабря по март в нашей роте из 150 человек осталось 12. Война – это конвейер: на фронт здоровые и сильные, обратно – кто на носилках, кто на костылях, кто совсем никак...

На Украине я уже познакомился и с немецкими танками. Очень сложно психологически пережить танковую атаку. Страх возникает сразу, когда танки ещё далеко, когда слышишь этот шум и рёв... Этот шум заглушает, казалось, всё сознание – голова гудит и глаза лезут из орбит... И вообще, что касается страха, то самый страшный момент – начало боя, особенно первого. Но в процессе боя страх постепенно притупляется, человек переходит в какое-то почти шоковое состояние, остаётся только одно – надо выполнять команду, надо бежать вперёд. Самое героическое – это умение настроить себя перед боем. Здесь всю жизнь вспоминаешь... обо всем передумаешь. А в бою – психология и страх – лишние.

Самые тяжёлые дни – дни отступления. Больно оставлять свою землю, людей врагу... А если говорить о жизни в тылу, то надо вспомнить, какой тяжёлый труд выпал нашим подросткам военной поры... Я сам все это видел. Видел, как четырнадцатилетние мальчишечки работали: цех без крыши, холод... Привезут мотор, они его, как мухи, облепят, быстро сделают, что необходимо, и снова расползаются по углам – кто к костру греться, кто спать – работали ведь круглосуточно...

Сейчас происходит переоценка всей истории. Я не все здесь принимаю безоговорочно... И хочу сказать, что во время войны было очень сильное патриотическое чувство у людей. В бой, на смерть шли не за Сталина (я ни разу не слышал: «Вперёд, за Сталина!»), в бой шли за Родину, за народ!

ПОМНИТ СЕРДЦЕ (об И. Р. Фрадкine)

Его жизнь связана с Ленинградом. Не потому, что он родился или вырос в этом городе. Он сражался за него.

Я слушаю Илью Романовича Фрадина. За окном метёт позёмка... Так же, как тогда, сорок лет назад, в блокадном Ленинграде... Как меняется мой собеседник! Обычно ироничный и весёлый, он вдруг становится очень серьёзным, и голос не тот и глаза...

Как будто смотрит в прошлое, в ту зиму сорок третьего, смотрит с болью, с тревогой, с надеждой. И ты понимаешь, что для него Ленинград на всю жизнь остался открытой раной, которая не даёт забыть ни голод, ни смерть друзей-однополчан, ни тех женщин, которые под прицельным огнём фашистов на заминированном поле искали в земле прошлогоднюю картошку и морковь, чтобы хоть как-то поддержать своих детей...

Фашисты вынашивали поистине варварский план. В одном из документов оперативного отдела гитлеровского генерального штаба говорилось: «...сначала мы блокируем Ленинград и разрушим город артиллерией и авиацией, когда голод сделает своё дело, откроем отдельные ворота и выпустим безоружных людей... весной мы проникнем в город, вывезем все, что осталось живое в глубь России или возьмём в плен, сравняем Ленинград с землёй и передадим район севернее Невы Финляндии»...

За период блокады на Ленинград было сброшено более 107 тысяч фугасных и зажигательных бомб, выпущено 150 тысяч артснарядов. Было разрушено свыше 3 тысяч и повреждено более 7 тысяч зданий, погибли сотни тысяч ленинградцев. Но город выстоял! Сражение за Ленинград длилось день и ночь, и с 12 по 18 января 1943 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали кольцо блокады...

Великую победу городу принёс советский солдат. Есть в ней и частица храбрости, стойкости и мужества Ильи Романовича Фрадина. Под Ленинградом Илья Романович был дважды ранен. За отвагу, проявленную при прорыве блокадного кольца, он награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени и полководческим орденом Кутузова III степени. Но самой лучшей наградой были счастливые лица ленинградцев, их слезы радости.

...Много ещё боевых дорог в судьбе И. Р. Фрадина, для которого война закончилась только 11 мая 1945 года в Чехословакии. Дороги войны... Дороги побед и отступлений, каждый шаг по которым острой болью отдавался в сердце. Но прорыв блокады Ленинграда остался для Ильи Романовича самым главным событием в жизни.

Е. Баженова

И. ФРАДИН **СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА: ДЕНЬ ПЕРВЫЙ** **– ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ**

Особенно запомнился последний мирный день – 21 июня 1941 г. Наша рота после обеда заступала в лагерный наряд. Некоторые младшие командиры, в том числе и я, свободные от наряда и работ, предвкушали хороший спокойный отдых в воскресенье 22 июня. В этот субботний тёплый летний вечер мы долго играли на спортивной площадке в волейбол, а затем пошли купаться на реку, и никто из нас не предполагал, что это последний предвоенный вечер, что завтра начнётся война...

Легли спать поздно, уже после отбоя, и долго не могли уснуть, думали, что отоспимся в воскресенье, однако это не сбылось, так как подняли нас по тревоге в пять часов утра 22 июня.

Командир роты старший лейтенант Омелин с ротой находился в лагерном наряде, а политрук Яковленко явился в роту по тревоге и объявил, что началась война и что немецко-фашистские войска атакуют наши пограничные заставы.

Политрук был очень молод, накануне окончил военно-политическое училище... и мы не сразу поверили его словам, полагали, что он шутит. Однако по выражению его лица, а также по сигналам тревоги, доносившимся из мест расположения других частей, мы поняли, что началось что-то новое, что-то тяжёлое, тревожное...

Началась война, о которой мы ещё ничего не знали. Хотели мы войны? Конечно, нет!

Поднятые по сигналу боевой тревоги, подразделения начали покидать лагерь, углубляясь в лес, а мы приступили к маскировке нашего батальона...

Вскоре поступила команда: «быть готовыми к выдвигению на станцию Серебрянка для погрузки в эшелон». Мы начали свёртывать лагерь. Следовать в эшелоне пришлось недолго. На станции Луга пришлось выгрузиться. Стало известно, что на ряде участков железной дороги Луга–Псков противник наносит авиационные удары, в некоторых местах дорога разрушена, и поэтому мы были вынуждены дальше продвигаться пешком...

Во время движения на Псков навстречу начали попадаться эвакуированные и раненые на автомашинах, повозках и пешком. Картина была не совсем обычная: двигалось горе, это угнетающе действовало на нас. Но в то же время мы полагали, что, достигнув города Псков и выйдя на госграницу, наши войска остановят зарвавшихся фашистов и отбросят за Прибалтику.

Но чем ближе мы приближались к Пскову, тем более сложной становилась обстановка. Среди потока беженцев встречались отдельные подразделения военнослужащих, большинство из них были ранеными, на обочинах дороги все чаще попадались разбитые и сгоревшие автомашины, повозки. Авиация противника контролировала дороги и наносила по ним удары.

Районы Пскова, особенно лесной массив юго-востока города, подвергались массированным ударам авиации. Сам город выглядел неприглядно: много разрушенных домов, пожары, жителей оставалось мало. Некоторые магазины были открыты, и продавцы раздавали военным продукты.

Выйдя на реку Великая, южнее Пскова, наша рота начала огневой бой с противником, который пытался форсировать реку. Следует признать, что мы не смогли огнём стрелкового оружия остановить противника на западном берегу. Огонь автоматов ППД через реку был малодейственен, а пули станкового пулемёта СГ не достигали цели, так как ствол пулемёта нагревался так, что пули падали в реку, противник же быстро определял место нахождения пулемёта.

Город неоднократно переходил из рук в руки, а к исходу 9 июля противнику все-таки удалось им овладеть.

Авиация противника проявляла высокую активность, систематически наносила удары по нашим войскам. Подвергалась бомбёжкам и наша рота. Во время одного из таких налётов было ранено несколько человек, в том числе был тяжело ранен и командир роты Омелин. Он находился в кабине головной машины и при разрыве перед самой машиной бомбы множество осколков лобового стекла вонзилось ему в лицо... Сделав ему повязку и пересадив на другую машину, мы продолжали движение на Гдов, к сожалению, никаких лечебных учреждений по пути движения не было, нам пришлось везти командира с собой. Тяжело было смотреть на умирающего, но помочь мы ничем не могли... Он все время просил развязать глаза, его лицо было сплошной кровавой массой, нельзя было различить черты...

Только в районе Нарвы, его, уже умирающего, сдали в полевой госпиталь, где командир Омелин вскоре скончался...

В начале августа во время разведки я был ранен в ногу и отправлен в госпиталь. После первого ранения – с осколком мины в ноге (он был небольшой, движению не мешал, а извлечь его можно было лишь путем хирургического вмешательства, на что врачи не шли, так как затянулось бы лечение, а фронт требовал пополнения и, кроме того, госпиталь готовился к эвакуации из Ленинграда...) я был выписан и отправлен на Фонтанку, 90.

Здесь, на знаменитой Фонтанке, 90, можно было видеть множество воинов: выписавшихся из госпиталей, с повязками, опирающихся на палки и костыли, а также отставших от своих частей, выходящих из окружения, среди которых были и такие, чьё появление было подозрительным.

Так, однажды всех построили и объявили приговор военного трибунала о расстреле дезертира. Здесь же, на наших глазах, приговор был приведён в исполнение. Печальное недоумение охватило всех нас. Расходились молчаливые, осознавая сложность обстановки... На следующий день я был зачислен в очередную маршевую роту помощником командира одного из взводов. Формирование происходило спешно. Объявили, что мы служим в 55-м отдельном стрелковом полку. А через день наш батальон подняли по тревоге и форсированным маршем направили в район Пулковской высоты...

Так начались бон за оборону Ленинграда. Блокада (912 дней). Освобождение города.

* * *

С начала мая победного года мы ежедневно проводили разведку боем, однако существенных результатов она не давала. После захвата какого-либо участка траншеи развить успех не удавалось. И только в ночь на седьмое мая после удачной атаки противник начал отходить, прикрываясь сильным арьергардом, взрывая мосты. Введя в бой главные силы полка, мы начали преследование, встречая на некоторых рубежах сопротивление мелких групп противника. Применяя обходные действия, подразделения полка седьмого и восьмого мая сбивали арьергарды противника, преследуя цель – ускорить преодоление Судет, выйти в центральный район Чехословакии.

В то время мы не знали общего замысла действий наших войск, а он сводился к тому, чтобы сосредоточить крупные силы на Пражском направлении и глубоким охватывающим манёвром окружить и ликвидировать немецкую группу армии «Центр»...

Всю ночь на девятое мая сорок пятого года колонна полка продолжала движение. В одном населённом пункте она вдруг остановилась. Я в это время находился при штабе полка, который следовал в центре колонны. Желая узнать, что произошло, пошёл вперёд и обнаружил, что по пересекаемой дороге движется другая колонна. Случилось так, что наша головная походная застава прошла перекрёсток, а голова колонны передового батальона остановилась...

А в это время в середине нашей колонны, где следовал штаб, вдруг возникла беспорядочная стрельба и множество разноцветных ракет взвились в воздух. Стрельба распространилась по всей колонне, послышались громкие возгласы: «Ур-ра-а-а! Победа!» Это радисты штаба нашего полка, приняв по радио информацию о капитуляции немецких войск в Берлине, сразу отреагировали на это радостное известие, их поддержали остальные воины полка...

Осветительные ракеты озарили всю местность, в нескольких местах от попадания несгоревших ракет возникли пожары. На улице в столь поздний час высыпало все население городка.

Ликование охватило всех, пожары не волновали никого, даже хозяев этих горящих построек. Так продолжалось около часа, пока перекрёсток не освободился. Мы, потушив пожары, продолжили движение по маршруту...

Вскоре столкнулись с засадой противника. Завязался огневой бой. Пришлось развернуть часть сил передового батальона для обхода и уничтожения противника. Такие стычки были девятого мая в течение всего дня.

Хотя война была закончена и в Берлине был подписан акт о безоговорочной капитуляции, группировка войск противника, действующая в центральной части Чехословакии, оказывала сопротивление, стремясь отойти на Запад к англо-американским войскам. К сожалению, в этих боях погибли несколько человек нашего полка. Жаль было терять людей, прошедших всю войну и покинувших после её завершения...

Десятого мая полк вышел в район Наход, завершив свой боевой путь. Затем был получен приказ передислоцироваться в другой район: Комаров, Тупе, Собегуш...

Много лет спустя после окончания войны командиру дивизии кто-то подарил стихи о боевом пути пашей дивизии. К сожалению, автора не знаю.

КАК ПРОСТО ВСЕ ЭТО СЕГОДНЯ...

*От стен Ленинграда до Праги
Прошли мы путями войны,
И воинской нашей присяге
И Родине были верны.*

*Синявино, Гатчина, Луга,
За Нарвою топи болот,
Силезии снежные вьюги,
В Судетских горах переход*

*Как просто все это сегодня,
Как трудно той было порой.
Шли с песней на марше походном.
Назавтра шли яростно в бой.
И не было стонов и жалоб,
Одно лишь стремление вперед...
Ведь знамя Победы всех ждало
У старых берлинских ворот.
И вот он пришёл долгожданный,
День завершенья войны,
Он был непривычным, был странным
Обилием своей тишины.
Обилием радости, счастья,
На лицах усталых солдат,
И в радости этой участие
Было лучшей из лучших наград.
Как просто все это сегодня,
Иначе той было порой...
Те дни были болью народной,
Те дни назывались – войной...*

В июне 1945 г. началась демобилизация. Тяжело было расставаться со «старичками», прошедшими с боями от Ленинграда до Чехословакии. Дивизия была расформирована. После аттестации начальников штабов полков я вскоре был направлен на учёбу. Пока же мне было предложено готовиться в качестве кандидата для участия в параде Победы в Москве.

А. АБАЛИШИН **ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВОЕННОГО ВРАЧА**

Чбаркуль на Урале. Здесь я в 1941 году начал формировать медицинское подразделение дивизии в качестве дивизионного врача.

В ноябре 1941-го дивизия выехала на фронт и действовала в составе четвертой армии Волховского фронта, где вела упорные бои, неся большие потери... Только за два месяца через медсанбат прошло около двадцати тысяч раненых.

Все это требовало от медицинского состава огромной напряжённости в работе. Наши трудности усложнились не только из-за недостатка медицинского оборудования, транспорта, но и из-за сложных климатических условий (сначала холода, потом оттепель в болотах).

Ранней весной 1942-го дивизия, захватив плацдарм на западном берегу реки Волхов в лесисто-болотистой местности, заняла прочную и активную оборону и, что называется, «закопалась в землю». А это было очень трудным делом – болото, кругом вода на 20–30 см, а местами и глубже... Тем не менее дзоты были соединены системой траншей и подходами с тыла. Глиняные «подушки» вокруг землянок не позволяли грунтовым водам затоплять их. Все пути подвоза и эвакуации были сделаны в виде «клавишного» настила брёвен. Эвакуация по ним колёсным транспортом неизбежно могла привести к резкому увеличению опасных шоковых состояний. Вот тут-то и пригодилась вся наша изобретательность по обеспечению средствами выноса раненых. Мы все заболели рационализаторством.

В самый интенсивный период таяния снегов лес оказался весь в воде. Наши деревянные дороги всплыли. Все материальное обеспечение переносилось в тюках... Эвакуация раненых и больных из полевых и дивизионных пунктов на расстояние до восьми километров могла быть осуществлена только на носилках или ручных волокушах...

В таких условиях воевали... Между тем, целая система мероприятий по предупреждению простудных и инфекционных заболеваний, цинги и других позволила сохранить боеспособность дивизии.

Медицинские учреждения, хотя и относят к тылу, однако этот тыл находился нередко в одном-двух километрах от переднего края. Раненые с переднего края доставлялись в дивизионный медицинский пункт.

СИЛА ХАРАКТЕРА (о В. В. Кузнецове)

Виктор Васильевич Кузнецов – профессор, заведующий кафедрой физической химии – встретил войну 22 июня 1941 года на западной границе, прошёл до Сталинграда, потом до Севастополя, а с 1944 года служил в пограничных войсках на освобождённой территории Крыма.

«Служба была трудной, – вспоминает Виктор Васильевич, – много было жестоких дней, особенно в первое время войны, когда управление было дезорганизовано. Трудно было переносить неудачи. Очень часто при прорыве из окружения приходилось участвовать в штыковых атаках... Я участвовал в обороне Харькова. Наша часть понесла большие потери, погибло две тысячи человек. Мне же случай помог избежать смерти: я уехал на повышение квалификации в Саратов, а когда вернулся, фронт продвинулся на юг».

Виктор Васильевич начал служить ещё до войны. Он был артиллеристом, командиром взвода. «То, что начал служить до войны, приобрёл опыт, овладел техникой, – это помогло», – объяснял В. В. Кузнецов своё назначение начальником химической службы полка.

«Во время Сталинградских боев тоже была тяжёлая ситуация. Неравные схватки, не раз доходившие до рукопашной. Часть была только что сформирована, люди ещё не привыкли друг к другу.

Все понимали – отступать некуда, надо любой ценой остановить врага, разгромить его логово. Надо победить! Война стала великим испытанием характеров. «За Родину!» – с этими словами солдаты бросались в атаку, с этими словами люди работали в тылу».

Мы же только по книгам и рассказам знаем о том суровом времени и никогда не забудем тех, кто отстоял мир.

Л. Гурина

ПРОВЕРКА НА ИЗЛОМ (об Я. Б. Рабиновиче)

Наверное, я не ошибусь, если скажу, что на историческом факультете Яков Борисович Рабинович – один из самых любимых студентами преподавателей. Я сама училась у него и помню, как удивительно живо и насыщенно информацией проходили его занятия. Нас пленяло в них сочетание аналитического и эмоционального. Когда я попросила Якова Борисовича рассказать о его фронтовой юности, он начал неохотно, но потом увлёкся.

Его первый бой с фашистами закончился трагически: 227-й отдельный артиллерийско-пулемётный батальон оказался один на один с врагом. Немцы расстреливали с флангов в упор. И все же приказ об отступлении батальон встретил с тоскливым недоумением. Как же так? Куда отступить? Ведь позади – Ленинград. Заняли новые позиции, отбили атаки противника и снова вернулись на прежние рубежи.

Война началась, когда Яков Борисович Рабинович учился на 2-м курсе исторического факультета Ленинградского университета. Пятого июля 1941 г. он ушёл добровольцем на фронт. Батальон, в который его зачислили, состоял исключительно из добровольцев – вчерашних студентов и рабочих с Васильевского острова. Среди рабочих были ветераны первой мировой и гражданской войн. Но в основном батальон состоял из молодёжи, не имевшей сколько-нибудь серьёзной подготовки. Этот первый в их жизни бой учил вчерашних мальчиков воевать...

Неделю они сдерживали штурм врага. Неделю шли такие тяжёлые, кровопролитные бои, что они забывали о страхе, который был вначале. Они не думали, выйдут ли живыми, кажется, они забыли, что возможна другая жизнь, кроме этой. В них не было ничего, кроме яростного азарта, бешеной ненависти и сознания невозможности отступления. Последние дни сражались уже в окружении. Отходить пришлось через заминированный нашими аэродром.

«Нас осталось шестеро во взводе, – рассказывал Яков Борисович, заметно волнуясь, – мы очень любили друг друга. Студенческая дружба скрепилась этим боем. Чтобы поделить риск поровну, шли друг за другом, каждые двадцать метров сменяя впереди идущего. Никто не взорвался! Мы, шестеро, прошли это поле невредимыми».

Из 800 человек уцелело 80. Слившись с другими частями, они укрепились в Петродворце на знаменитом Ораниенбаумском «пяточке» на берегу Финского залива. Здесь Я. Б. Рабинович был первый раз ранен. В Ораниенбаум со всего фронта свозили раненых для отправки в Ленинград. Несколько сот человек почти без всякой помощи, без питания были собраны в полуразрушенном доме. Отправка откладывалась со дня на день. И тогда ленинградцы, узнав, что где-то в доме лежат раненые, собрали у кого что было, пробрались к бойцам и накормили их. Этот стихийный порыв сострадания и милосердия уже голодавших в то время горожан запомнился Якову Борисовичу на всю жизнь.

Первые впечатления о госпитале: «Смотрите – простыни!» И тогда же, на госпитальной койке, решил, что самое страшное, – что было в жизни, – позади. Оказалось – нет.

Через три месяца бойца Рабиновича выписали из госпиталя с ещё не окончательно зажившей раной; на фронт не взяли... Вот тогда он и узнал, что ленинградская блокада страшнее боев 41-го года...

Яков Борисович смотрит на меня печально и чуть недоверчиво.

– Это трудно понять, – говорит он тихо, – холод, голод– это слова. Но попятя это может, наверное, только тот, кто испытал сам. Эти два врага уничтожали людей не хуже фашистов.

На передовой, конечно, стреляют. Но и сам можешь стрелять в ответ, главное, можешь бороться. В городе же, постоянно обстреливаемом, замерзающем и голодном, жители могли только терпеть и держаться. Но эта их стойкость оказалась не менее серьёзным сопротивлением врагу, чем оружие. В условиях, когда голод и холод делали людей психически больными, когда прекрасные и мужественные люди готовы были часами искать забытую с довоенных времён корочку хлеба, в условиях, когда люди почти теряли человеческий облик, они не утратили самого главного – верности, мужества, человеческого достоинства...

Яков Борисович, рассказывая, удивлённо и немного растерянно улыбается.

Война проверяла людей на излом. И, может быть, самой главной победой стало то, что они не утратили человечности и доброты.

А. Маленьких

Я. Б. РАБИНОВИЧ ПОД ЛЕНИНГРАДОМ В 1941-м

Эти строки воспоминаний о войне, о самом тяжком её периоде написаны через десятки лет после события. Многие конкретные факты, даты, имена, память не удержала. Тем не менее я решил не пользоваться ни письменными, ни устными источниками, а написать только о том, что сохранилось в моей памяти и, по возможности, таким, каким оно запечатлелось в то время.

Я был тогда рядовым солдатом, многого не понимал, о многом не знал и не догадывался, видел не очень широко, в меру своих ограниченных возможностей. Но я хочу рассказать о тех событиях, фактах, впечатлениях того времени, которые более или менее хорошо запомнились и которые, как мне кажется, отражают какие-то характерные черты нашего – моего и моих сверстников – поведения, нашего взгляда на происходящее, нашего к нему отношения. Мне хочется рассказать не о выдающихся героях и их подвигах, а о буднях войны, рядовом обыкновенном на войне.

Мне хочется рассказать не о выдающихся героях и их подвигах, а о буднях войны, рядовом обыкновенном на войне.

На фронт!

В июне 1941 года, в период летней экзаменационной сессии, я – тогда студент второго курса исторического факультета Ленинградского университета – жил временно у брата в его комнате на Садовой. Его жена и дочь уехали, и эта большая полутёмная комната с окном во двор была предоставлена в полное моё распоряжение. Брат работал на «Электросиле», приходил домой поздно и уходил рано, когда я ещё спал.

Экзаменационная сессия была чрезвычайно напряжённой, надо было сдать все или почти все экзамены на пятёрки, в противном случае можно было лишиться стипендии и, следовательно (для меня в частности), возможности продолжать учёбу в университете. Здесь, в квартире брата, было спокойнее, чем в общежитии, никто не мешал заниматься, к тому же, что было немаловажно, я был почти совершенно освобождён от заботы о пропитании. Все экзамены были уже благополучно сданы, и я стал готовиться к последнему – профессора Левченко – по истории средних веков. Накануне я засиделся допоздна и лёг спать где-то в третьем часу ночи.

Когда я проснулся, то не сразу смог понять, где нахожусь. Что-то меня тревожило, но что – я не осознавал. За окном на улице громко говорило радио (в комнате репродуктора не было). Разобрать, что именно, было трудно: доносились лишь отдельные слова, перечислялись народы Европы, но в тоне было что-то необычное, тревожное. Я пытался прислушаться, но так ничего понять не смог, уткнулся в подушку и заснул.

Поднялся я где-то в часу двенадцатом (как мне казалось) и решил пойти позавтракать в соседнее с домом чистенькое и уютное кафе. И снова меня что-то поразило и тревожило: было что-то необычное в лицах людей, в разговорах. Я озирался кругом, недоумевая, и наконец, не выдержав, спросил у сидевшего за соседним столиком пожилого мужчины: «Вы не знаете, что случилось?» – «Война! Сегодня ночью на нас напали немцы!».

Что-то оборвалось у меня внутри. В одно мгновение жизнь круто, неотвратимо изменилась.

В последние предвоенные месяцы обстановка была тревожной. До нас – студентов – доходили сведения и слухи о мерах по укреплению обороны страны, о сосредоточении наших военных сил на западной границе. Резко обострился наш интерес к международным проблемам, вопросам внешней политики настоящего и прошлого. Крупным общественным событием в университете стал факультативный курс академика Е. В. Тарле «Дипломаты XIX века», на который собирались не только студенты исторического факультета. В характеристиках лектора, метких, остроумных оценках лиц и событий прошлого мы находили аналогии с современной обстановкой.

В наших разговорах в общезнании высказывалось предположение о приближении войны. Мы придерживались мнения, не помню кем высказанного, что война скорее всего начнётся осенью, после уборки урожая. Нам этот аргумент – заинтересованность всех сторон в благополучной уборке урожая – казался очень веским и убедительным.

При всем том даже накануне войны мы не очень глубоко и серьёзно вдумывались в суть происходящих событий, не отдавали себе отчёта в реальности и серьёзности нависшей угрозы. При всех сложностях, материальных трудностях и проблемах мы жили все же беззаботно.

Первые дни и недели войны были для нас временем крушения многих иллюзий, мучительных переоценок, горьких размышлений, трудных поисков и решений.

Мы были твёрдо уверены в нашей полной готовности к войне, в том (как это нам внушалось), что мы готовы ответить «тройным ударом на удар поджигателей войны», что мы будем воевать и громить противника на его территории, что одержим победу «малой кровью», что, как пелось в наших песнях,

Наша поступь тверда, и врагу никогда

Не гулять по республикам нашим.

Мы долго были убеждены, что война не будет продолжительной, что скоро обрушатся на врага все наши могущественные силы, что поднимутся и немецкие рабочие, и рабочие других стран против фашизма, в защиту СССР, что через 2-3 месяца всё закончится.

Но немцы продвигались с ужасающей быстротой, занимали один город за другим, захватывали огромные территории. Ждали, что они будут остановлены на старой границе, где будто бы сохраняются мощные укрепления, но и это оказалось наивной иллюзией. С каждым днём сводки становились все трагичнее.

Немцы двигались по территории Белоруссии, подходили к моим родным местам, городу Калининичи, где жили мать, сестра с семьёй, родные и близкие люди. Связь с ними была уже потеряна, об их судьбе я ничего не знал. Враг шёл по пашей земле, захватывал города со знакомыми с детства названиями, уничтожал все на своём пути, грозил самому нашему существованию. Эта общая беда, трагедия народа воспринималась как личная беда и личная трагедия. В горле стоял ком... Не давали покоя мучительные Вопросы: что будет со всеми нами? со страной? Наступало время решений...

В университете, в общежитии была какая-то суета, тревожное смятение, ходили различные, противоречивые слухи. Началась мобилизация студентов на оборонные работы. Решение пришло без длительных колебаний и сомнений: надо идти на фронт... 28 июня я отнёс заявление в комитет комсомола, а 30 июня профессор Левченко снисходительно поставил мне «пятерку» на последнем моем экзамене в Ленинградском университете.

Через несколько дней после того как я отнёс в комитет комсомола заявление с просьбой направить меня добровольцем на фронт, я оказался в здании Академии художеств, где формировался наш добровольческий 277-й артиллерийско-пулемётный батальон.

Батальон был укомплектован из такого людского контингента, что не могло не возникнуть серьёзных сомнений в его боеспособности. В его составе были студенты и научные работники Ленинградского университета, преимущественно «очкарики», не владевшие в большинстве своём никаким оружием и не привычные к тяжёлому физическому труду, а также рабочие и служащие с Васильевского острова, в большей своей части пожилые люди (45–50-летние нам тогда казались чуть ли не глубокими стариками).

Наш взвод, которым командовал младший лейтенант Олег Равдоникас (сын известного учёного-историка профессора Равдоникаса), также состоял наполовину из студентов (с исторического факультета я, кажется, был один) и питерских рабочих – «стариков», многие из которых были участниками первой мировой и гражданской войн. Несколько

успокаивало нас то, что командиром батальона был моложавый, подтянутый, решительный с виду и – что самое главное – с орденом боевого Красного Знамени на гимнастёрке кадровый офицер. Мы даже испытывали чувство гордости, что во главе батальона стоит человек, награждённый боевым орденом.

В своём взводе я сблизился с бывшими студентами-биологами и постепенно у нас сложилась тесная, спаянная крепкой дружбой интернациональная группа (в её составе были русские, украинцы, евреи, поляк), которая сыграла в судьбе многих из нас решающую роль. Её центром был, пожалуй, Солька (так его звали друзья) Шульман, небольшого роста крепыш, с узким, длинноносым некрасивым лицом и умными глазами. Своим острым язвительным языком он часто донимал нас, но все любили его за отзывчивость, постоянную готовность помочь в любом деле и в любой ситуации, поделиться всем, что имел. Очень располагали к себе Виктор Варакин, высокий, сильный, спортивного склада, деятельный и решительный, по характеру парень; мягкий, интеллигентный, чуть-чуть легкомысленный Иозеф Потоцкий, маленький улыбчивый Борька Хазак и другие. К нашему удивлению, у нас завязались хорошие, дружеские отношения с некоторыми из «стариков».

В целом во взводе сложилась хорошая дружеская атмосфера. Этому способствовали и наши какие-то полупатриархальные, товарищеские отношения с командиром взвода О. Равдоникасом и его помощником из «стариков» – Холмовским. Замечу, что эти отношения с нашими командирами ни в коей мере не были панибратскими, не вели ни в малейшей степени к попустительству и побрякам. Мы сами строжайшим образом стремились не допускать никаких отклонений от соблюдения официальных требований.

5 июля ещё без оружия, но полностью укомплектованный и обмундированный батальон был выстроен на набережной Невы у Академии художеств. Нас торжественно провожали на фронт. Играл оркестр, говорили речи. Я испытывал чувство гордости за то, что стою в этом строю, осознавал себя участником великих исторических событий. В толпе провожавших плакали и причитали женщины.

Поход из Ленинграда под Красное село был первым серьёзным испытанием пашей физической закалки, которого многие из нас – н я в их числе – не выдержали. Обессилевших бойцов по пути подбирали и доставили к месту грузовым транспортом.

Батальон расположился в Дудергофе, и сразу началось лихорадочное строительство оборонительных рубежей. Едва рассветало, после раннего подъёма и завтрака, мы, вооружённые лопатами, кирками, ломami, направлялись на работу...

Стояла июльская жара. Земля была каменистой, мы вгрызались в иге, рубили и долбили ломami, киркой, обливаясь потом, натирая кровавые мозоли. Вечером, совершенно обессиленные падали замертво. К подъёму не успевали отдохнуть, нас с трудом поднимали, и снова начинался этот невероятный, непосильный труд, которому не видно было конца. Жалоб у нас не было – с фронта приходили сводки одна тревожнее другой, опасность нависала и над Ленинградом.

Эти недели изнурительного труда пошли нам на пользу. Мы загорели, огрубели и окрепли. Отсутствием аппетита никто из нас не страдал, кормили хорошо, сытно, да и мы умудрялись пополнять казённый паек из местных ресурсов. Незаметно работа стала меньше нас изнурять – стало больше и сил, и сноровки.

Состояние тревоги, беспокойства, нервного напряжения нас не покидало. Немцы двигались в глубь страны. Что происходит? Почему мы отступаем? Мы не могли найти ответа, строили самые разные предположения, догадки, ловили малейшие слухи. Высказывалось мнение, что во всем виноваты предательство, измена, что в нашем тылу действуют вражеские лазутчики, диверсанты, шпионы, сигнальщики, то и дело распространялись слухи об их поимке, о «фактах» измены и предательства. Некоторые предполагали, что командование стремится втянуть противника в наши необъятные просторы, растянуть его коммуникации, что скоро бросят на фронт сибирские и уральские дивизии и начнётся решительный разгром врага.

Но одно становилось для нас ясным: мы имеем дело с очень сильным и жестоким врагом, который превосходит нас опытом и вооружением. Мы уже наблюдали несколько воздушных боев, видели паши сбитые и сгоревшие самолёты, ощущали на себе, что противник полностью господствует в воздухе.

Постепенно мы проникались сознанием грозящей опасности, стали отдавать себе отчёт, что война будет невероятно тяжёлой и кровопролитной, что речь идёт о жизни, о самом существовании. Удивительно, что речь о возможном поражении у нас не возникала, сомнений в том, что враг в конце

концов будет побеждён, не было. Но пока все было неясно, мрачно, все складывалось трагично.

В августе батальон передислоцировался в район деревни Настолово. Здесь завершалось строительство укрепленной линии, но временно некоторые укрепления располагались на опушке леса. Здесь, наконец, батальон получил оружие, и мы стали заниматься больше и усерднее боевой подготовкой.

В один день сентября мы увидели вдали, в небе, в той стороне, где находился Ленинград, мрачную черную тучу. Она, казалось, неподвижно висела над городом. Что там происходит? Всех охватила тревога. У многих в городе были родные и близкие. Поползли какие-то зловещие слухи: не то Ленинград совершенно разбомбили, не то город горит, не то в городе идут бои... Мы терялись в догадках. Решили, что кого-нибудь надо послать в Ленинград выяснить обстановку. Но осуществить этот план было невозможно без санкции командования.

Именно в этот момент меня вызвали к командиру и приказали быстро собраться и немедленно доставить пакет в район Пулковое. Мы были благодарны командиру взвода О. Равдоникасу, который учёл наше настроение и сумел устроить эту «разведку».

Назавтра, в полдень, в полной боевой форме, с винтовкой на плече, с примкнутым штыком, с запасом боевых патронов в сумке и противогазом на боку я шагал по улицам Ленинграда. В городе все было спокойно, не было никаких следов^{ОВ} пожаров, разрушений, бомбёжек, текла обычная мирная жизнь, работали магазины, звенели трамваи, мчались автомобили. Я завернул на Невский, чтобы навестить сестру, которая жила в доме рядом с кинотеатром «Колизей». Невский был по-прежнему наряден, сверкали витрины магазинов, двигались толпы мужчин, женщин, детей, совершенно безоружных, мирных, занятых своими повседневными заботами. Меня это удивило, вызвало какое-то недоумение. Казавшееся благодушие людей меня даже несколько обозлило. Из беглого разговора с ленинградцами я узнал о судьбе Бадаевских складов, о положении с продуктами, о возможной угрозе голода, о начавшейся эвакуации, получил много других достоверных и малодостоверных сведений. Конечно, я не мог за несколько часов узнать и увидеть, что действительно происходило в городе. Я доставил пакет, вернулся в часть и представил своим товарищам подробную информацию обо всём увиденном и услышанном в Ленинграде. Но успокоения уже быть не могло. В конце августа – начале сентября немцы вплотную подступили к Ленинграду. Назревали решающие события. С минуты на минуту мы ждали приближения противника к нашим позициям.

За нами – Ленинград

События этого дня–13 сентября 1941 года – навсегда врезались в память, и мне кажется, что я могу восстановить их в своих мыслях и воображении с почти фотографической точностью.

В последние дни нами полностью овладело состояние напряжённого, тревожного ожидания. Нервы были натянуты до предела. До нашего слуха уже докатывался отдалённый, но все нараставший гул сражения. Вот оно... Что-то огромно-зловещее, грозное, страшное неумолимо приближалось. И надо было устоять, устоять во что бы то ни стало, одолеть подступивший страх, и не попасть под его власть.

Мы не знали тогда, что 8 сентября фашистские войска сомкнули кольцо блокады вокруг Ленинграда, а в последующие дни середины и второй половины сентября бросили свои силы, пытаясь овладеть городом, и что в эти дни и часы решалась судьба Ленинграда. Мы отчётливо осознавали лишь одно: отступить некуда, за нашей спиной – Ленинград.

Мысль, что немцы могут ворваться в город, овладеть Ленинградом, была настолько нелепой, кощунственной, противоестественной, что даже не приходила в голову.

Ни от кого из своих товарищей я не слышал громких слов ,красивых фраз, клятв. Никто из нас не хотел умирать, мы все испытывали страх перед неминуемым. Но Ленинград в руках фашистов – этого никто из нас ни представить себе, ни допустить не мог.

Накануне наш батальон занял боевые позиции. Из палаток, из всех временных биваков на лесной опушке мы перешли в землянки, укрытия, наспех достроенные дзоты.

Рано утром помкомвзвода Холмовский назначил меня на пост к одной из последних палаток в глубине леса, в которой оставалось ещё какое-то военное имущество. Мне тогда казалось, что в палатке ничего ценного уже не было – накануне её вынесли, что охранять её не имело никакого смысла и что поставили меня на этот пост, скорее, по привычке, по инерции, чем по какой-то необходимости. Но спорить с Холмовским я не решился.

Питерский рабочий, старик Холмовский – участник гражданской войны – был спокойным, серьёзным, немногословным, весьма требовательным, но добрым и заботливым человеком. Нам казалось, что Холмовский знал и умел на войне все, что он все видит и все учитывает. Завернуть портянки, чтобы не натереть кровавые мозоли, уложить шинель в удобную скатку, умело использовать сапёрную лопатку, раскинуть и закрепить палатку, отрыть землянку и сделать прочный накат – все эти и многие другие необходимые солдату умения и знания он передавал нам спокойно, деловито, по-отечески строго и заботливо. Он очень мало походил на тот тип младшего командира, с которым я имел возможность близко познакомиться впоследствии. Он, скорее, был нам «дядькой», и за глаза некоторые из нас, двадцатилетних, так и говорили о нем: дядя Холмовский. Он пользовался среди нас непререкаемым авторитетом, и с ним мы чувствовали себя увереннее и спокойней. Уважительно относились к нему и его сверстники, тоже старые питерские рабочие, из которых особенно запомнились бывший мастер табачной фабрики имени Урицкого Кукушкин, невероятно худой, высокий, морщинистый, желчный и ворчливый старик, оказавшийся неожиданно очень добрым, сердечным человеком; и Малявкин – живой, энергичный балагур с молодыми, быстрыми глазами и белозубой улыбкой, самый старый боец в нашем взводе, участник первой мировой и гражданской войн. В отличие от Холмовского, они были рядовыми, и мы обычно так и обращались к ним: «дядя Кукушкин» или «дядя Малявкин».

Так вот, если на пост к палатке поставил меня Холмовский, значит, так было нужно, и все сомнения следовало оставить при себе. Оставив меня на посту у палатки, Холмовский ушёл. Я остался один, совершенно один. На опушке леса не видно было ни одного человека. Светало... Где-то, совсем уже близко, гремели выстрелы, рвались снаряды, со зловещим свистом пролетали осколки мин. Канонада становилась все сильнее и сильнее. У меня не было никакого укрытия. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

Неожиданно лес ожил. Мимо меня в тыл хлынули беспорядочные группы красноармейцев. Вид их был ужасен: мокрые, грязные, измученные, многие с окровавленными повязками, с остановившимися стеклянными глазами... Отступала сбитая с позиций какая-то пехотная часть. Моё внимание приковал к себе появившийся в лесу командир с двумя шпалами в петлицах. Один глаз его был перевязан чёрной повязкой, левая рука беспомощно висела, в правой он сжимал пистолет, что-то хрипло кричал, метался по лесу, безуспешно пытаясь остановить своих отступающих солдат,

Прошло некоторое время. Бегство постепенно прекратилось. Либо удалось приостановить отступление, либо... Меня поразила страшная мысль: если пехота отступила, значит, позиция нашего артиллерийско-пулемётного батальона осталась без прикрытия. Между тем вокруг со страшным грохотом стали рваться снаряды и мины. Казалось, что все осколки летят в меня... Все внутри сжалось. Я беспомощно метался, дёргался, пытался увернуться от смертельных попаданий. Я был один. Может быть, обо мне забыли, наши уже отступили, ушли с позиций, как и отступившие только что пехотинцы. Проклятый пост...

Вот-вот могут появиться фашисты... Страшно погибнуть так нелепо, в полном одиночестве. Бросить все и бежать? Но, а если наши не ушли? Обнаружится, что я струсил, самовольно покинул пост, позорно бежал... Как я посмотрю в глаза ребятам, Холмовскому? Стрельба усиливалась... Что делать? Холодный ужас овладевал мною, сковывал мысли и волю.

Вдруг я услышал взволнованный хриплый крик: «Идиот! Болваи! Что ты там торчишь? Убьют!» С какой невыразимой радостью я услышал Солькин голос и увидел вдали его щуплую, угловатую фигуру. Я испытывал примерно то же, что утопающий, уже попрощавшийся с жизнью и увидевший в последнее мгновение протянутую ему спасительную руку.

Однако на требование оставить пост и бежать в укрытие я ответил категорическим отказом. Я не имел права оставить пост без приказа Холмовского. Отчаянно ругаясь, Солька исчез. Через некоторое время я увидел солидную фигуру помкомвзвода. Под миномётным огнём он шёл, может быть, чуть-чуть более суетливо и менее степенно, чем обычно, но внешне вполне спокойно и спокойным голосом приказал мне покинуть пост, не выразив ни одобрения, ни порицания. Я стремглав бросился в укрытие. Там были свои, ставшие в эти мгновения особенно близкими. С ними вместе и страх куда-то исчезал. На миру – и смерть красна.

Между тем сражение разгоралось. Позиции батальона в этот день уже находились под огнём противника. Необстрелянные, мы плохо ориентировались в обстановке, испуг и страх отражались на наших бледных лицах, с каждым близким разрывом душу пронизывал ужас, который мы безуспешно пытались скрыть.

Позднее мы поняли, что обстрел наших позиций в этот день был беспорядочным, не очень интенсивным, что немцы на нашем участке ещё не перешли к решительным действиям.

Значительных потерь батальон не нёс, а в нашем взводе их и вовсе не было, если не считать одного лёгкого ранения. Но к концу дня, совершенно неожиданно для нас, поступил приказ сниматься с позиций и отступить. Все были ошеломлены.

Мы обступили командира взвода О. Равдопикаса, подступили к Холмовскому. Что случилось? Почему отступить? Ведь ещё и боя не приняли, живого противника не видели. Куда отступить? Возмущённые, гневные, забыв о только что пережитом страхе, бойцы кричали, ругали командование. У многих на глазах были слезы. Что-то в слезах кричал Борька Хазак, зло возмущался Виктор Варакин... Наши командиры ничего не могли объяснить. Подавленные, обозлённые, разгромив по пути, чтобы не доставался немцам, свой продовольственный склад и захватив сухари и концентраты, мы двинулись в тыл.

В состоянии смятения и тревоги провели бессонную ночь на краю поля, у дороги. Было холодно. То затихала, то усиливалась стрельба, кругом полыхали пожары, небосклон прочерчивали огненные следы трассирующих пуль, вспыхивали и гасли ракеты.

Ночь и наступивший день казались бесконечными. Мы ничего не предпринимали, что-то выжидали, терялись в мучительных догадках. Наконец, нам приказали строиться, мы двинулись вперёд и в тот же день ... вернулись на оставленные нами накануне позиции. Что произошло, мы так и не узнали.

Следующие семь дней я не в состоянии подробно описать. В эти дни немцы предприняли ожесточённый, яростный штурм наших позиций. Бой шёл непрерывно, почти не ослабевая. Вражеский огонь крушил наши не очень прочные земляные укрепления. Батальон сопротивлялся из последних сил, истекая кровью. Ребята гибли один за другим...

Каким-то образом до нас дошла весть о судьбе Коли (не помню его фамилию, с ним были дружны наши ребята-биологи). В их взвод попал вражеский снаряд. Произошёл взрыв. Все, кто был там, погибли, кроме Коли, но он весь обгорел, на нем не было живого места, руки и лицо обуглились. Обезумев от боли, он продолжал вести огонь. Его попытались спасти, но он отчаянно отбивался, рвался к оружию и кричал, повторяя одно слово: «Гады! Гады! Гады!»

Трудно описать наше внутреннее состояние в те кошмарные дни. Нельзя сказать, что мы привыкли – к смерти привыкнуть нельзя, но что-то внутри нас изменилось.

Невероятная усталость, измученность, физическая и душевная, переплеталась с каким-то холодным отчаянием. Нами владело чувство, что все решается здесь, на нашем участке: наша собственная судьба, судьба Ленинграда, фронта, а может быть, чего-то ещё более важного, главного!

Я не помню, что и когда мы в эти дни ели и пили и ели ли вообще, когда и как спали и спали ли, хотя ночью наступало относительное затишье, не помню, чтобы мы умывались, брились, раздевались... Казалось, что другого мира, другой жизни уже нет, что она была только в каком-то отдалённом прошлом, что все заполнили грохот разрывов, свист пуль, кровь, грязь, страх и отчаяние.

В один из этих дней произошло событие, о котором очень долго мне трудно было вспоминать и рассказывать. Накануне, во время бомбёжки, меня немного контузило: мучила рвота, головная боль и почему-то болело в горле – как при ангине. В этот день к нам пробралась молодая девушка – врач из санчасти, и ребята вынудили меня отправиться вместе с ней (заодно и вывести её из опасной зоны) в медпункт батальона.

Мы отошли от переднего края не очень далеко, как вдруг тут, в недалёком тылу, вспыхнула стрельба, возникло какое-то смятение, начались паника и бегство, причины которых я не знал. Навстречу нам выбежал небольшого роста солдатик, худое, остроносое, какое-то серое лицо которого с безумными глазами запомнилось мне на всю жизнь. Он что-то кричал, вне себя, о немцах, прорыве, окружении...

Надо иметь в виду, что паника в это время и в этих условиях была опасна и что имелся приказ расстреливать паникёров на месте. Я попытался его урезонить, сказал, что иду с передовой, что никакого прорыва и окружения нет, но он ничего не слышал и продолжал истошно вопить. Он не владел собой. В ярости он бросился ко мне и с криком: «Дезертир! Пристрелю!» – лихорадочно взвёл курок. В какое-то мгновение я инстинктивно почувствовал, что сейчас он выстрелит. Моя винтовка была заряжена... Мой выстрел был неожиданным даже для меня... Его пуля просвистела у моего уха, в то же мгновение солдатик упал... У меня тряслись руки, я не мог прийти в себя. Подбежал кто-то из офицеров. Моя спутница что-то объясняла. Я услышал голос: «Пристрелил паникёра? Правильно сделал». Но мне было нехорошо. Я повернулся и пошёл обратно на передовую, в свою часть. Разумом я оправдывал себя, знал, что мне не в чем себя упрекнуть, что в этой ситуации важно было предотвратить

панику даже ценой жизни одного человека. Но очень Долго это происшествие не давало мне покоя.

Не могу не сказать несколько слов о девушках-сандружинницах, особенно о двух из них – Ирине Громовой и Дусе Мозгаловой.

Я познакомился с ними, когда мы ещё стояли под Дудергофом и мне поручали вести в сандружине занятия по матчасти винтовки, где я слыл докой. И. Громова, смуглая, большеглазая девушка, бойкая, немного озорная, была мне симпатична, кажется, выделяла меня и охотно со мной общалась, но особенно дружески относился я, как и многие из нас, к Д. Мозгаловой – высокой, серьёзной, рассудительной девушке, простой и доброжелательной, пользовавшейся нашим общим уважением. Обе они проявили во время боев такое бесстрашие, что вызывали наше удивление и преклонение. Они перевязывали раненых под самым ужасным огнём, вытаскивали их на себе и, казалось, не знали ни страха, ни усталости.

Девушкам на фронте было во всех отношениях труднее, чем нам. Мы мало оберегали их, не заботились в достаточной степени об их нуждах. Нередко приходилось потом слышать о них грубые солдатские разговоры. Были среди девушек разные, но о тех, которых я знал в 1941 году, остались в моей памяти чистое и светлое воспоминание и глубокая благодарность.

На ночь с 21-го на 22-е сентября мы вшестером забрались в блиндаж – наскоро отрытую сырую яму с однорядным скатом из толстых брёвен. Я страдал от сильной, похожей на ревматическую, боли в ногах, и Солька, порывшись в вещевом мешке, сердито протянул мне пару толстых шерстяных носков, велел снять сапоги и, несмотря на моё отнекивание, заставил натянуть их на ноги. Мы прижались друг к другу, согрелись, пытались заснуть, но вздрагивали и просыпались от близких разрывов. В конце концов сон все-таки нас сморил, но поспать вволю, конечно, не удалось. Пробуждение было кошмарным. Где-то часу в четвёртом или пятом мы все вскочили от грохота разрывов, сильной стрельбы, непонятных криков прямо над нашей головой. В яме стояла кромешная тьма – вход в неё мы с вечера завесили плащ-палаткой.

Мы натыкались друг на друга, хватали оружие, впопыхах, толкаясь, выскакивали из ямы. Кто-то истошно вопил: «Немцы! Окружили!» Я лихорадочно содрал с ног Солькины носки, натянул сапоги и бросился вслед за ребятами к выходу.

Все куда-то бежали, вокруг свистели пули. Я бросился догонять своих, но, отбежав от нашего бивака, обнаружил, что держу в руках только один носок. Второй где-то в суматохе обронил. Я повернул назад искать носок, совершенно не осознавая нелепости и опасности своих действий, но услышал яростный Солькин вопль: «Куда?! Назад!», подкрепленный виртуозным набором непечатных выражений.

Мы не знали, что произошло. Остатки разбитого батальона беспорядочно отступали. Со всех сторон свистели пули. Мы дружной, неразлучной группой металась из стороны в сторону, пытаясь вырваться из грозившего, по-видимому, полного окружения. Выхода не было, и гибель казалась неминуемой. Не помню, кому пришла мысль попытаться вырваться через минное поле. Туда в отчаянии уже бросилось несколько групп. Многие подорвались на минах. Мы прошли благополучно и вырвались на дорогу, которая вела к Петергофу. Вдали замелькали немецкие мотоциклисты. Мы рванулись вперед, пытаясь оторваться от противника.

Очень скоро я выбился из сил (давал о себе знать довоенный плеврит): боль пронизывала левый бок, я задыхался, бросил противогаз, скатку, вещмешок, оставил лишь винтовку и одну лимонку, но бежать уже не мог... Я далеко отстал от ребят, догнать их был не в силах, а немцы приближались...

Но и на этот раз, когда, казалось бы, каждый думал лишь о собственном спасении, чья-то живая и добрая человеческая душа вспомнила обо мне. Ребята заметили что я отстал, остановили на дороге конную повозку, кто-то выбежал мне навстречу, совершенно обессиленного меня взвалили на повозку, и через некоторое время мы подходили к Петергофу.

Население здесь ещё не знало о событиях на ближайшем участке фронта. Работали некоторые магазины. Люди занимались обычными делами. Задержались мы здесь ненадолго.

Мы были ошеломлены, растеряны. Батальон перестал существовать. Мы потеряли многих товарищей, ничего не знали о судьбе Холмовского, Малявкина, Кукушкина... и в сложившейся обстановке не знали, что предпринять.

Немцы подходили к Петергофу. Откуда-то возникли слухи, что они уже заняли Ораниенбаум. Только сейчас мы поняли, что нас отрезали от Ленинграда и прижали к берегу залива. Мы лихорадочно строили планы спасения. Кто-то заикнулся что надо искать путь в немецкий тыл, к партизанам, но все отвергли этот план как нереальный. Решили поискать на берегу лодку и попытаться по заливу добраться до Ленинграда, хотя этот план был не более реалистичным. Но никаких плавсредств обнаружить нам не удалось.

Мы группой расположились недалеко от деревни Мартышкино, подсчитали и пересмотрели своё вооружение и боеприпасы, выложили запасы курева и твёрдо решили при подходе немцев дать бой, оставив для себя лишь по одной лимонке. Другого выхода, по-видимому, уже не было. С минуты на минуту мы ждали наступления последнего в жизни боя... Страшно тянулось время...

Только на завтра мы узнали, что Ораниенбаум не сдан противнику и находится в наших руках. Мы ожили и немедленно двинулись туда, чтобы присоединиться к частям, которые продолжали сопротивление.

На Ораниенбаумском пятачке

В Ораниенбауме не было никакой паники. Все были на своих местах и делали своё дело. Здесь собрались остатки нашего батальона – несколько десятков человек. Командование нами принял на себя щупленький офицерик, бывший, кажется, помначштаба батальона. Ходили слухи, что наш командир батальона в самый тяжкий момент сражения позорно сбежал, а этот младший лейтенант в совершенно отчаянном положении взял на себя командование и сумел с боем вырваться из окружения и вывести с собой несколько десятков бойцов.

Нас здесь быстро накормили и приказали немедленно отправиться в распоряжение 120-го (или 320-го, номер я запомнил) пехотного полка, который вёл бой в Петергофе. Мы двинулись обратно, по той же дороге через Мартышкино. Навстречу на повозках везли тяжелораненых, брели в тыл израненные бойцы, которые ещё могли передвигаться – там шли тяжёлые, кровопролитные бои.

...Полк, в который мы были направлены, занимал позиции на окраине нового Петергофа. В предшествовавших боях полк был изрядно потрепан, и бойцов в батальоне, который мы пополнили, едва ли набралось бы на нормальную роту. Располагались они в нескольких каменных домах – в нижних этажах, подвалах, подъездах. В одном из них и нам отвели такую же позицию.

Нашим новым командиром батальона оказался горбоносый человек (фамилию его я и тогда не знал) с худым, измождённым лицом и воспалёнными от бессонницы глазами. Ходил он в распахнутой солдатской шипели, без ремня, говорил простуженным хриплым голосом, но распоряжался как-то деловито, по-хозяйски.

Его КП находился здесь же, в подъезде одного из домов. То и дело он появлялся среди нас и производил впечатление человека, занятого делом, трудным и опасным, но делом, которое он хорошо знает, к которому он привык и которое без него никто не сделает.

С первого же дня мы включились в боевую жизнь батальона.

Здесь, недалеко от нашей позиции, находились Петергофский дворец, парк и фонтаны – чудесные творения человеческого гения, которыми ещё недавно любовались и восхищались тысячи людей. Мы не знали, что там происходит, но были уверены, что все разгромлено, уничтожено, осквернено современными варварами. Что им здесь надо? Зачем они пришли на нашу землю, разрушили нашу жизнь, убивают, жгут, уничтожают? Необычной силы ненависть поднималась в душе...

Бои шли непрерывно. Немцы намного превосходили нас огневой мощью и не экономили боеприпасов. Особенно донимали нас их миномёты. Мы отвечали преимущественно оружейным и пулемётным огнём. С наших артиллерийских позиций из-за недостатка снарядов стреляли изредка, одиночными выстрелами. Мы зло поругивали артиллеристов, так как на каждый их выстрел немцы немедленно откликались длительным и интенсивным обстрелом наших расположений.

Нас время от времени бросали в атаки на немецкие позиции, но организовывались они наспех, готовить их тщательно не было ни возможностей, ни сил. Солдат, укрывавшихся в домах, собирали небольшими группами, и мы с негромким и неуверенным криком «Ура» начинали перебежками продвигаться вперёд. Все эти атаки кончались безрезультатно: немцы, прочно укрепившись, открывали ураганный огонь, и мы откатывались, неся потери. Но и попытки немцев продвинуться вперёд также оканчивались полной неудачей.

Все время мозг сверлила одна мысль, и я готов был просить бога, если бы верил в него, об одной милости: уж если суждено, то чтобы убило сразу, наповал. Страшно тяжело было видеть растерзанные, изуродованные тела людей, видеть их нечеловеческие муки. Особенно тяжело подействовал на меня один случай. Во время атаки мы бежали вместе с молодым симпатичным парнем, с которым сблизился в последние дни – на фронте дружба возникала и крепла быстро. Нас накрыл немецкий шквальный огонь. Неожиданно он упал.

Я бросился на землю рядом с ним и замер от ужаса: его лицо было сплошной страшной раной, из которой хлестала кровь. Он ещё был жив, корчился, хрипел... Я видел его открытые глаза... Я не мог ему ничем помочь и умирал вместе с ним...

Не скоро после этого я пришёл в себя.

Как-то днём я получил задание пробраться к Петергофскому вокзалу, который занимала группа бойцов, как оказалось, из бывшего нашего добровольческого батальона. Вокзал вклинивался в немецкую оборону, и командование, о чем я, естественно, тогда не знал и мог лишь догадываться, по-видимому, решило этим воспользоваться и несколько улучшить наши позиции на этом участке. Мне было поручено передать приказание, чтобы в назначенное время ребята открыли из здания вокзала интенсивный огонь из всего имевшегося у них оружия, не считаясь с расходом боеприпасов, вероятно, чтобы отвлечь на себя внимание противника. Было это во второй половине дня.

На позиции шла вялая перестрелка. Я где бегом, где по-пластунски благополучно пробрался к цели. В здании вокзала, действительно, находились ребята, которых я немного знал раньше, хотя узнать их было трудно. Я передал приказ, посидел, отдохнул, потянул время (не очень хочется выходить из укрытия, когда противник постреливает) и, наконец, поднялся с намерением уходить. Меня тут же остановили: «Куда? Ты в своём уме?» И объяснили, что выход находится под наблюдением и обстрелом и что все попытки выйти отсюда кончаются плачевно. Я в растерянности посидел ещё, но у меня был приказ вернуться и доложить комбату о выполнении задания. Мы приоткрыли дверь и выставили на штыке солдатскую пилотку, тут же просвистели пули. В нерешительности я подождал ещё, однако надо было что-то придумать и во что бы то ни стало выбраться отсюда.

Наконец, мы выработали план. Ребята резким толчком открыли дверь, и я бросился вниз головой на каменные ступеньки под прикрытие толстых бетонных перил. Упал я не очень удачно – в кровь разбил правое колено и локоть. Пули с треском шлёпались вокруг, но я был надёжно прикрыт. Лежать на каменных ступеньках вниз головой было неудобно, болела разбитая нога, пошевелиться и изменить положение было опасно – немцы продолжали обстреливать. Прележал я так около часа. Постепенно стрельба утихла. Я осторожно пополз и перебрался в ближайшую воронку. С большими предосторожностями преодолел опасный участок, вернулся в расположение батальона и доложил о выполнении задания.

С большим трудом после этого я добрал до своего дота, достал индивидуальный пакет, перевязал ногу и в полном изнеможении растянулся на цементном полу.

Конечно, мы были невероятно измучены. Сколько времени не отдыхали, нормально не спали, не раздевались. Ночью, когда бои несколько затихали, мы позволяли себе только снять сапоги, так как было уже просто невмоготу. Неблагополучно было и с едой. Раз в день один из нас отправлялся в тыл и доставлял хлеб, сухари, сахар и ведро густого не то супа, не то каши с мясом или консервами. Это, уже холодное, моментально уничтожалось, но бывало, что и этого не доставалось: то кухню разбомбило, то солдат, отправленный за продуктами, не вернулся. Есть хотелось постоянно. Мы шарили в оставленных жителями опустевших квартирах, но продуктов не находили (возможно, до нас уже тут побывали). Однажды наши обнаружили запас пшённой крупы, кто-то притащил примус с керосином, сварили в подвале дома кашу, но совершенно без соли, которую, несмотря на усиленные поиски, нам добыть не удалось. Но и такие удачи выпадали слишком редко.

В одной из квартир дома, где мы занимали оборону, кто-то из ребят обнаружил неплохую библиотеку. Не сговариваясь, вечером, когда наступило затишье, мы отправились туда, замаскировали в комнате окна, зажгли обнаруженные тут же разноцветные витые новогодние свечи и устроились, кто как мог, на полу с выбранными книгами. У меня в руках был том «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Я оказался в доме Ростовых. Я видел Наташу, Соню, слышал их разговор... Трудно передать словами то наслаждение, которое мы испытывали. Мы забыли обо всем. Не было немцев, войны, ужасов последних педель...

То ли мы плохо замаскировали окна, и свет пробивался, то ли по случайности, по несколько мин угодило в стену дома, недалеко от наших окон. Мы не обращали внимания...

Неожиданно дверь отворилась; нас отрезвил гневный окрик комбата: «А, студенты! Мать вашу разэтак! Читальный зал открыли! Немедленно гасить огонь и всем вниз!»

Мы спустились на землю. Томик Толстого я не вернул на полку (да простит мне владелец это воровство), а положил в противогазную сумку (противогаз был давно выброшен как излишняя тяжесть), и он был со мною все эти дни боев в Петергофе.

Ораниенбаумский пятачок был ничтожным клочком земли на берегу Финского залива. Казалось, что вот-вот, ещё одно усилие, и немцы опрокинут оборонявшиеся, отрезанные от Ленинграда разрозненные наши части, сбросят нас в море и уничтожат. У нас не было ни сил, ни средств, чтобы сдержать врага, но пятачок каким-то чудом держался. Эти несколько километров немцы одолеть не могли. Они были обескровлены, измотаны, и, несмотря на ничтожность, слабость наших сил, недостаток боеприпасов, почти полное окружение (связь с Ленинградом была только по морю), сломить отчаянное сопротивление наших частей им здесь так и не удалось. В конце сентября – начале октября положение как-то стабилизировалось.

Ораниенбаумский пятачок держался вплоть до перехода Ленинградского фронта в решительное наступление и полного освобождения Ленинграда, в котором он сыграл свою заметную роль. Но меня уже там не было.

...Мина разорвалась почти рядом со мной. Я успел упасть, в глазах мелькнул огонь, я почувствовал мгновенный не то удар, не то толчок, на меня посыпались комья земли, камни...

Я очнулся, попытался подняться и взять выпавшую винтовку, но от острой боли потемнело в глазах... В ушах звенело, внутри все дрожало, по шее текло что-то тёплое и липкое, ноги плохо держали. Я был испуган, не знал, куда ранен и вообще жив ли...

Подбежал незнакомый солдат, помог подняться, взял мою винтовку и, полувзвалив меня на себя, потащил в медпункт. Первым, кого я здесь увидел, был Солька. Он был тяжело ранен разрывной пулей в бедро, только что ему наложили повязку, он лежал и чертыхался.

У меня оказалась перебитой кисть правой руки, в которую к тому же врезалось много мелких осколков, продырявлена мягкая ткань правого плеча, острую боль вызывало осколочное касательное ранение на затылке. Ничего опасного для жизни, но чувствовал я себя плохо, и Солька всячески меня поддерживал.

Нас погрузили на телегу и повезли в Ораниенбаум. Здесь раненых размещали в большом здании на полу, устланном соломой, покрытой плащ-палатками. Отсюда нас должны были увезти по Финскому заливу в Ленинград, но транспорт запаздывал.

К вечеру здесь скопилось несколько сот раненых. Обслуживающего персонала было мало или вовсе не было. В помещении становилось темно, удушливая атмосфера, насыщенная тяжёлыми запахами.

Стонали тяжелораненые, кричали в бреду, звали на помощь, просили пить. Сделанные наспех повязки пропитывались кровью, кто-то умирал, беспомощные оправлялись под себя...

Рядом со мной, непривычно молчаливый, со сжатыми зубами, бледным лицом, на котором выступали капельки пота, лежал Солька. Меня встревожило его состояние. Он в двух словах объяснил мне, что у него, по видимому, начинается гангрена, и если нас скоро не увезут, и хирурги в ближайшее время не займутся его раной, ему грозит не только полная ампутация ноги... – сепсис. Солька не был паникёром, он разбирался в этих делах, вырос в семье врача (отец его был директором фельдшерской школы), сам был биологом, и я не сомневался в правдивости его диагноза. Я тяжело переживал его беду.

Наступила кошмарная ночь. Никто не спал, слышны были только стоны и хрипы. Настроение и состояние раненых становилось все более и более тяжёлым.

И вдруг лежавший рядом Солька тихо запел:

Товарищ, товарищ, болят мои рапы,
Болят мои раны глубоко.
Одна заживает, другая нарывает...

Все замерли, так это было неожиданно.

Я стал подпевать... К нам стали присоединяться все новые и новые голоса. Скоро все, кто был в состоянии, включились в необычный хор. Ни я, ни Солька не обладали никакими вокальными данными, и в роли запевал выступали первый раз в жизни. Пели все, что мы помнили: «Ермак», «Стеньку Разина», «Бродягу», «То не ветер ветку клонит», «Славное море, священный Байкал», «Ах ты, доля моя, доля» и многое другое.

Кончалась одна песня и почти без пауз начиналась другая. Было что-то нереальное, фантастическое в этом хоре раненых солдат, голодных, окровавленных, измученных болью и неизвестностью. С каким-то неизъяснимым чувством изливали мы свою боль, горечь, тоску и свою нерасторжимую связь с этой общей землёй... Наше ночное пение было услышано и, видимо, поразило людей. Скоро в помещении появились местные жители – мужчины и женщины, – стали оказывать посильную помощь, перевязывать раны, поить, появились бутерброды с колбасой, сыром. Мы были окружены вниманием...

Только на вторые сутки, ночью, с большим опозданием

за нами пришёл теплоход. Моряки и местные жители торопливо, но осторожно и заботливо, перетащили всех раненых. Судно было забито до отказа. Нас предупредили: не шуметь, не курить. Путь по Финскому заливу был опасен. Немцы охотились и топили суда даже с ранеными. Надо было проскочить в Ленинград до рассвета. На пашу беду, теплоход в пути надолго задержал не то туман, не то другая какая-то причина.

Все страшно нервничали. Вот-вот появятся немецкие самолёты и пустят нас ко дну.

На рассвете мы все же прибыли в Ленинград, но уже плохо осознавали, что происходит. Нас быстро грузили в машины и развозили по госпиталям. Мы с Солькой были доставлены в эвакуогоспиталь № 1444 «а Петроградской стороне».

Проснулся я на вторые сутки. Я лежал в чистом, светлом коридоре, у стены, на носилках. У противоположной стены на таких же носилках лежал мой друг.

Моя реакция на то, что нас окружало, была ему вполне понятна: «Солька! Смотри! Простыни!!!» – крикнул я, и мы оба засмеялись... Через пару часов мы уже лежали на соседних столах в операционной, поразившей наше воображение своей белизной и чистотой.

Пытаясь избежать сепсиса и ампутации, хирурги долго копались в ране моего друга, кромсали и резали его ногу, поражаясь его выдержке. Он изредка тихо стонал или кряхтел.

Из разговора врачей я понял, что у меня решили отнять пальцы, но подошла пожилая женщина-хирург и отменила это решение. Раны обработали и уложили руку в гипс. Когда стали обрабатывать рваную рану на затылке, я закричал зубами... и тут услышал глухой, изменившийся голос Сольки: «Товарищ, товарищ, болят мои раны...». Я стал подтягивать. У нас уже было испытанное средство против боли...

В операционной стали собираться врачи, сестры, чтобы посмотреть, что происходит. Они ещё не слыхали, чтобы раненые бойцы на операционном столе дружно бредили подобным образом.

Началась наша обычная госпитальная жизнь. Мы приходили в себя от пережитого.

Нам казалось, что мы прошли через невероятные испытания, что мы испытали на себе самое тяжкое, что может выпасть на долю человека. Но мы ошибались: впереди были часы, дни и месяцы блокады Ленинграда...

КАПЦУГОВИЧ СЕБАСТЬЯН ИВАНОВИЧ

Севастьян Иванович Капцугович родился в Минске 28 марта 1907 г. Рос и воспитывался в многодетной белорусской семье. Так уж сложилось, случайно это или нет, рядом с домом, где жили Капцугович, находилась Объединённая белорусская военная школа им. ЦИК БССР. Севастьян Иванович в 1926 г. поступил, а в 1930 г. закончил эту школу по специальности «артиллерист».

С этих лет он всю свою жизнь связал с армией. Начав военную службу в 1931 г. в 33-м артиллерийском полку 33-й стрелковой дивизии, он прошёл путь от командира взвода, батареи до помощника начальника штаба артполка.

В 1939 г. капитан С. И. Капцугович назначается командиром артиллерийского дивизиона 287-го артполка 143-й стрелковой дивизии, которая дислоцировалась в Гомельской области Белоруссии. С сентября по ноябрь 1939 г. дивизия была направлена в район Бреста (Западная Белоруссия). В составе группы войск Красной Армии 143-я дивизия была перебросена на территорию Литвы в район Каунаса.

После выполнения задания командования 287-й артиллерийский полк вернулся в район г. Речпцы Гомельской области.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. дивизион капитана С. И. Капцуговича был поднят по боевой тревоге. К 12 часам дня 22 июня 1941 г. 287-й артполк был готов к отправке по железной дороге на «учения». Естественно, основной комплект боеприпасов был оставлен на складах военного городка, где, кстати, жили семьи военнослужащих, вольнонаёмные.

Для кадрового командного состава, к которому принадлежал С. И. Капцугович, 22 июня был днём личной и профессиональной трагедии. Первые бои с фашистами в районе Барановичей носили ожесточённый оборонительный характер. Но при отсутствии необходимого боевого комплекта, нарушенном управлении войсками дивизия понесла невосполнимые потери. Остатки дивизии, прорвавшие кольцо окружения, были направлены на переформирование в Сибирский военный округ, в г. Барнаул.

Приказом наркома Обороны С. И. Капцуговичу в 1941 г. было присвоено звание майора, он был назначен командиром артиллерийского дивизиона.

В октябре 1941 г. дивизион майора С. И. Капцуговича в составе 941-го артполка 372-й стрелковой дивизии 59-й армии принял участие в боях на Волховском фронте.

В середине января 1942 г. немецкий снайпер «приговорил» майора к ампутации ноги. Благодаря мастерству хирургов через полгода (лечился в госпиталях Кирова, Свердловска) майор Капцугович оказался снова в строю. Но на фронт не пустили.

С августа 1942 г. он был направлен преподавателем в Смоленское артиллерийское училище, которое, оказалось, было эвакуировано в г. Ирбит Свердловской области. Училище до войны по праву считалось одним из лучших по подготовке артиллеристов. В годы Великой Отечественной войны оно стало кузницей высокопрофессиональных командиров Советской Армии.

Наряду с преподавательской работой С. И. Капцугович выполнял обязанности заместителя начальника учебного отдела училища.

Смоленское артиллерийское училище окончили некоторые преподаватели Пермского университета – В. А. Романов (кафедра физической культуры), доц. Чернышев (геологический факультет). Бывшие курсанты в мирное время часто вспоминают военные годы учёбы.

В 1946 г. в связи с расформированием Смоленского училища С. И. Капцугович был направлен начальником учебной части военной кафедры Молотовского университета.

Севастьян Иванович почти до конца своих дней преподавал в Пермском университете. Когда он вышел на пенсию, то все равно был вместе с коллективом, выполнял ответственные поручения, участвовал в общественной жизни университета.

Ветераны, бывшие студенты, да и все, кто его знал, всегда отмечали его скромность, выдержку и присущие кадровому военному пунктуальность и аккуратность в преподавательской деятельности, в личной жизни.

Правительство наградило его орденом Ленина, Красной Звезды, Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени, медалями.

Сейчас боевые награды, некоторые личные вещи фронтовых времён Великой Отечественной войны переданы на хранение в музей университета.

В декабрьскую стужу 1978 г. он был похоронен с воинскими почестями в Перми. Но остался в памяти коллег, близких и родных этот человек, глубоко преданный России, своей родной Белоруссии.

И. С. Канцгович

Б. К. МАТВЕЕВ **МНЕ ПОМНИТСЯ 42-й**

Когда кончилась война, мне было 19... Войну мы встретили мальчишками, восприняли её легкомысленно, но быстро повзрослели и возмужали. По возрасту мы оказались во втором эшелоне. В первом сражались наши отцы и братья. Мой отец и старший брат Юрий ушли на фронт добровольно и воевали под Москвой. Брат погиб в феврале 42-го, когда ему исполнилось 19. Отец после ранений долго болел и после Победы протянул всего три года. Он умер пятидесятилетним. Поэтому, когда мы празднуем День Победы, я вспоминаю о них, о брате и отце, о тех, кто принял в ту тяжкую пору огонь на себя.

Осенью 42-го отец попал в подмосковный госпиталь. Я выхлопотал пропуск и поехал к нему. Москва встретила меня сурово. Когда поезд подошёл к Курскому вокзалу, началась бомбёжка. Всех пассажиров загнали в туннель и метро. Сердито и торопливо бухали зенитки, и по крышам барабанили осколки снарядов. После отбоя прошли строгую проверку документов. В Москве было непривычно малоллюдно, серо, грязно, многие дома окрашены в защитный цвет, на улицах мешки с песком, противотанковые ежи, некоторые здания закрыты маскировочными сетями.

В электричке – одни военные. Снова проверка документов. Прифронтная полоса. За окном мелькают разрушенные деревни и груды разбитой немецкой техники. Фашисты не прошли.

Госпиталь помещался в четырёхэтажной школе. Каждый класс – палата с нарами. Обстановка простая. Без всяких строгостей меня провели в палату к отцу. Окружили раненые, жадно расспрашивали о Москве: «Как там?» Отец, осунувшийся после ранения, смотрел на меня умными глазами и

плакал: чёрная ремесленная шинель болталась на мне, как на вешалке, а из ворота торчала худая шея...

Я привёз отцу тяжёлую весть: Юра погиб. Мы долго сидели на нарах и молчали.

Брат был для меня примером, учителем, опорой и защитой. Внешне он походил на русского богатыря: высокий, сильный, с широким умным лицом и тёплым добрым взглядом. Он поражал и восхищал друзей и взрослых многогранностью таланта: много читал, рисовал, мастерил модели, обладал великолепным музыкальным слухом, играл почти на всех музыкальных инструментах, мечтал о скрипке. Брат очень любил природу, лес и все живое. Воспоминание о нем – как клятва на всю жизнь. Его могила затерялась в полях Подмосковья.

В День Победы наш главный тост за них – тех парней, неизвестных солдат, жизнь которых продолжается в нас.

БЫЛИ ТАМ, ГДЕ НУЖНЕЕ (о Ф. В. Каменских)

Всех фронтовиков, участников Великой Отечественной войны, объединяла безграничная преданность Родине, готовность отдать жизнь за её независимость. Особенно остро чувствуешь и понимаешь это, просматривая кадры кинохроники, читая книги, слушая воспоминания ветеранов...

Секретарь комсомольской организации расчётного отдела Краснокамского бумкомбината Фаина Бубнова, окончив курсы медсестёр запаса, стремилась на фронт. После нескольких неудачных попыток её все лее призвали в армию, правда, в артиллерию.

Шёл июль 1942-го. Район Ладоги и Волховстроля. Сначала была служба на батарее дальнемерного отделения – сбор точных данных для стрельбы по вражеским самолётам, потом рота связи. 18-летнюю Фаину назначили командиром отделения, состоявшего в основном из ленинградцев, мужчин старше её. Перед ними стояла задача восстановления кабельной и телефонной связи на передовой, прикрытия Плехановского аэродрома бомбардировочной авиации близ деревни Симонове и Волховского моста – единственного, соединяющего Ленинград с Большой землёй.

Трудно вспоминать те дни: были белые ночи и самое настоящее пекло. В воздухе постоянно «висело» до 200 «юнкерсов», только уходили одни, прилетали другие, страшный рёв пикирующих самолётов, разрывы бомб. Выбитый пролёт моста тут же восстанавливается инженерными войсками, снова

прямое попадание и снова восстановление... Вот нашим удаётся подняться с аэродрома, а сядут обратно далеко не все...

Все это – на глазах молоденьких девчонок. Пронзит мгновенно боль, но думать о смерти некогда, главное было – выполнить приказ.

Фаине первой из девушек была вручена медаль «За боевые заслуги» – за быстрое восстановление связи после попадания бомбы в командный пункт.

– Все было так, как пишет Юлия Друнина, – рассказывает Фаина Васильевна Каменских, – мы тогда ходили на парней, после Победы перешивали шинели на пальто. Видела смерть, пухших от голода ленинградских детишек, пылающий Таллин. Жили в землянках, неделями не видели хлеба, но никто из нас не хныкал, никто не болел. Мы ветераны 77-й дивизии, ежегодно встречаемся в День Победы в Ленинграде, дружба наша не стареет. И мы хорошо знаем, что мирная жизнь досталась нам дорогой ценой.

В. Куликова

ВОЙНА БЕЗ ВЫСТРЕЛОВ (об И. Г. Шапошникове)

С 1948 года работает в нашем университете Иван Григорьевич Шапошников. В Перми он стал профессором, его имя известно не только в нашей стране. Но есть период в его жизни, о котором знают немногие...

Часовой коротко зевнул, размял плечи и снова застыл, стараясь сохранить под шинелью остатки тепла. «Где же эта проклятая смена?» – раздражённо подумал он. Но вот невдалеке послышались шаги, и часовой внутренне подобрался. Сейчас, когда русские были уже под Николаевом, побегі участились – пленные, неизвестно как, но все-таки бесследно исчезали.

«Слава богу, свои», – подумал часовой и снова замер. Две фигуры в немецкой форме – у одного винтовка за плечами – приближались к посту. «ХИВИ», – определил часовой и грубо окрикнул одного из них, который, подслеповато шурясь, шагал прямо на колючую проволоку.

На двусмысленную шутку в ответ, часовой слабо улыбнулся и подумал: «Ладно, хоть не обругали». Холодно и неудобно было ему на студёном весеннем ветру Украины. Часовой зябко поёжился и затосковал о родной и далёкой Вене. А немецкие солдаты уходили по дороге в город...

Так в марте 1944 года совершили побег из лагеря военнопленных переводчик лагерного лазарета Шапошников и один из врачей.

Потом Иван Григорьевич вспоминал, что на побег он шёл совершенно спокойно, уверенный в успехе, а у его друга пульс подскочил под 100. Вспоминал, как снял очки, чтобы казаться неузнаваемым, как едва не наткнулся на колючую проволоку. Как потом две недели до прихода наших войск просидели они в подполье дома одного из рабочих судостроительного завода. А наверху, в доме, прикрывали их две женщины с маленьким мальчиком.

Немцы уходили из Николаева...

Изучая немецкий язык сначала в школе, потом во Владивостокском университете, в аспирантуре, Иван Григорьевич Шапошников не мог и предположить, как пригодится ему язык. Работая заведующим кафедрой физики Казанского университета, Иван Григорьевич читал немецкую специальную литературу, продолжал изучение языка. А потом был ворошиловский призыв 1939 года.

Иван Григорьевич встретил войну младшим сержантом интендантской службы. Для него, как и для многих других, нападение фашистов было неожиданностью, нелепостью, в которую трудно поверить. Настроившись воевать на чужой территории, тяжело было отдавать врагу свои города и села.

Растерянность, скитание на штабной машине с одной винтовкой на двоих, первые наспех сделанные переводы писем фашистских офицеров и неутомимая жажда боя, схватки один на один с врагом – таким было начало войны для Ивана Григорьевича Шапошникова. Разведку штаб высылал наобум, без карт, без знания местности, и постепенно полк оказался в окружении под Уманью. Со штабной машиной пришлось расстаться...

Три недели по глубоким немецким тылам шли втроём, оборванные, худые. Шли в поисках фронта. Потом Шапошников остался один...

Шёл, в основном ногами. Деревенские жители встречали его по-разному: кто с открытой душой, а кто и с затаённой злобой. Однажды, ошалевший от голода и жажды, Шапошников постучался в дом, стоявший на краю деревни.

Открыла хозяйка: «Ой, то ж солдатик. Заходите в хату». Встретили его очень приветливо, накормили, как могли, лишних вопросов не задавали. Иван Григорьевич старался есть мало, но голод давал о себе знать. Неловко и стыдно было за то, что наши деревни оставлены на разграбление и поругание фашистам и сельчане, несмотря ни на что, помогают ему, советскому солдату. Хозяйка пригорюнилась, глядя на его оборванную мокрую одежду. «Обсушитесь малость, да выспитесь на печке».

Трудно передать наслаждение, которое испытал на тёплых печных кирпичках продрогший и усталый человек. Сои, чуткий и беспокойный, пришёл сразу. И вдруг в двери требовательно забарабанили...

«Выдали! Немцы!» – мелькнула мысль. Но хозяйка ласково, успокоительно улыбнулась, Шапошников придвинулся как можно плотнее к стене, туда, где была густая тень. Как в тумане вглядывался он в лица врагов, стоявших у самой печки перед хозяйкой, что-то жалобно и скороговоркой объяснявшей.

Когда немцы ушли, он наспех оделся в ещё влажную одежду, попрощался с хозяйкой и ушёл. Иван Григорьевич решил никогда больше не подвергать такой опасности людей, дающих ему пищу и кров...

Плен казался чем-то страшным, невыносимо удушливым, невозможным. Но в деревне Березовка, под Одессой, в домике, куда зашёл Шапошников попросить воды, первое, что он увидел, были румынские шинели и винтовки. «Юде!» – выкрикнул румынский офицер. Это слово как клеймо смерти. Лязгнули затворы винтовок и Иван Григорьевич ощутил близость конца. Доказывать что-то, оправдываться было бесполезно. Румыны не знали ни русского, ни немецкого языка. Да и оправдания от советского солдата, попавшего в глубокий немецкий тыл, выглядели бы в этой ситуации, по крайней мере, странно. Не помог и советский паспорт, в котором черным по белому написано «русский».

Шапошников закрыл глаза. Он ожидал, что перед смертью увидит всю свою недолгую жизнь, но воспоминания не приходили. Одна мысль билась в сознании: «Только не плен, только не плен». И черные дыры винтовок, нацеленные прямо в сердце. Наверное, он не почувствовал ни страха, ни досады на то, что так глупо попался.

Залпа не последовало. У дома взвизгнули тормоза и из машины высыпали немцы. Иван Григорьевич неожиданно для себя крикнул что-то по-немецки, и румыны неуверенно пустили винтовки.

«Юде, юде», – оправдывался румынский офицер. Немцы долго не разбирались, видимо, сыграла свою роль неприязнь, которую испытывали разные части армии друг к другу. Они забрали Шапошников с собой. Может быть, приняли за фольксдойче, может быть, сыграли роль обстоятельства, Шапошникову неизвестные...

«Значит, плен», – невесело подумал Иван Григорьевич.

Так начались его мытарства по лагерям. «Повезло», если так можно сказать о фашистском плене, в том, что лагеря содержали австрийские части. Поэтому особых зверств и издевательств не было. Это были рабочие лагеря, а не лагеря смерти.

Первый лагерь, под Одессой, представлял из себя голую землю, огороженную колючей проволокой. Люди спали и ели на земле, а с питьевой водой было совсем плохо. К единственному колодцу было не пробраться, а воду нечем черпать. Ночью военнопленные укладывались на земле так плотно, что ходить приходилось по спящим. На работу забирали только тех, кто стоял рядом с воротами. Три месяца провёл в этом лагере Шапошников. Охрана узнала, что он владеет немецким языком, и посыпались самые разные, порой дикие, вопросы.

Один из охранников, молодой спокойный парень со сдвинутой на затылок пилоткой, особенно любил эти беседы. Но первый вопрос, который он задал с глумливой улыбкой, поразил. «Правда, что у вас в России женщины общие? Сколько жён можно у вас иметь?» И никак не мог поверить, что в нашей стране не только начальные школы есть, но и институты, и университеты.

Попадали в лагерь немецкие газеты, повествующие о блестящих успехах фашистских войск со всей мишурой пропагандистской шумихи. Иван Григорьевич читал пленным эти газеты, чувствуя за блеском и националистическим угаром неуверенность в будущем. Именно комментированное чтение и нужно было больше всего людям, павшим духом. С этого и началась антифашистская деятельность Ивана Григорьевича в немецком тылу.

Однажды вечером к воротам подогнали грузовики и пленных стали загонять в кузов. Растерянные люди не сопротивлялись, страх перед чем-то неизбежным, неизвестным сковывал волю. Военнопленные уже знали о зверствах массовых убийств. И одна мысль пронзала всех: «Неужели все? Неужели конец?!...»

Грузовики доставили измученных дорогой людей в новый лагерь в посёлке Темвода под Николаевом. Длинные бараки, лазарет, обнесённые колючей проволокой, десятки тысяч военнопленных и гражданских лиц. Этот лагерь на слиянии рек Буга и Ингула служил пересыльной базой для пленных; для тех людей, которых угоняли в Германию. Поток людей не прерывался ни на один день. Менялись измождённые, измученные лица, но неизменным оставались серые коробки барачков, стальные проволочные колючки и гримасы ненависти и презрения на лицах охранников. В лазарете, где работали только наши пленные военврачи, люди умирали десятками в день. И трудно даже поверить было, что в этом скоплении нечеловеческих мук и страданий мог возникнуть очаг сопротивления фашистам.

Во главе лазарета был недоучившийся фельдшер, который так и не вышел в фельдфебели. Не зная языка, он общался с врачами только через переводчика из фольксдойче. А тот, полный ненависти и злобы ко всему советскому, мучил военнопленных, издевался над больными. Между тем обстоятельства сложились так, что именно от переводчика зависело благополучие раненых и больных. Не хватало элементарных медикаментов и еды. А тут ещё ненавистный переводчик. Поэтому его вскоре убрали из лагеря и лазарет замер в мучительном ожидании. От нового человека зависело очень многое...

Лагерная администрация знала, что одним из немногих владевших немецким языком был Шапошников. К нему и обратились с просьбой заменить переводчика. Для Ивана Григорьевича начался период мучительных раздумий и колебаний.

«Вот и все. Теперь можно вздохнуть с облегчением». Шапошников поставил последнюю точку в аусвайсе и спрятал его в тайник. Очередная партия документов была готова – значит, ещё несколько человек могли бежать из лагеря. Иван Григорьевич вышел на залитый солнцем плац и улыбнулся прекрасному дню. Но улыбка тут же сошла с его лица – на плацу была новая партия военнопленных, оборванных, измученных, со следами побоев. Шапошников вглядывался в лица солдат, пытался уловить не страх и отчаяние, а ненависть к врагам. И тут он натолкнулся на твёрдый, презрительный взгляд молодого солдата. Запёкшиеся губы прошептали: «Сволочь! Продался за кусок сахара». «Хороший ты парень», – подумал Иван Григорьевич и решил, что, если сможет, если не сломит мальчишку фашистский плен, нужно будет обязательно устроить ему побег.

Такие люди, как он, нужны были подполью – ведь они в любой ситуации оставались бойцами. А сейчас Шапошникову предстояло передать поддельные немецкие документы Рафаилу Капраэляпу.

Рафаил появился в лагере не так давно. Группа знала, что он бежал из лагеря, но был пойман, не успел добраться до партизан. Подвели документы, точнее – их отсутствие. Шапошников ни на минуту не сомневался, что такого человека нужно выручать из плена. По натуре вспыльчивый, он мог растратить всю свою энергию по мелочам, не добравшись до настоящего дела. Этот человек был необходим – ведь имя Рафаила Ивановича Капраэляна, первого советского вертолётчика, знала вся страна,

...Группа Шапошникова складывалась постепенно. Согласившись на роль лазаретного переводчика, Иван Григорьевич знал, что у него появилась возможность существенно влиять на жизнь лазарета. В первую очередь он исподволь, постепенно налаживал снабжение раненых и больных питанием и медикаментами. Потом он понял, что этим ограничиваться нельзя. Через лазарет проходили советские люди, угоняемые на работу в Германию. Фашисты панически боялись занести в страну заразные заболевания – это давало возможность признавать здоровых людей больными и спасать их от угона. Для этого был нужен выход на медиков. Шапошников стал присматриваться к врачам. Со временем он понял, что положиться можно на заместителя главного врача лазарета Лельчицкого.

Лельчицкий действовал смело, пользуясь тем, что среди немцев в лагере не было толковых медиков. Если у человека по дороге в Германию воспалялись от пыли и ветра глаза, Лельчицкий и его помощники признавали его больным заразной глазной болезнью. Достаточно было малейшего недомогания и люди получали если не свободу, то возможность хотя бы остаться на территории страны. Так были спасены от угона в Германию сотни советских людей. Таким же образом спасали от перевода в лагерь уничтожения наших офицеров и тех, кто попадался во время городских облав.

Однажды к Шапошникову после одной из таких облав подошёл человек. «Мы знаем о вашей работе. Выручайте, мне необходимо вернуться в город». Решение нужно было принимать сразу. Шапошников не имел права наткнуться на провокатора – ведь без него группа не могла работать нормально. Но этот человек почему-то вызывал доверие. Шапошников принял решение, и через несколько дней был устроен побег из лагеря. Иван Григорьевич не ошибся – этот человек, оказался членом подпольной организации «Николаевский центр».

Связь с городским подпольем удалось установить в какой-то мере случайно. Шапошникова время от времени под охраной выпускали в город, в библиотеку. Он имел возможность брать с собой книги, сидеть в читальном зале. И однажды произошла встреча, которая стала поворотной точкой в работе группы.

Лицо человека, изучавшего какой-то исторический труд, показалось Шапошникову удивительно знакомым. Присмотревшись, он понял, что перед ним Юрий Михайлович Тарасов – однополчанин, историк по образованию. И вновь наступил момент, когда Шапошникову могла помочь только его интуиция, умение разобраться в человеке. «Почему он здесь, почему без конвоя и на свободе?» – эти вопросы вихрем пронеслись в голове. Иван Григорьевич подсел к Тарасову. Тот не ожидал такой встречи и растерялся – в глазах однополчанина прочитал те же сомнения, какие одолевали его самого. Из разговора Иван Григорьевич узнал, что Тарасов был тяжело ранен, поправился и был назначен директором городского исторического музея. Договорившись о встрече, они расстались. И вновь Шапошникова охватили мучительные сомнения – можно ли доверять своему однополчанину, можно ли рассчитывать на его помощь в деятельности группы. В лазарете он долго смотрел на раскрытые страницы «Страданий юного Вертера» и думал – не заметил даже, как подошёл новый комендант лазарета. Комендант поинтересовался, что же он так внимательно читает. «Вертер? Гете? Что это – биография?» Несмотря на занятость своими мыслями, Шапошникова поразили эти вопросы...

Он решил рискнуть. Тарасов выслушал однополчанина, сам рассказал о том, что он руководит группой, входящей в городское подполье, которым командовал Лягин – советский чекист. Подполье и партизаны нуждались в новых людях, и военнопленные, бежавшие из лагерей, могли во многом помочь. Организация побегов, изучение настроений военнопленных и агитационная работа среди них стали основой деятельности группы Шапошникова. Для выполнения этих задач группу нужно было расширить. Иван Григорьевич сам беседовал с людьми, подбирая тех, кто сохранил волю к борьбе.

Самыми радостными были минуты, когда в мастерских удавалось услышать голос Родины – сводки Совинформбюро. Эти сводки размножали и распространяли в лагере. Знать правду о положении на фронте, о жизни нашей страны – как много это значило для тех, кто терял веру в себя, веру в будущее! Но основной все-таки оставалась работа по подготовке побегов.

Сама организация побегов не занимала много времени. Выходя на работу в город с многочисленной охраной, пленные могли спрятаться в развалинах домов, затеряться среди прохожих. Сложнее было потом пробираться без документов к партизанам. Многих бежавших, таким образом, со временем вылавливали и доставляли обратно в лагерь. Связь с подпольем давала возможность не только обеспечивать документами для легализации, но и принимать участие в активной борьбе с фашистами в одной из подпольных групп или партизанском отряде.

Самое сложное в этой работе – подбор людей для побегов и доставку документов – Шапошников брал на себя. Он удвоил осторожность – ведь руководитель подполья Лягин был выдан именно провокатором и погиб в фашистских застенках. Посмертно Лягину было присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

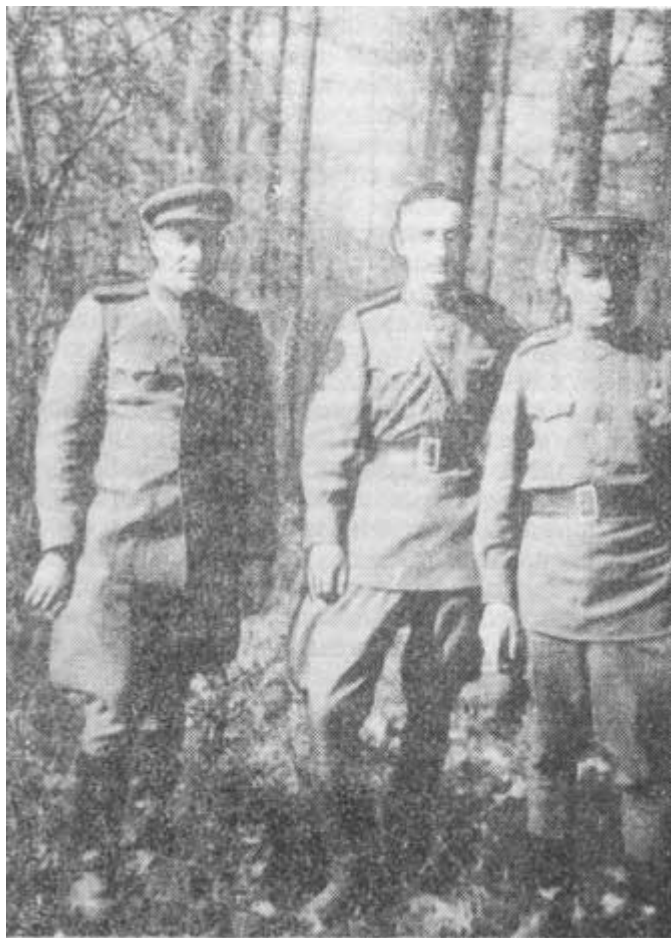
Среди наград Ивана Григорьевича Шапошникова есть медаль, которой он особенно гордится и которая дорога ему больше других. Это медаль «За боевые заслуги», полученная им за работу в антифашистском подполье.

К. Шумов

ЮНОСТЬ, ОПАЛЁННАЯ ВОЙНОЙ (о Ю. М. Рекка)

В 1941 году Юра Рекка закончил харьковскую среднюю школу. В армию его не взяли, так как ему не исполнилось тогда восемнадцати. И юноша стал студентом I курса Харьковского электротехнического института. Не прозанимавшись ни часу, студенты вынуждены были подчиниться приказу и отправиться на строительство оборонительных сооружений. Рыли окопы почти до взятия немцами Харькова. Эвакуироваться Юрий не успел.

В оккупированном Харькове фашисты продемонстрировали все свои звериные повадки: часто устраивали облавы и публичные казни; где-то происходит взрыв – 300 заложников были повешены на балконах домов. В Харькове стали создаваться многочисленные подпольные группы.

Однажды на улице Юра встретил школьного товарища Юрия Узуньяна. Этот красивый мальчик, двумя годами старше его, был гордостью школы: спортсмен, член комитета ВЛКСМ, член учкома. Юра знал, что в годы войны Узуньян был отличником боевой и политической подготовки в армии. Поэтому очень удивился этой встрече и ещё больше был удивлён, узнав, что Узуньян работает в управе, в паспортном столе. Не сразу Юра Узуньян сказал, что собрал группу надёжных товарищей и рассчитывал также на помощь Юры Рекки.

В 1942 году в Харькове, в лагере для военнопленных, скопилось большое количество советских солдат и офицеров.

Необходимо было их освободить. Для этого оформляли «липовые» документы. Подменой документов в больнице занимался профессор Мещанинов, а задачей Юрия Рекки была доставка бланков для проезда на железной дороге. Конечно, эта работа была сопряжена с огромной опасностью. Все ходили под угрозой смерти: в городе немцы постоянно проводили облавы...

Юра поступил в Харьковскую сельскохозяйственную школу, где учащимся выдавали справки, освобождение от угона в Германию. Однажды в школу прибежала мама и сказала, что дома был обыск. Взяли только железнодорожный бланк и фотографию.

Юру арестовали в тот же день и привезли в тайную полевую полицию. Случайно (сколько раз потом случай или провидение станет спасением для него!) Юру втокнули в камеру, где уже сидели его товарищи по группе сопротивления. Из нескольких фраз, сказанных Узупьяпом, Юра понял главное: надо скрывать факт массового использования бланков.

За дверью посылались шум и ругань. Прибежали за Юрой: немцы поняли, что совершили оплошность, перепутав камеры. Сначала его должны были допросить...

Начались допросы. Фашисты проявляли свой «демократизм», предлагая подпольщикам на выбор любое из орудий, имеющихся в арсенале пыток.

А потом из тайной полевой полиции группу перевели в СД на Сумскую, 100, где каждый день казался годом. Сидели в камере смертников. Передачи от родственников им не приносили: «Всё равно умрёт». Первые восемь дней еду не давали совсем, лишь потом стали давать воду и баланду.

Так прошло ещё две или три недели. Товарищи уже не вставали... Юра совсем ослаб и вскоре заболел тифом. Немцы, страшно боявшиеся тифа, выпустили его: «все равно где умирать». И так, снова благодаря случаю, Юра оказался на свободе.

Вскоре немцев выбили из Харькова, но при контрнаступлении немцы вновь овладели городом – и так быстро, что захватили штабы и лазареты. И вновь жители города стали свидетелями неслыханного варварства: фашисты сжигали лазареты и расстреливали раненых. Об этом событии сообщалось в немецкой прессе сразу же после войны, но немцы не верили этому. Как, впрочем, и ныне многие не верят злодействам, творимым фашистами на оккупированных территориях.

Болезнь стала отступать, и Юра понял, что необходимо бежать, бежать из Харькова... Едва окрепший, он предпринял Попытку бегства, но был взят во время облавы и отправлен в распределительный лагерь.

Но провидение или опять случай... Немцы продавали рабочую силу, и Юрия купила помещица, внука основателя Аскании-Нова. Знание языка и вполне арийский вид юноши расположили к себе хозяев, что давало относительную свободу. Юра мог нелегально выбираться в Росток, где поддерживал связь с военнопленными, помогая продовольствием и сообщая информацию о положении на фронтах.

В последней декаде апреля части Советской армии заняли г. Росток. Юрия Рекку мобилизовали. Знание немецкого языка и обстановки в районе помогли: Юрий был направлен в военную комендатуру, которая занималась вопросами устройства внутренней жизни Германии.

О подписании акта о капитуляции Германии комендатура узнала утром 9 мая. Радость Победы было трудно выразить словами, поэтому палили из всех видов оружия. Подобного состояния радости Юрий Максимович никогда не испытывал.

P. S. О войне говорить он не любил: ожившая память отдаётся болью.

*И. Соловейчик,
А. Стабровский*

ЧЕРЕЗ ОГОНЬ И ВОДУ (о М. Ф. Власове)

По глазам Михаила Фёдоровича Власова – кандидата филологических наук доцента кафедры русского языка и стилистики – по глазам, всегда добродушно-ироничным, оживлённым, доброжелательно-внимательным, трудно прочитать нелёгкую историю его военной молодости.

А все началось так. В 1939 году после окончания 22-й пермской школы Михаил Фёдорович поступает в Ленинградский политехнический институт. Однако учёбу вскоре пришлось прервать. Назрел конфликт с Финляндией. Михаил Фёдорович был зачислен в запасной химический полк.

Эта короткая война запомнилась суровыми морозами (легкораненые падали и моментально замерзали насмерть) и бесчеловечной жестокостью белофиннов, прошедших школу убийств у фашистов Германии.

Затем – Крым... отдых в Евпатории, откуда через месяц дивизию передислоцировали в Одессу. Осенью 1941 года всех, кто учился в вузах, должны были демобилизовать в чине младших лейтенантов. Но 22 июня началась война. Уже в 12 часов Одессу бомбили враги. В сознании двадцатилетнего молодого человека навсегда врезалась деталь – немецкий подбитый самолёт, рухнувший на Дерибасовской. Уже через двое суток – первый настоящий бой на Пруте с румынами. Большие потери. Гибель кадровиков. Вынужденное отступление. Станица за станицей. Деревня за деревней. Город за городом. Но даже при отступлении ни на минуту не оставляла надежда. Останавливались, вступали в бой. Запомнились сражения возле Николаевки во время переправы через Южный Буг, битва за Херсон, уже зимой – за Ворошиловград, Ростов. В мае 1942 года во время наступления на Харьков возле станции Лозовая Харьковской железной дороги полк попал в кольцо окружения, фашисты блокировали все пути к нашим тылам, к боеприпасам, продовольствию. Положение оказалось безвыходным.

Это было начало страшных кругов ада, который создали люди не в преисподней, а на нашей общей Земле.

Концлагерь в Шепетовке. Колючая проволока. Голод. Болезни. Затем лагеря близ Ченстохова в Польше, № 318 в Ламсдорфе (Восточная Германия) Эрзац хлеба из бурака и опилок, баланда из неочищенной картошки пополам с грязью. Тяжелейшая работа в шахте «Анна» в городе Бойтен.

Шахта высасывала из них молодые силы. Тех, кто не выдерживал, – уничтожали. Потом г. Козел. Концлагерь, где, как и во всех лагерях, царил дух солидарности, взаимной поддержки, самопожертвования. Только это и спасало людей от гибели физической и нравственной.

В Ламсдорфе Михаил Фёдорович вступает в подпольную организацию, ставившую перед собой две главные цели – помощь больным и слабым военнопленным и подготовка побегов. Каждое утро люди, впрягшись в телеги вместо лошадей, вывозили из лагеря трупы. Так они выходили на связь с поляками, переправляли в лагерь хлеб, консервы, овощи. Военнопленные были в курсе всех событий на фронте. С жадностью передавали друг другу вести с воли. А вести всеяли

надежду: Сталинградская битва, Курская битва, освобождение Белоруссии и Украины.

Подпольная организация готовила побег – с трудом и риском для жизни при помощи польских крестьян переправляли с воли через колючую проволоку все необходимое.

На рассвете 22 июня 1944 года 150 человек предприняли дерзкую попытку... Немцы бросились в погоню. По следу шли хорошо обученные овчарки, многие из беглецов были схвачены. Остальных спасло болото. Собаки потеряли след. В лесу – за болотом – смельчаков подобрали польские партизаны, а утром к лесу подошли передовые части Советской Армии.

Михаил Фёдорович был уважаем и любим коллегами, учениками-студентами, вызывал восхищение деятельным отношением к жизни, тем, что сумел сохранить в своей душе такие вечные общечеловеческие качества как долг, совесть, ответственность, вера, надежда, любовь к жизни, к людям.

Н. Гашева

ДВАЖДЫ ВОСКРЕСШИЙ (о Г. В. Шевцове)

В летний день 12 июля 1943 года под Прохоровкой произошло величайшее танковое сражение. От рёва моторов сотен танков, лязга гусениц, разрывов мин, бомб и снарядов, трескотни пулемётов и автоматов стоял неутихающий гул. Через поля и овраги ползли «тигры» и «пантеры», извергая огонь и сея смерть. За ними шла немецкая пехота, стреляла артиллерия, бомбили самолёты...

Всюду виднелись тела убитых, искорёженные танки и самолёты, раздавленные пулемёты и орудия, бесчисленные воронки и сплошь выжженная, чёрная, дымящаяся земля...

В том бою пулемётный расчёт Георгия Шевцова в составе пулемётного взвода поддерживал огнём пехотинцев своей роты. К исходу дня из трёх пулемётных расчётов взвода остался лишь расчёт Георгия, а в нем в живых только двое.

Вот на них ползёт «тигр». Какое-то мгновение – и танк «проутюжил» окоп, раздавил пулёмёт... Пулёмётчиков считали погибшими.

Из справки № 128965 отдела учёта потерь сержантов и солдат Советской Армии: «По учётным данным 290-го с. п. 95-й гв. с. д. рядовой Шевцов Георгий Семёнович, 1925 года рождения значится погибшим 12 июля 1943 года. Похоронен: Весёлое, Прохоровского района Курской области...»

Родные Георгия получили похоронку. Но воин остался жив. Однополчане откопали его из заутюженной пулёмётной ячейки лишь на следующее утро. Со своим 290-м гв. с. д. пулёмётчик Г. Шевцов продолжал бить фашистов на Огненной дуге до двадцатых чисел июля, затем ранение, госпиталь.

После госпиталя Г. С. Шевцова направили на курсы младших лейтенантов 38-й армии, которая к тому времени с боями продвигалась к Днепру, Киеву. Курсанты вместе с воинами 38-й армии форсировали Днепр и освобождали Киев. Изнуряющими и жестокими здесь для пулёмётчика Г. Шевцова были бои со второго по шестое ноября 1943 года. Последний бой – шестого ноября на южной окраине Киева – для Георгия Семёновича был особенно тяжёлым. Из пяти товарищей-пулёмётчиков погибли трое. Сам Георгий был тяжело ранен, но не покинул поля боя и продолжал бить ненавистных захватчиков. В этом бою он уничтожил свыше тридцати фашистов.

В госпиталь, наскоро организованный освобождёнными киевлянами, Георгия Семёновича доставили лишь на седьмые сутки. К этому времени началась газовая гангрена, он редко приходил в сознание. В какой-то момент его посчитали умершим и перенесли из палаты в мертвецкую. Но солдат остался жив и на этот раз.

Домой Георгий Семёнович вернулся инвалидом второй группы и, чтобы найти достойное место в мирной жизни, снова начал учиться. Окончил Пермский университет, аспирантуру, защитил диссертацию по алгебре и вот уже 45 лет работает преподавателем математики в вузах, из них 35 лет – в Пермском университете.

Ю. Фоминых

Г. С. ШЕВЦОВ
ПОДВИГ ВЧЕРАШНИЙ РОЖДАЕТ СЕГОДНЯШНИЙ

В послевоенные годы и особенно в последнее время меня не покидало желание побывать на местах былых сражений. И вот летом 1974, через тридцать лет, я снова прошёл по местам боев 1943 года – Огненной дуге. Приятно было видеть, что на этой земле живут теперь счастливые люди-труженики. Радостно было от того, что здесь помнят и чтят подвиг советских солдат на Огненной дуге.

Почти в каждом селе, где проходили бои, с любовью и заботой сохраняют братские могилы, в которых вечным сном спят воины, отдавшие жизнь за Родину, за мир и счастье всех людей на земле. Живых же участников Курской битвы здесь встречали как самых дорогих гостей. Жители хутора Весёлый Прелестненского сельского совета Прохоровского района, откуда 12 июля 1943 года моим родителям было отправлено похоронное извещение, встретили меня как родного. От них я узнал, что останки воинов, погибших на их земле, теперь перезахоронены в братской могиле в деревне Карташовка.

Я побывал на этой могиле, чтобы поклониться и почтить память товарищей, погибших в ожесточённых танковых боях под Прохоровкой. Неизгладимое впечатление произвело на меня посещение этой братской могилы, в которую сам чуть не попал 12 июля 1943 года. На душе стало жутковато.

Очень осознанно утвердился в мысли о необходимости рассказывать молодёжи о тех далёких героических днях. Во-первых, этого требует память о павших героях, уважение к подвигу, к людям, его совершившим. А подвиг живёт столько, сколько о нем помнят люди. И это, несомненно, нужно молодёжи. Ей необходимо знать больше о героическом военном прошлом, чтобы из родника подвига народного, из этого неиссякаемого источника всю жизнь черпать силы, мужество и вдохновение для преодоления трудностей. К военному прошлому мы будем обращаться всегда, потому что прошлое реально так же, как и сегодняшний день. Ведь подвиг сегодняшний, яркий или незаметный, готовность к нему порождается подвигом, совершенным пародом в самые трудные дни.

И. ФИЛЕНКО **МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ И КРАСИВЫ**

...В марте сорок третьего рота, кажется, шестая, которой я командовал, насчитывала всего девять «человек активных штыков» (так было принято определять в то время боеспособность стрелковых подразделений).

Когда образовались границы соприкосновения противостоящих войск, стало ясно, что Курский выступ непременно будет интересовать гитлеровское командование с точки зрения проведения решительных боевых действий по его ликвидации. Это был лучший вариант реванша за поражение под Сталинградом. Что такой вариант боевых действий противник вознамерился провести, понятно было и нашему командованию.

В преддверии этих событий моей роте предстояло оборонять район села Тросна.

В короткое время наша оборона была построена по всем правилам. В течение весны подразделения полка были докомплектованы и довооружены до полной штатной численности, и к концу мая моя рота уже насчитывала 135 человек (полный штат), в основном юношей 1925 года рождения.

Началась подготовка к отражению возможного немецкого наступления. Ежедневно проводились занятия с личным составом роты по всем видам боевой подготовки, формировались взводы и роты. В тыловом овраге обороны для этих целей было оборудовано настоящее учебное поле.

На переднем крае на период занятий оставались только наблюдатели и «огневые пулемётные точки». Все остальные напряжённо учились. В начале июня наш батальон был выведен во второй эшелон полка, чтобы дать ему какое-то время на отдых.

Но отдых не состоялся.

5 июня 1943 года началась Курская битва.

Батальон со второго эшелона полка был переброшен на отсечные позиции. За все время боев, вплоть до начала нашего контрнаступления, 15 июля 1943 года, на участке дивизии, в чьём переподчинении находился батальон, немецким войскам удалось потеснить её части всего на три километра.

Бои были жесточайшие. Рота да и батальон выдержали массированные атаки пехоты, танков и САУ противника, и часто то, что удавалось ему захватить в течение дня, к вечеру контратаками наших войск возвращалось назад. Солдаты, в основном 18-летние мальчишки, стойко удерживали занимаемые рубежи. Только смерть и тяжёлые ранения вырывали из рядов оборонявшихся.

Несколько раз, с пятого по десятое июля, гитлеровцы переходили на этом участке фронта в генеральное наступление, но достигнуть ожидаемых результатов им не удалось.

Это привело к тому, что до начала нашего контрнаступления они уже вынуждены были сами перейти к оборонительным действиям.

К концу боев батальон, да и рота были обескровлены, личный состав состоял далеко не из того количества боевых штыков, с которыми он вступил в бой на Курской дуге.

А враг понёс вообще невосполнимые потери. Гитлеровская машина заскрежетала, затормозила и остановилась...

А 15 июля под мощнейшие залпы «катюш», артиллерии и штурмовой авиации наши войска перешли в решительное контрнаступление и погнали фашистские полчища на Запад. Так завершилось наступление на Курский выступ.

Курская битва привела германский вермахт к катастрофе. Он уже, как это теперь известно, не проводил более подобных крупных наступательных операций за все время, оставшееся до окончательного и полного разгрома немцев.

ОСОБАЯ ЦЕННОСТЬ (о Н. П. Старкове)

В 1938 году, когда Неон Старков поступил на геологический факультет Пермского университета, он послал телеграмму домой с единственным словом: «Поступил». Тогда он, конечно, не предполагал, что вся его жизнь будет связана с университетом. Да и думали ли его родители, рабочие, что их сын станет учёным, профессия которого не каждому и понятна – минералог-петрограф? Окончил университет

в 1948 году. Пять лет из этих десяти отняла война. Пришёл в вуз восемнадцатилетним пареньком, а закончил офицером, кавалером орденов Красной Звезды, Отечественной войны 11 степени, Александра Невского.

Всю войну Неон Петрович был на передовой разведчиком-звукометристом. Постоянная боевая задача таких разведчиков – вскрытие артиллерийской системы противника, корректирование огня пашей артиллерии. Они следили за вражеским огнём и в обороне и в наступлении, и днём и ночью...

Менялось местоположение части, но оставалась обычной боевая обстановка. Обычная. Как это понимать? Это значит, что в любой момент тебя может найти пуля, которая может оборвать твою жизнь. Но Неону Петровичу везло: он прошёл от центра России до Эльбы и ни разу не был ранен.

...Немцы яростно огрызались: на 6 наших выстрелов они отвечали 350. Центральная станция слежения, принимающая звуковые сигналы, находилась на ровном поле, возвращаться к своим нужно было, миновав его. Хотя и был лейтенант Старков молодым, но это только по годам, фронтовик он был бывалый. Поэтому и пошёл не прямо через поле, а наискосок, зная, что проще увеличить или уменьшить расчётное расстояние у гаубицы, чем развернуть её. И все-таки что-то зашуршало, кажется, у самого уха. Лейтенант знал, что снаряд, летящий на тебя, не свистит, а шуршит. Упал. И снаряд упал рядом!..

«Ощущение, что ты состоишь из кусочков, которые разлетятся сейчас в разные стороны», – вспоминает Неон Петрович. Снаряд, к счастью, не разорвался.

«Как хорошо, что молодые не знают ужасов войны и не слышали взрывов», – говорит Неон Петрович. Война, как и многих других фронтовиков, долго преследовала его...

Демобилизовался из Советской Армии Н. П. Старков в 1946 году. Началась новая жизнь. Студент-ассистент кафедры минералогии и петрографии университета – старший преподаватель-доцент – заведующий кафедрой минералогии и петрографии ПГУ. Такова послевоенная биография Неона Петровича.

Есть в личном деле Н. П. Старкова очень интересный раздел – список научных трудов. Занимает он восемь страниц машинописного текста. Немного, но за каждой из строчек этого текста – напряжённейший труд. В них открытия месторождений, научные исследования, имеющие несомненную практическую ценность, дающие большой экономический эффект. В них сконцентрированы ратные и ежедневные трудовые подвиги – все это было и остаётся нужным науке, университету, Родине.

С особым уважением в нашей стране относятся к тем, у кого все записи в трудовой книжке связаны с работой в одном учреждении. А пометка «1941–1945, служба в Советской Армии» делает эти документы ещё более ценными.

И. Шафранский

И. СТАРКОВ **ОХОТА ЗА ДОЧЕРЬМИ «БОЛЬШОЙ БЕРТЫ»**

В историю артиллерии первой мировой войны «Большая Берта» (так называли свою пушку немцы) вошла далеко не случайно. Эта «гроссдама», прославившая себя ошеломляющими баллистическими движениями, вызвала в то время настоящий переполох во французской столице. Страхиться французам и в самом деле было чего. Громадные снаряды 750-миллиметрового калибра прилетали в Париж за 120 км и приводили в панический ужас мирное население. По своей разрушающей силе они могли соперничать с бомбами. Неслыханная дальность полёта снарядов достигалась за счёт 22,5-миллиметрового ствола орудия и большого веса заряда. Габариты пушки были такими, что позволяли залезать в её ствол для чистки орудия после выстрела солдату любого сложения. В своих действиях пушка была неуязвима. Единственным «большым» местом «Большой Берты» была её непродолжительная жизнь: она могла выстрелить лишь восемь-десять раз.

Куда более живучими оказались её отпрыски, с которыми нам, разведчикам-звукометристам, пришлось встретиться во время Великой Отечественной войны. Эти пушки могли стрелять бессчётное количество раз. Правда, вес снарядов и расстояние, которое они покрывали, были значительно меньше. На пути от Кавказа до Судет мы с моими товарищамн-звукометристами имели с ними три встречи: первая произошла под Новороссийском, вторая – на Тамани, третья – под Бердичевом. О последней встрече и пойдёт речь. Однако прежде я хочу рассказать о малоизвестном звукометрическом методе артиллерийской инструментальной разведки, с помощью которого мы вели борьбу с тяжёлой артиллерией противника.

Звуковая разведка зародилась впервые в России, и уже в первую мировую войну испытывалась на полях сражений. Её назначение – определять местоположение вражеских артиллерийских батарей по звукам их выстрелов и корректировать огонь своих батарей по звукам разрывов снарядов. При подготовке крупных прорывов линии фронта звуковая разведка вскрывала огневую артиллерийскую систему обороны противника на глубину и во многом обеспечивала её уничтожение. При этом следует учесть, что на фронте часто возникали условия, при которых координаты батарей врага невозможно было установить ни визуальными наблюдениями, ни другими средствами. В этих случаях роль звуковой разведки была неоценимой.

Суть засечки батарей сводится к следующему. Звуки выстрелов орудий противника улавливаются с помощью пяти или шести больших микрофонов (звукоприемников), неглубоко закопанных в землю. Их располагают по дуге вдоль линии фронта. Вперёд выдвигается наблюдательный пункт (предупредитель), который автоматически запускает центральную станцию по мере прихода к нему очередного звука выстрела. Энергия звука, дошедшего до звукоприемника, механически преобразуется в электрическую и передаётся по проводам на центральный регистрирующий прибор. Специалисты-дешифровщики и вычислители (чаще это люди с математическим образованием) – обрабатывают звуколенту соответствующим образом и производят на типографическом планшете, где заранее нанесён боевой порядок звукобатарей, точные геометрические построения, которые позволяют графическим способом определить координаты стреляющей батареи. Процесс засечки звучащей точки занимает каких-нибудь 10–15 минут, но в нем участвуют одновременно несколько десятков человек.

Итак, перейдём к событиям под Бердичевом. Житомирско-Бердичевская операция, начавшаяся 24 декабря 1943 года в районе Радомысль–Брусилів, открыла наступление 1-й гвардейской, 18-й, 38-й армий, а также двух танковых армий. Поддержка войск возлагалась на авиацию 2-й воздушной армии генерал-лейтенанта С. А. Красовского. За неделю боевых действий прорыв был расширен до 300 км по фронту и 100 км в глубину.

Следы работы авиации 2-й воздушной армии, а также артиллерии 18-й армии и танков 3-й гвардейской танковой армии были видны в полосе Житомирского шоссе, вдоль которого мы наступали. В первый же день здесь произошло танковое побоище, картину которого можно было восстановить по скопленению обгоревших танков, резко выделявшихся на белых придорожных полях.

Черные, изуродованные чудовища с изогнутыми стволами орудий, с растянутыми на земле гусеницами, со снесёнными взрывом башнями сохраняли тот беспорядок, в котором застала их роковая минута...

В самых последних числах декабря наш 10-й гвардейский отдельный армейский разведывательный артиллерийский дивизион, входивший в состав 18-й армии, прибыл в только что освобождённый Бердичев. При встрече с населением чувствовалась радость освобождения и какое-то необычное беспокойство, которое стало понятным в первую же ночь. Как оказалось, чувство страха вызывалось повторением старой французской истории обстрела немцами Парижа из «Большой Берты». Замысел немцев оставался прежним: не столько нанести своему противнику урон в живой силе и технике, сколько держать в страхе гражданское население, действуя на психику людей. Но сейчас они стреляли не на 120 км, как в 1915 году, а на 30-40. И корректировщик их на сей раз сидел не на Эйфелевой башне, а на чердаке обычного бердичевского здания. И объектом обстрела был не Париж, а Бердичев, где только один дом имел прямое отношение к Франции: когда-то в нем жил Ополе де Бальзак.

Гитлеровцы из группы армии «Юг», отступая под ударами наших войск, подвезли по железной дороге и установили стационарно южнее села Николаевка, что юго-западнее Казатица, две мощные пушки, по-видимому, 211-миллиметрового калибра, и повели из них огонь по Бердичеву. Фашисты стреляли только глубокой ночью в промежутке между часом и четырьмя. В эти часы на переднем крае у немцев раздавался оглушающий грохот выстрелов и одновременно взрывов такой силы, что мёрзлая земля гудела и содрогалась. Огонь обычно продолжался каких-нибудь полчаса или час. Затем пушки смолкали на сутки.

До этого нам приходилось видеть и слышать вблизи стрельбу наших крупных пушек и гаубиц, когда при выстрелах срывало целиком крыши с хат, замертво падали коровы, находившиеся на расстоянии доброй сотни метров, но такого грохота, какой издавала «Большая Берта», мы не слышали. Самым же удивительным было то, что в Бердичев, удалённый от пушек более чем на 30 км, прилетали сегментные снаряды, которыми в городе было разбито здание военкомата, обстреливалась территория, где располагались полк 203-миллиметровых гаубиц, кожевенный завод, клуб. Одним снарядом иногда выводило из строя до 20 человек. Фугасный снаряд, попадая в большое жилое здание, пробивал две его стенки и только после этого взрывался.

Командование 18-й армии, в полосе действия которого вели стрельбу вражеские пушки, сразу же предприняло оперативные меры. В городе начался поиск немецких агентов, которые так ловко корректировали огонь по радици. Вскоре были выявлены корректировщики, стрельба сверхпушек приняла беспорядочный характер. Оставалось выяснить главное: где расположены дальнобойные орудия. Эту задачу возложили на наш разведдивизион.

Звуковая батарея гвардии капитана Г. Н. Меняйло получила боевое задание: засечь дальнобойные пушки и разведать в целом размещение вражеской артиллерии в этом районе. Мы выехали на передовую и заняли боевой порядок около Николаевки. Взвод лейтенанта С. Ф. Сушко срочно сделал топопривязку звукопостов. Охота началась в первую же ночь. Нам казалось, что все обстоит просто: впереди ровная местность, и немецкие пушки мы засечём, как на «Тамани», с первого же выстрела. Но не тут-то было. Задача оказалась более чем мудрёной. Прочтя запись на звуколентах, мы поняли: при каждом выстреле немец производил упреждающий взрыв, по мощности примерно равный выстрелу. Причём места этих взрывов он менял. На ленте запись звука динамита накладывалась на начало записи выстрелов орудий. Не было этого начала – не было и координат пушек. Правда, общий характер рисунков записи звука выстрелов и взрыва несколько отличался, но это была лишь качественная сторона дела. Нам же надо было иметь точную количественную оценку.

Несмотря на усердие и виртуозность работы наших дешифровщиков, «ночные» координаты не получались, в то время как остальные батареи, стрелявшие здесь без применения звукомаскировки, мы засекали без труда. Кроме того, наблюдая стрельбу с места размещения предупредителя, мы не видели отдельных орудийных вспышек. Вместо блеска огня на земле были видны лишь отсветы взрывов на небе. Враг явно использовал все меры предосторожности, чтобы сохранить свои пушки от пашей звуковой и оптической разведок. Он применял одновременно светло- и звукомаскировку. С маскировкой световых вспышек при выстрелах мы уже встречались под Новороссийском. Враг уничтожал их пламегаснтельной солью. А вот с маскировкой звука мы здесь встретились впервые.

Между тем, пушки били по Бердичеву каждую ночь с тем же остервенением, и каждую ночь наши спецмашины буквально подпрыгивали и содрогались при каждом взрыве.

Закопанные в землю звукоприемники выдавали интенсивные сигналы обычных орудий. Но, к сожалению, сверхмощный звук работал в пользу врага. Военная хитрость гитлеровцам удалась: дочери «Большой Берты» по-прежнему жили и оставались для нас недостижимыми. Приказ командования выполнить не удавалось. Все ходили удрученные неудачей и бесплодностью ночной работы, которую мы каждый раз ждали ещё с вечера как наказание.

Я старался припомнить все то, что рассказывали нам в артиллерийском училище о звукомаскировке и какие контрмеры можно применить в такой ситуации. Но все сводилось к одному: «это мы не проходили». И тут, как на грех, в батарее произошёл беспрецедентный случай: у сержанта Краснова на одном из постов левой базы на рассвете таинственно исчез звукоприемник. Такого в батарее ещё никогда не бывало.

В начале звукоразведчики во главе с Красновым пытались своими силами разыскать звукоприемник и не сразу доложили мне о его пропаже. Но тайное стало явным при первом же выстреле вражеской артиллерии. Для поиска были подняты на йогги все свободные от дежурства солдаты, поскольку дело принимало серьёзный оборот. На месте пропажи прибора выяснилось, что разведчики не выкопали себе землянку в мёрзлой земле вблизи звукоприемника, как полагалось, а воспользовались железнодорожной будкой, находившейся от звукопоста примерно в 50 м. В пустой будке стрелочника солдаты нашли себе тепло, уют и покой. Дежурный телефонист, сидя в будке, не слышал, как кто-то срезал на посту звукоприемник и утащил его из окопчика.

После моего доклада комбату Меняйло и безуспешности поисков было стыдно слышать его справедливый упрёк: «Вы, лейтенант, слишком беспечно относитесь к пропаже прибора».

Надо сказать, что он никогда не ругал меня и потому слов этих было более чем достаточно, чтобы прочувствовать всю глубину моего позора.

Ничего не попишешь: установка звукоприемников на местности в боевом порядке батареи и проверка размещения землянок на постах лежали на мне – командиру линейного взвода. Я же, пользуясь картой, установил вдоль линии фронта все шесть звукоприемников по дуге длиной в шесть километров и ушёл на предупредитель – место своего постоянного пребывания.

Объяснять каждый раз бывалому разведчику, занимавшемуся с первого дня звукоразведкой, на каком расстоянии от звукоприемника рыть землянку, не было, как мне казалось, никакой необходимости. Но вот солдат соблазнила никем не занятая будка стрелочника, и произошло то, что произошло.

По моему приказу солдаты все больше увеличивали радиус поиска. А в это время на одном из удалённых хуторков соседи-артиллеристы собрались при свете коптилки анатомировать загадочный ящик, поставленный для этой цели на стол. Среди них шёл оживлённый разговор:

- Цыба! Не чипай так швидко, бо подорвешь себя и нас.
- Що, злякався? Хиба я не бачу, чога працую. Это не яка-будь мина.
- Стой! Кто-то иде...

И тут в хату заскочили трое наших звукоразведчиков. Они увидели, что звукоприемник их вот-вот разломают.

Это ты забрал мой звукоприемник? – загремел в хате голос здорового шахтёра из Донбасса гвардии ефрейтора Михайлова, готового своими кулачищами размозжить голову похитителю.

Що це воно таке, хлопцы? То же нашёл немецку рацию! – прозвенел дискантом солдат Цыба.

А ты что, совсем ослеп и не видишь, что буквы русские и краска на ящиках такая же, как на лафете твоей пушки? А ну, тикай быстро от прибора, топ в твой лоб!

И Михайлов, схватив за лямки звукоприемник, разом выскочил из хаты. Обрадованные находкой разведчики побежали в темноте в расположение своей батареи. До ночи надо было успеть настроить и проверить звукоприемник, подключив его к проводам центрального регистрирующего прибора.

Дойдя до поста, разведчики спустились в только что выкопанную землянку. Здесь при тусклом свете чадающего резинового кабеля, от вонючих газов которого, случалось, чуть не до смерти отравлялись солдаты, прибор настроили и подключили для очередной ловли дальнбойных и обычных орудий.

И в эту ночь, как и в предыдущие, все повторилось снова: были видны красные всполохи от взрывов динамита и ошеломляющий грохот выстрелов. Дрожала вся земля, но чёртовы «Берты» нам не поддавались. Координат не было, в лучшем случае мы могли определить лишь примерный квадрат их расположения.

Утром комбат Меняйло получил приказ о свёртывании и возвращении в Бердичев. К ночи мы уже были там. И вновь

из глубины звёздного неба в город с воем летели тяжёлые снаряды.

Но что это? Находясь здесь, в городе, за три десятка километров от пушки, я с удивительной отчётливостью различал два совершенно раздельных далёких звука, вслед за которыми пролетал тяжёлый снаряд. Один из них порождался взрывом, второй – выстрелом. Два самых важных для нас, которые на передовой сливались воедино, здесь были раздельны. Это было то самое желанное раздельное, о котором мы мечтали и которое не могли уловить там, в Николаевке. Очевидно, звуки взрывов и выстрелов (или дульная волна) распространялись по различным звукопроводящим слоям, образуя разность хода двух волн, которая здесь была настолько ощутима во времени, что на звуколенте выразилась в десятках миллиметров. Выходит, паши звукоприемники стояли недопустимо близко от орудий. Нам следовало оттянуть боевой порядок звукобатарей от переднего края в тыл на 810 км и координаты орудий были бы в наших руках. При этом точность засечки существенно «не страдала», и ошибка составила бы максимум 150 м, что в таких случаях вполне допустимо...

Захотелось тут же побегать и доложить о своих соображениях капитану Меяйло. В небольшом домике комбата ещё горел огонёк, он не спал. Я изложил свою догадку, предлагая ему самому послушать продолжавшуюся стрельбу.

– Да, это на самом деле так, – согласился он, прислушиваясь к звукам. – Но что-либо сделать сейчас уже слишком поздно. Мы сняты с рубежа, и завтра нас ожидает марш...

Утром наш разведдивизион отправился своим ходом в Житомир, а затем на Запад, в сторону Ровно. Продолжалось успешное зимнее наступление наших войск, требовавшее оперативной разведки батареями противника в оставшихся очагах сопротивления. Мы оказывали действенную помощь, засекая координаты батарей полевой артиллерии врага, которая сходу подавлялась или уничтожалась нашей артиллерией.

Была освобождена Правобережная Украина, но кто и как уничтожил непокорённые нами пушки, осталось для нас загадкой.

Давно отзвучали артиллерийские залпы, 20 лет пробежало с тех памятных дней. Однажды на курорте Усть-Качка случайно встретились ветераны 1-го Украинского фронта, которые вспоминали и горячо обсуждали военные эпизоды и дела давно прошедшей бурной молодости.

Рассказал и я об удачах и неудачах наших разведчиков-артиллеристов. И здесь, на берегу полноводной Камы, неожиданно нашёл затерявшийся за многие годы конец истории охоты за дочерьми «Большой Берты».

Среди бывших фронтовиков оказался лётчик, который, к большому удивлению всех, а больше всех моему, вдруг объявил:

– А пушки эти уничтожены! Обратно в Германию они не попали. Наш полк штурмовиков получил тогда задание – приказ командования – разгромить сверхмощные орудия под Казатином. Примерный квадрат их нахождения нам сообщили, а остальные пришлось уточнять самим, летая на «илах» под зенитным огнём. Побеленные с целью маскировки орудия при облачном небе не давали теней и не просматривались на фоне белого снега. Только по едва заметным приметам мы нашли их расположение и разбомбили...

С. М. ТОМСИНСКИЙ **НА ВОЙНЕ О ГУМАНИЗМЕ**

С Сергеем Сергеевичем Смирновым мы встретились на Украине, а затем вместе прошли, освобождая Бессарабию, Румынию, Венгрию и Австрию. Он работал литературным сотрудником армейской газеты, а я – дивизионной, которая входила в состав 27-й армии.

С. М. Томсинский – первый слева в нижнем ряду

Встречались мы с ним довольно часто, в равной степени делили трудности и подвергались опасностям. Мы легко понимали друг друга, и это нас сближало.

Дело было под Яссами. По поручению политотдела дивизии я отправился в полк, до которого было не более 800 мет ров. И вдруг слышу – немецкая речь... Должен вам сказать, меня это не очень обрадовало. Я притаился за сосной и старался уловить смысл разговора. Фраза «Я – перебежчик раздалась чётко, затем немецкая речь стала переплетаться русской, но смысла слов нельзя было понять. Особенно размышлять времени не было, и я выглянул из-за дерева. Н. краю окопа, свесив ноги, сидел немец, а рядом – группа солдат и старший лейтенант, командир роты разведчиков.

«Вот хорошо, капитан, что вы здесь оказались, – обратился ко мне разведчик, – поймали фрица, кричит истошным голосом, что перебежчик, но явно брешет!»

Отойдя вглубь километра на два, мы допросили пленного и выяснилось, что он пекарь, член Германской коммунистической партии, работавший по заданию партии в фашистской армии. Старший лейтенант заключил: врёт. Но я предложи, доставить немца в штаб армии. Пленный действительно говорил правду. Когда я рассказал обо всем С. С. Смирнову, он долго не мог успокоиться и целый день только об этом и говорил.

«Какая сложная комбинация... идёт самая жестокая война, как оскотинились фашистские головорезы, совершающие немислимые злодеяства... И вот безвестный пекарь – один из героев, идущий практически на верную гибель, отстаивав честь своего народа. И самая большая трагедия этого человека в том, что он мог бы погибнуть от руки своего союзника старшего лейтенанта, бывшего учителя из Луги. Н никто не узнал бы – и винить некого».

Сергей Сергеевич сумел этот эпизод с пленным немцем проанализировать и сделать вывод о том, что как бы ни свирепствовала геббельсовская пропаганда, в народе Маркса, Энгельса, Гейне, Тельмана нельзя убить совесть, честь, свободолюбивые идеалы. С. С. Смирнов был человеком интеллигентным и дальновидным, а много лет спустя мне стало известно о его большой и настойчивой работе по реабилитации некоторых участников боев за Брестскую крепость, которых в то время совсем не считали героями. И тогда я вспомнил об эпизоде с пленным немцем и с тёплым чувством о чуткости и смелости С. С. Смирнова, который, несмотря на тяжёлые условия войны, не ожесточился и не утратил гуманности.

С ЗАЧЁТКОЙ В ВЕЩМЕШКЕ (о Н. Ф. Лебедеве)

Мы договаривались о встрече по телефону. И тогда ещё, не видя Николая Фроловича Лебедева, доктора технических наук профессора механико-математического факультета, я невольно обратила внимание на живость, непринуждённость и доброжелательность собеседника.

И вот мы встретились.

Готовясь к встрече, я узнала о Николае Фроловиче немного: 1920 года рождения, воевал с сентября 1941 года до конца войны. Участвовал в боевых действиях на Воронежском, 4-м Украинском и Забайкальском фронтах в качестве помощника командира радиовзвода. Награждён медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За победу над Японией».

В начале войны Николай Фролович был студентом IV курса механико-математического факультета МГУ, вскоре ушёл на фронт.

– Фронт – это колоссальное напряжение сил моральных, нравственных, физических. Это самая верная и точная проверка людей.

Будучи чемпионом университета среди студентов по лыжам, начал войну я в составе лыжного батальона. Задачей батальона было добивать отступающих немцев. И вскоре лыжный батальон нашего радиовзвода попал в настоящий переплёт. Бой проходил на ст. Горшечная. Немцев не выбили, но мы не знали этого и, выйдя на открытое поле, попали под миномётный обстрел.

Есть военное правило: если мина летит прямо в цель или недалёк – слышно шипение, если перелёт – свистящий звук. Это я узнал год спустя. А тогда ориентировался, очевидно, по интуиции. Хорошие нервы спасали: не паниковать, не терять головы, мозг сам ориентируется безошибочно и даже подсознательно подсказывает мгновенные разумные действия.

В том бою погиб почти весь батальон.

Потом я воевал в составе гвардейской миномётной дивизии. Это была краса и гордость – наша знаменитая «Катюша», боевая мощь которой была колоссальная по тем временам.

Я даже в связи с этим вспомнил один случай. Харьков,

как известно, наши брали дважды. Когда немцы отбили город первый раз, неподалёку от Харькова в деревушке находились в ремонте две наши «катюши». А когда наши бойцы выводили на тракт отремонтированные машины, они не знали, что Харьков сдан. Тогда было указание: «Катюши не сдавать!» Артиллеристы поехали на восток, к своим, и никто из немцев их даже не тронул, не задержал: боялись наших «катюш».

О мощи «катюши» говорит и такой факт: накануне наступления две дивизии дадут из «катюш» залп – и фронт прорван, две-три линии окопов пехота идёт без сопротивления.

Конечно, весь боевой путь описать сложно. Но память хранит множество эпизодов и событий тех лет.

Помню 1943 год, зиму. Здорово наши наступали!

Мы били немецкий обоз, и две повозки отстали. Можно взять трофеи! Шла перестрелка. Смотрю: со стороны немцев идут трое, с нашей стороны – двое. Я присоединился, так как давно рвался в бой. А тут такая возможность! Ну, я и пошёл. Подошли метров на двести к немцам. Смотрим, а те идут с опущенными автоматами. Мы сделали знак своим: не стрелять! Оказалось, немцы шли сдаваться. Это были первые, затем шли по четыре-пять человек, словно на демонстрации.

– Николай Фролович, Ваш боевой путь не закончился в Берлине, Вы были участником и войны с Японией. Чем памятны те годы?

– В июле 1945 года мы стояли в Польше, потом нас переправили на Дальний Восток. Надо сказать, что война с Японией носила совсем иной характер, это был, говоря языком спортсменов, «бой в разных категориях». У нашей армии за плечами был колоссальный военный опыт. После Курской битвы в нас появилась настоящая уверенность, гордость за армию, за страну. И в Японской войне армии противников были несравнимы.

– А как сложилась Ваша послевоенная судьба?

– Демобилизовался я в ноябре 1945 года. Пятый курс оканчивал уже после войны. Через все фронты прошёл с зачётной книжкой и студенческим билетом в вещмешке. Учёбу я не забыл. После войны я ещё год проработал в школе и почувствовал, что знаний не хватает. С этим чувством острой нехватки знаний я пришёл в университет. Я уже говорил, чем был для меня фронт: я вернулся другим человеком, с иным мировоззрением. Я не считаю, что нынешнее поколение

студентов хуже нашего. Я не был лучше. Будучи студентом, я и на танцы ходил, и к девушкам не был равнодушен, и спортом увлечённо занимался. Только хочу предупредить сегодняшних студентов: не надо думать, что успеете развернуться потом. Широта знаний, эрудиция – эти качества формируются в процессе учёбы.

И. Соловейчик

КАК ВОЕВАЛ 25-й (о Г. В. Шелепове)

Военная биография Геннадия Викторовича Шелепова началась 11 января 1943 года, а закончилась 11 января 1946 года. Три года... Три года в военной гимнастёрке, три года с автоматом в руках...

Повестку из военкомата получил семнадцатилетний мальчишка, а вернулся домой уже взрослый человек, прошедший закалку в огне самой страшной войны.

После призыва попал Геннадий Викторович в Таллинское военно-пехотное училище. Но проучился там недолго. За месяц до окончания учёбы курсанты были направлены на фронт. Нашим войскам, подошедшим к Днепру, необходимо было пополнение перед одним из самых важных сражений Великой Отечественной войны...

Геннадий Викторович несколько раз повторял, что из затеи писать о нем ничего не выйдет, ибо был он обыкновенным младшим сержантом, каких на войне тысячи и тысячи. Но по мере того как все больше фактов его биографии становились ясны мне, я все более утверждался на одной мысли – каждый солдат, изведавший, что такое война, – это обыкновенная необыкновенность, это герой, ибо то, что они никогда не считали героизмом, то, что было для них повседневностью, с позиций наших сегодняшних дней – истинный героизм.

Геннадий Викторович говорит, что не везло на фронте ему довольно часто, но зато повезло в главном – он остался жить. И все же о невезении...

Перед тем, как курсантов должны были отправить из училища, Шелепов заболел воспалением лёгких. Теперь он с улыбкой вспоминает, как упрашивал послать на передовую вместе с ребятами, как боялся остаться в училище, так как считал любую болезнь, кроме боевого ранения, недостаточным поводом для «ухода с передовой». И своего добился, послали на фронт. В дороге он где-то подхватил малярию и в результате на фронт попал совершенно больной мальчишка...

Геннадий Викторович очень хорошо запомнил вечер перед первым боем. Он тогда сидел в углу землянки, закутавшись в шинель, тряся в приступе малярии. Проходящий мимо командир заметил его, и на вопрос солдат, что делать с Шелеповым, ответил: «Ничего! Всех начинает трясти, когда к фронту подходят!»

А у этого мальчишки, сидящего в углу землянки, слезы навернулись на глаза, «злые» мальчишеские слезы незаслуженной обиды. Потому что страха-то как раз и не было. Может, причиной тому была малярия, словно отнявшая у окружающей жизни все её яркие краски, а может, и непреодолимая ненависть к фашистам, которую тогда испытывал каждый советский человек, а может... Трудно сказать. И сам Геннадий Викторович не может теперь этого объяснить с полной определённой. А тогда...

Тогда Гена Шелепов вышел из землянки, вытирая рукавом гимнастёрки глаза. Он дошёл до холма, рядом с которым была вырыта землянка, забрался на вершину и дал себе клятву во что бы то ни стало доказать, что он, Генка Шелепов, не испытывает страха, что он не боится ни вражеских пуль, ни летящей вместе с ними смерти. Не боится и не имеет права бояться...

Эту картину я почему-то особо отчётливо себе представляю, как будто «нарисовал» мне её не Геннадий Викторович, а видел её сам. Ночь, одинокая фигурка мальчишки на вершине холма, дающего страшную клятву, которую и умеют составлять только плачущие мальчишки...

А потом был первый бой – форсирование Днепра. Геннадий Викторович говорит, что рассказать об этом дне просто невозможно. Вспоминается кромешный ад, пули, летящие со всех сторон, и паши бойцы, все рвущиеся вперёд, когда на месте убитого появляется товарищ.

Геннадий Шелепов был прикомандирован к взводу командующего артиллерией дивизии, ибо болезнь в этот момент начала особенно яростное наступление на него. Он был приставлен к стереотрубе дежурным. Опять ничего героического? А теперь представьте себе мальчишку, у которого к тому времени от малярии отнялись ступни, и он уже не мог стоять на ногах, и которому приходилось подползать к этой самой стереотрубе на четвереньках, который спал по три часа в сутки, если можно забытьё в бреду болезни назвать сном. А через три часа снова к стереотрубе, снова ползком, снова каждое движение доставляет невероятную боль. И так день за днём.

А на всякое предложение отправиться в госпиталь – категорический отказ.

Мальчишка на войне. Что может быть трагичнее? Но мальчишка остаётся мальчишкой, даже на фронте. Ещё одна незначительная деталь, но она кажется мне очень важной для того, чтобы понять Генку Шелепова тех лет. Проходя мимо сожжённых, разорённых, уничтоженных бомбёжкой деревень, он обратил внимание на одну интересную особенность. Как ни разрушена деревня, а печная труба цела. И вот сработало мальчишеское мышление, именно какая-то мальчишеская жажда эксперимента, ибо с тех пор от бомбёжки Шелепов укрывается не в окопе, а на печи. Так шло до тех пор, пока эксперимент не окончился контузией.

Но, повторяю, этот эпизод я пересказал только с одной целью, чтобы лучше поняли Г. В. Шелепова, а вместе с ним и тех ребят, которые первые жизненные уроки усвоили на передовой.

О себе Геннадий Викторович говорит не очень охотно, а вот когда речь заходит о товарищах, он тут заметно оживляется. С особенной теплотой говорит он о ребятах 25-го года рождения, своих ровесниках, «училищных однокашниках». Он вспоминает небольшую украинскую деревушку Черноволвка, где полегла почти вся дивизия, сформированная в основном из ребят двадцать пятого года. Даже командиры восхищались: «Нам никогда не приходилось иметь дело с такими ребятами. Эти ребята забыли про страх, а скорее всего заставили себя забыть, что такое чувства существует, они знали, что сеть слово «вперёд» и забыли, что существует слово «назад». Они отдали самое дорогое, что есть у человека в семнадцать лет – жизнь.

«Если бы вы видели, как воевал двадцать пятый год», – говорит Геннадий Викторович, и впервые его голос звучит как-то глухо.

Если бы мы знали...

Но мы кое-что знаем. Геннадий Викторович. Знаем по отрывочным сведениям, доставляемым книгами, кино, телевидением. Знаем... И все же, как мало! Непростительно мало.

В. Голубицкий

ИЗ ОДИННАДЦАТИ БОЙЦОВ УЦЕЛЕЛ ТОЛЬКО ОДИН... (о В. М. Понизовском)

25-я гвардейская стрелковая дивизия была брошена на самый горячий участок. Валерий Михайлович Поизовский был командиром одного из её взводов.

Двадцатилетнему лейтенанту пришлось вначале самому учиться выдержке, умению ориентироваться в бою у своих бойцов. А все они были лет 40–45. Спокойные и рассудительные, закалённые в огне пулемётов и орудий, не раз выходившие из окружений, они никогда не терялись в сумятице боя.

«Из одиннадцати бойцов моего взвода тогда уцелел один», – рассказывает Валерий Михайлович.

Лейтенант Позновский прошёл через много боев, но тот – последний, обозначенный сердцем словом «тогда», врезался в память больше всех.

Окружённый в четырёх километрах от основной линии фронта враг отчаянно сопротивлялся, имея ещё надежду на прорыв. Удар немецкой группировки, которая отказалась принять ультиматум о безоговорочной капитуляции, ожидался в том самом месте, где залёг взвод лейтенанта Позновского. Оборона шоссе, которое за последние два дня вот уже несколько раз переходило из рук в руки, была боевой задачей, стоящей перед взводом. Они усиленно готовились к ней.

Ближе к ночи немцы начали артподготовку. Ударили тяжёлые гаубицы и снаряды, шамкая и шипя, полетели над пехотинцами, заставляя втягивать головы в воротники сырых шинелей. Стрельба разрасталась. Из темноты понесло тяжёлым запахом гари. Танки возникли из ночи. Моторы их рокотали. Они шли неотвратно. Яростно скрежетали гусеницы. В расчёте на устрашение били куда попало пушки, палили пулемёты.

Две оставшиеся полковые пушки наших хлестали наперебой. Противно замякали мины, торопливо забили противотанковые ружья. Танки, помедлив, поползли назад, оставив на поле четыре пылающих факела.

Лейтенант Позновский, получив по телефону приказ наступать, с автоматом наперевес побежал по ходу сообщения окопа: «Ребята! Бей их!», – закричал он, выскакивая на бруствер. И вот уже бегут по полю автоматчики, то и дело прокаливаясь в грязь. Бежавший справа упал. Валерий подбежал к нему. Снег быстро краснел.

Правая лопатка раненного была выворочена прошедшим навывлет неразорванным снарядом. На перевязку ушло четыре индивидуальных пакета. «Жди, браток, тебя подберут». И вот снова бежит вперёд, догоняя своих автоматчиков, лейтенант Понизовский. И вдруг пламя взрыва полыхнуло у самых ног...

Очнулся уже в госпитале. Через несколько дней привезли пожилого украинца сержанта Грицуру из его взвода. «Чул, небось, як фашистов под хутором Корсунь-Шевченковский разгромили?» – спросил он у командира.

От него-то и узнал Валерий Михайлович, что в «котле», в разгроме которого участвовал и его взвод, уничтожено 55 тысяч фашистских солдат, 18 тысяч взято в плен. Только трём тысячам удалось спастись.

Орден Великой Отечественной войны I степени Валерий Михайлович получил уже осенью, после того, как выписался из госпиталя, в Перми. О возвращении на фронт не могло быть и речи: ноги были покалечены навсегда.

...Мы идём с Валерием Михайловичем по первому корпусу. Мимо спешат студенты. И наш разговор тоже о молодёжи. О сегодняшней и о той, шагнувшей с порога школы на привокзальный перрон, откуда теплушки увезли их на фронт.

Н. Шафранский

ВЕРИТЬ В ЖИЗНЬ НАУЧИЛ... (об А. И. Букиреве)

Пермь, ул. Букирева, 15. Пермский университет. Это наш адрес. Все ли студенты знают, чьё имя носит улица, на которой стоит университет?

С именем Александра Ильича Букирева связана часть истории нашего университета. Выпускник рабфака, студент биологического отделения педфака, ректор 40-х.

Молодой ихтиолог, научный сотрудник Биологического института, Букирев был полон научных замыслов, но наступил 1939 год. Японские самураи в районе реки Халхин-Гол совершили нападение. За героизм, проявленный в боях на Халхин-Голе, командир батареи старший лейтенант А. И. Букирев был награждён орденом Ленина...

После лечения в госпиталях раны, нанесённой снайперской пулей, А. И. Букирев вернулся в родной университет. Но мирная работа длилась недолго, не более года...

В июне 1941 года в числе первых добровольцев Букирев ушёл на защиту Отечества.

Исследовательская устремлённость и склонность к научным обобщениям были присущи А. И. Букиреву и на войне. В боевой обстановке он написал ряд статей по вопросам артиллерии, среди них такие, как «Прорыв оборонительных рубежей противника», «Ускоренная подготовка артиллерийского наступления», брошюра «Немецкий тяжёлый танк «Тигр Б» (Королевский тигр) и борьба с ним».

«Я горжусь своим призванием. Артиллерийская специальность позволяет мне уничтожать немецкую погань не по одному, не по два, а десятками, иногда сотнями», – писал Александр Ильич домой.

И вряд ли кто из соратников по оружию догадывался, что этот боевой командир, всегда подтянутый, строгий и энергичный, не кадровый офицер, а учёный и исследователь, человек весьма мирной профессии. Казалось, совсем недавно он пропадал в экспедициях, читал лекции, принимал экзамены...

За боевые заслуги подполковник А. И. Букирев награждён орденами Красного Знамени, Кутузова III степени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями «За взятие Берлина», «За взятие Праги», «За победу над Германией».

После войны, успешно защитив кандидатскую диссертацию, А. И. Букирев продолжил свои исследования. Он занимался изучением ихтиофауны водоёмов Пермской области и Сибири. Некоторые результаты его исследований, например, приведённые в статьях об остатках рыб, найденных на древних стоянках, были первыми в изучении бассейна Камы и пока остаются единственными в этой области. Учёным было задумано составление сводки по систематике и биологии новых водоёмов Пермской области, в частности Камского водохранилища, но, к сожалению, эту работу он завершить не успел.

26 августа 1964 года А. И. Букирев скончался. Не выдержало сердце. Сказались боевые раны и большая нагрузка. Пять послевоенных лет был ректором университета, занимался широкой общественной деятельностью...

Александр Ильич пользовался большим уважением и преданной любовью всех сотрудников и студентов университета.

*«И, уставший от маршей.
Смертный выстрадал путь,
Был он в чем-то домашний
И не страшный ничуть.
В мире цифр отвлечённых
Стужа что ли лютей?
Стало много учёных –
Не хватает людей.
Проникая при случае
В драмкружок и в спортзал,
В нас он самое лучшее
Нам самим показал,
Вроде просто бы: выучил
И диплом вручил.
А на деле-то-выучил
Верить в жизнь научил.
Я поверить посмею, –
Что, уйдя в темноту,
Сохранил и посмертно
Он свою доброту.
Просто, без молодечества,
Смог её уберечь
И под ноги студенчества .
Нужной улицей лечь.
Чтобы, к жизни причастны,
Не забыв ничего,
Мы хотя бы не часто,
Вспоминали его.*

(стихи В. Радкевича)

А. Стабровский

УЧИТЕЛЬ – РЕКТОР – ВОИН (о Ф. М. Горовом)

О Фёдоре Семёновиче Горовом—докторе исторических наук, профессоре, Заслуженном деятеле науки РСФСР, ректоре Пермского университета – можно прочитать в книгах по истории нашего университета, в Археографическом ежегоднике за 1973 год (некролог). Но как об участнике Великой Отечественной войны я нашла о нем упоминание только в статье В. В. Мухина в библиографическом указателе «Профессора Пермского университета». И то лишь всего одно предложение:

«Война отняла у него здоровье и семью, а судьба забросила его после лечения в одном из пермских эвакогоспиталей в наш университет». И приведено ещё одно характерное свидетельство очевидцев 40-х годов: «В 1945 году в аудиториях историко-филологического факультета появился высокий человек, одетый в поношенную офицерскую форму. Он был настолько худ, что студенты называли его «Островским». Это был только что демобилизованный по ранению из Советской Армии артиллерийский капитан Фёдор Семёнович Горовой». И все...

Я была аспиранткой Ф. С. Горового с 1966 по 1969 год, когда он был уже при всех перечисленных выше званиях. Я очень мало знала о его прошлой жизни. Расспрашивать было как-то неудобно, да и некогда особенно: как ректор он был настолько загружен работой, что заниматься аспирантами ему не хватало времени. Мне тогда не очень нравился его главный принцип руководства нами: «Если сделает аспирант диссертацию сам, – молодец, а нет – судьба». Но теперь я его понимаю: ведь сам он добился известности и уважения в научном мире, проделав гигантскую работу, прошёл путь из предвоенной Украины через шесть фронтов Великой Отечественной войны, получил пять тяжёлых ранений, в том числе две контузии, пролечившись в госпиталях Днепродзержинска, Кыштыма, Перми, прослужил в рядах Советской Армии год до войны и три (с 1942 по 1944) тяжелейших военных года на разных фронтах, куда его забрасывало военное начальство... В 1944 г., придя в университет на военную кафедру сначала в качестве преподавателя, он всего добился благодаря необыкновенной работоспособности, таланту, трудолюбию, настойчивости.

Жизнь не особенно баловала Фёдора Семёновича: родился и вырос он в селе Плоское Ананьевского уезда Херсонской губернии. До революции его отец много лет работал грузчиком на станции, потом трудился в колхозе, в 1942 г. был замучен румынскими оккупантами. Матери довелось прожить дольше (умерла она в 1957 г.), но ей пришлось растить семерых детей: было три брата и четыре сестры. После окончания семилетки и подготовительных курсов Фёдор Семёнович поступал в Херсонский сельхозинститут, но из-за болезни ушёл и около года работал агротехником в МТС. В октябре 1933 г. поступил в педагогический институт и в 1937 г. окончил его с отличием. Работал учителем, год служил в армии, потом – директор школы, зав. районо в Геническе Запорожской области. Одновременно поступил в аспирантуру при кафедре истории СССР Харьковского пединститута, где к 1941 г. сдал кандидатские экзамены и начал работать над диссертацией.

Начавшаяся война прервала его занятия научно-исследовательской работой: 20 августа 1941 г. Ф. С. Горовой был призван в РККА по всеобщей мобилизации. В музее истории университета хранятся некоторые из его личных вещей, а также удостоверение от 23 января 1941 г. и газета «Защитник Отечества» от 16 января 1942 г., скупые строчки которой рисуют образ Ф. С. Горового – воина времён Великой Отечественной войны. Но этого так мало, чтобы написать о нем... А написать надо, чтобы отдать дань уважения Учителю и коллеге по университету, сохранить память о нем.

Поиски материалов привели меня в Государственный архив, где когда-то работала старшим научным сотрудником жена Фёдора Семёновича – Инна Георгиевна. Тысячу раз я мысленно благодарила её за то, что она сохранила и сдала в архив интереснейшие документы, в том числе и военного времени, из истории университета, связанные с жизнью и деятельностью Фёдора Семёновича. Их не очень много, но они позволяют более полно представить некоторые страницы жизни Фёдора Семёновича, его боевых товарищей.

Так, я нашла в архиве тоненькую папочку всего в 4 листочка и без даты, озаглавленную «Коммунисты в годы Великой Отечественной войны» и содержащую, судя по заключительному выводу, тезисы обращения Ф. С. Горового к вступающим в ряды ленинской партии коммунистов. В них, наряду с данными о Великой Отечественной войне, известными из печати, он приводит несколько интересных фактов, касающихся его личного участия в ней: на Кавказском фронте, на Малой Земле, при форсировании Днепра и др.

Когда читаешь записи Ф. С. Горового, видишь, что он больше пишет о других, о своих друзьях-товарищах, однополчанах, о погибших и живых; о себе же упоминает как бы со стороны, вскользь: «сказал мне», «спросил меня», «спас меня, приказав вынести с поля боя...» Но за этими его словами о других – он сам, его скромность воина, который не искал для себя на войне «лучших условий жизни».

Так, из справки из эвакогоспиталя узнаем, что 26 августа 1943 г. он получил минно-осколочное ранение правой половины грудной клетки, поступил в эвакогоспиталь № 271 5 сентября 1943 г. «в удовлетворительном состоянии». А дальше заключение: «Ранение тяжёлое». Спустя месяц, 6 октября, в командировочном предписании: «ст. л-ту Горовому отправиться в распоряжение командующего артиллерией Юго-Западного фронта; явиться в часть 9 октября 1943 г.».

Кроме того, в архиве я нашла фотокопию газеты «Герой

Родины» от 24 декабря 1943 г. В этой ежедневной красноармейской газете среди других материалов – передовая статья «Командир – воспитатель бойцов», в которой несколько строк посвящено нашему будущему ректору. Вот они: «В Н-ской части славится своими боевыми успехами батарея старшего лейтенанта-орденоносца тов. Горowego.

И славные боевые дела этой батареи в значительной мере объясняются глубоко продуманной политико-воспитательной работой, которой постоянно руководит (и лично проводит) офицер-коммунист тов. Горовой. Командир батареи всегда имеет план политической работы. Сам тов. Горовой и командиры взводов изо дня в день проводят политические ин формации, агитаторы читают бойцам газеты. Тов. Горовой систематически проводит беседы с бойцами».

За скупыми, может быть, стандартными строчками солдатской газеты – участие в тяжёлых боях за Родину: к ордену Красной Звезды 31 декабря 1943 г. добавилась награда за форсирование Днепра. Командиром 34 С К 46-й Армии Ф. С. Горовой был награждён орденом Отечественной войны II степени.

Из медицинского свидетельства от 15 августа 1944 г. узнаем, что в 1944 г. капитану Горовому воевать пришлось недолго: 7 февраля он получил сквозное ранение правого бедра; с 20 марта 1944 г. по 12 августа 1944 г. находился на излечении в госпиталях; медицинская комиссия признала его «ограниченно годным второй степени», а через год – «негодным к военной службе с оставлением на особом учёте».

В конце папки, где собраны его медицинские справки и свидетельства, я нашла пожелтевшую от времени, но, очевидно дорогую для Фёдора Семёновича, очень трогательную записочку на листочке из школьной тетради: «Дорогой боец! Курите и вспоминайте нас, девушек Кыштыма. Если же Вы не курите, то, возвратясь на фронт, после выздоровления, пусть мой кисет спасает от вражеских пуль. С дружеским приветом! Таня Голунова, средняя школа № 1, 9-А класс». На обороте: «Дорогому защитнику Родины». Записочка была сложена вчетверо, чьей-то другой рукой дописана фамилия «Карзаиов (или Корзаиов)». Даты нет.

В Кыштыме (Челябинская область) Ф. С. Горовой лечился в госпитале. И если спустя столько лет после войны эта записочка сохранилась, значит, действительно, бойцам было дорого и необходимо любое малейшее участие и внимание со стороны девчат.

Болят у Фёдора Семёновича старые раны, добавляются новые болезни (диабет), а он не сдаётся, работает как вол. Я нашла в архиве две толстые папки: в одной – лекция по истории Великой Отечественной войны – больше тысячи страниц–мелким почерком Фёдора Семёновича написанная, в другой – собраны все – по годам – сообщения Советского Информбюро, от 22 июня 1941 г. до мая 1945 г. и вырезка из газеты «Звезда», где были опубликованы сообщения о подписании акта о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил и Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 9 мая Праздником Победы». Сохранилась карта боевых действий в Германии в 1945 г., составленная Ф. С. Горовым.

Болят старые раны, а Фёдор Семёнович защищает кандидатскую диссертацию, перейдя с военной кафедры на кафедру истории СССР, становится доцентом, заведующим этой кафедрой, защищает докторскую диссертацию, работает в Чехословакии, читает лекции по истории СССР, руководит аспирантами, потом около 10 лет работает ректором Пермского университета, проявив себя и как учёный (93 печатные работы), и как крупный организатор исторической науки.

9 мая 1945 г. Ф. С. Горовой был награждён медалью «За победу над Германией» (за участие в боях), а 6 июня 1945 г. – «За доблестный труд в дни Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В 1965 г. он получил медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в 1968 г. – «50 лет Советских вооружённых сил». Но никакими орденами и медалями невозможно, по-моему, измерить и отметить ратный подвиг и труд в тылу участников Великой Отечественной войны. Но, если нам удастся собрать по крупицам и хотя бы кратко описать жизненный путь каждого, сохранив память о них для потомков, мы выполним свой долг перед ушедшими в мир иной. Пусть помнит о них мир, спасённый тогда от коричневой чумы. Пусть никогда не повторится то, что пережили они, паши защитники, отстоявшие в тяжёлых боях свободу и независимость пашей Великой Родины.

Р. А. Ошуркова

НИГДЕ НЕ СДАВАЯСЬ (о П. И. Трофимове)

Когда позвала Родина, добровольно пошёл по дорогам войны студент III курса физмата Пётр Трофимов.

Четыре с половиной месяца в Новосибирском пехотном училище. В феврале 1942 года – передовая – Северо-Западный фронт, Район Ленинграда и Старой Руссы.

Пётр Иванович служил в миномётном подразделении, был сначала командиром взвода, потом роты.

– Приходилось очень трудно, – вспоминает он. – Кругом болота, сутками сидели в воде, спали, сидя на кочке, обняв берёзу.

Война – очень хитрая штука. Немцы проводили обстрелы всегда в строго определённом порядке, квадратами. Нужно было сообразить в какой квадрат перейти, чтобы избежать обстрела. А для этого необходимо хладнокровие, умение быстро ориентироваться в обстановке. И ещё – необходима вера в жизнь, в победу, в то, что тебя не могут убить.

Эта вера очень помогала Пётру Ивановичу в боях: когда кругом, не переставая, разрывались мины, свистели пули, содрогалась земля от снарядов, засыпая людей и окопы.

...Это случилось в середине мая 1942 года.

Стрелковая бригада, командиром одной из рот которой был П. И. Трофимов, получила приказ разведать боем огневые точки противника. Бойцы ночью проползли более трёх километров, наткнувшись на трупы русских и немецких солдат. Задание было выполнено, но немцы применили обходной манёвр, и бригада оказалась «в мешке», зажата со всех сторон: справа и слева реки Пола и Ловать, впереди – занятая немцами деревня Наличи, сзади – непрерывающийся огонь... Началось буквально истребление русских солдат. Чтобы выбиться из окружения, бойцы разбились на группы. Группа Трофимова должна была уйти последней...

Земля раскалывалась надвое от каждого миномётного разрыва, одна из мин взорвалась буквально в метрах четырёх – товарищи все убиты, Пётр остался один, оглушённый и раненный осколком в левую ногу... Собрав последние силы, Трофимов пополз к сараю около берега реки, а за спиной уже слышалась гортанная немецкая речь... Вдруг опять просвистела мина, угодив в сарай, тот развалился как картонный домик... Пётр в ужасе отпрянул: ещё бы доля секунды – и он был бы погребён под обломками... Немцы увидели его. Выйдя из-за уцелевшего сбоку дома, стали буквально метров с двадцати расстреливать его... Сильная боль в животе, как плеть повисла пробитая рука... Наплыл туман, перед глазами замелькали картины былого. Мысленно он простился со всеми..., но эта была минутная слабость. Пётр быстро взял себя в руки, насколько это было возможно, – кровавый туман все равно стоял перед ним. «Нет, не сдамся, ни за что, нет! – стучало в голове, но сил не было и он, притворившись мёртвым, замер среди камней. Ночью, освежённый прохладой, он с трудом дополз до реки – здесь его подобрали наши разведчики.

Я смотрела на мужественное лицо этого сильного человека, взволнованное тяжёлыми воспоминаниями, и восхищалась его твёрдостью, его непоколебимой верой в победу. Я родилась уже после Дня Победы и знаю об ужасах войны только по книгам, и я хочу, чтобы над миром всегда сияло солнце, чтобы не было на свете слез, кроме слез радости и счастья.

Год и двадцать дней пролежал П. И. Трофимов в госпитале и семь месяцев из них на спине, два года после этого ходил с костылями, три года с палкой, но ничто не могло заставить сдаться этого настоящего человека. В трудной и упорной борьбе за жизнь (полтора часа уходило только на то, чтобы добраться до университета) закончил университет, защитил кандидатскую диссертацию, работал профессором...

В. Куликова

А. КОРСАКОВ ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

Март, 1944 год. На Украине распутица. Для Каменец-Подольской группировки немецко-фашистских войск настали трудные времена. Гитлеровцы ослабили оборону и снизили бдительность. Этим воспользовалась наша 16-я механизированная бригада для нанесения внезапного удара на одном из участков Днестра.

4-я танковая армия, в состав которой входила наша бригада, прорывала оборону противника на участке Проскуров-Тернополь с задачей развить наступление в направлении Новый Оскол – Каменец-Подольский, захватить переправы на Днестр в районе Китай-города и тем самым отрезать пути отхода немцев.

Рано утром 20 марта началось наступление. Фашисты не ожидали такого сильного натиска в весеннюю распутицу и были захвачены врасплох.

В первый же день наступления подразделения бригады вышли к железной дороге и освободили населённый пункт Вариводка. Опомнившись, немцы предприняли контратаку. Завязался сильный бой, танковый бой... Артиллерия бригады стояла на прямой наводке и била по танкам почти в упор... Бой длился двое суток.

Фашисты потеряли 25 танков и два батальона пехоты. Инициатива боя была удержана. Под ударами подразделений бригады захватчики начали отходить, бросая технику и вооружение. Преследуя врага, бригада освободила Старый и Новый Оскол, Гусатин, Копыченцы и уже 25 марта, захватив переправы на Днестре, вошла в Каменец-Подольский.

Разгром Каменец-Подольской группировки положил начало последующей ликвидации Львовско-Кишиневского плацдарма...

М. ВЛАСОВ **В БОЯХ ЗА НИКОЛАЕВ**

Война порой преподносит уроки, которые запоминаются на всю жизнь. Бывали моменты, когда от человека требовалось приложить максимум усилий для достижения цели. Что такое война? Война – это тяжёлый труд. Труд изо дня в день.

История, которую я хочу рассказать, произошла в июле 1941 года. Наша дивизия занимала оборону на правом берегу Буга под Николаевом. Мы сдерживали натиск немецкой механизированной группировки. Немцы рвались в Николаев. Наш полк получил приказ: переправиться через Буг и окопаться в перелеске на берегу. Полк переправился и опять (в который раз!) заскрежетали в земле солдатские лопатки. Почва каменистая.

В это время на противоположной стороне реки показались немецкие танки. Около 20 машин, развернувшись, начали обстреливать наши позиции термитными снарядами. Снаряды ложились в шахматном порядке. Справа, слева, сзади, спереди...

Мелькнула мысль: «Сейчас по середине ударит». Не знаю что, но что-то толкнуло меня в укрытие. Какое-то предчувствие, наверное... Я метнулся в сторону и свалился на спину товарища, который, опустившись на дно своего окопа, расширял его. В этот же момент над головой рвануло, заложило уши, сверху посыпалась земля... Я почувствовал сильный удар в спину, поясницу...

Следом за мной из окопа вылез мой товарищ. Он ошарашенно смотрел на меня. Гимнастёрка, ремень, брюки сзади были словно распороты ножом. На теле, слава богу, ни одной царапины... Поблагодарив судьбу, я оглянулся в поисках

своей винтовки. Возле ног лежал обугленный кусок железа. Это все, что осталось от оружия.

Этот случай лишний раз доказал мне, что нельзя на войне надеяться на авось. Чтоб выстоять, победить, надо трудиться, не жалея сил.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ (о Ф. Г. Юрине)

Очень сложно писать о человеке, который не любит говорить о себе. «Истинный фронтовик в грудь себя не бьёт», – таково мнение Ф. Г. Юрина, старшего преподавателя кафедры немецкой филологии.

Фёдор Григорьевич очень неохотно вспоминает те далёкие дни, страшные годы. С восьмого класса, будучи 16-летним пареньком, он принимал участие в создании оборонительных рубежей вокруг Москвы.

В 1943 году из десятого класса добровольно ушёл на фронт.

«Фронт... Заключительные сражения на Курской дуге в составе 3-й гвардейской танковой бригады, форсирование Днепра, освобождение Киева, Фастова, Бердичева, Белой Церкви, Винницы, форсирование реки Вислы, Сандомирский плацдарм, Кельцы...

Там в Кельцах, в декабре 1944 года, в тылу у немцев во время танковой разведки был тяжело ранен и четыре месяца лежал без движения».

Фразы сухие, чёткие, жёсткие, как из протокола... За ними стоят те события, которые не вошли в его автобиографию, но никогда не сотрутся в памяти Фёдора Григорьевича. Да и можно ли пересказать те ужасы, которые потом долго спились по ночам? Как «юнkersы» с гадким свистом летали над полем ниже телеграфных столбов? И как простреливался насквозь каждый метр земли, где проходили бои? Говорят, до тысячи осколков в такой земле... А сражения, когда яркий солнечный день вдруг становится черным, разве можно забыть?..

Многое остаётся в памяти невысказанным. Человек, прошедший сквозь ужасы войны, имеет свой, особый возраст... Свой возраст, свой опыт, свой взгляд на жизнь.

Со школы Фёдор Григорьевич мечтал стать физиком, но жизнь распорядилась иначе. Ф. Г. Юрии был кадровым военным, долго работал за границей, затем вернулся обратно на Родину. Жизнь продолжается... Новые проблемы, заботы...

Но Фёдор Григорьевич не забыл, что из 57 мальчишек, ушедших добровольцами на фронт, вернулось только трое... Он помнит многое...

И. Соловейчик

ВЕЧЕРА БЛИЗ ДИКАНЬКИ (А. П. Смолкине)

Немцы сбросили листовки: старая песня о превосходстве германской техники, мощи фашистских танков. А у вас, мол, и винтовок-то не хватает; так что один, мол, выход – «рус, сдавайся!...»

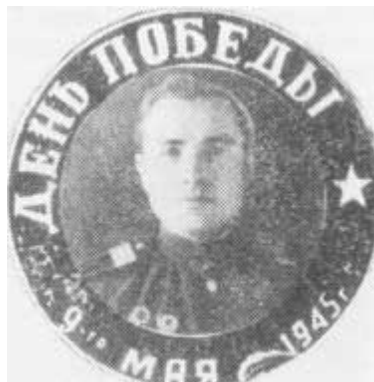
Алексей Смолкин вместе с другими солдатами собрал «макулатуру». Ему – радисту взвода управления миномётного полка – было ясно, что сюда, под Полтаву, их «катюши» направлены не зря. Упоенный победами немец остановился отдохнуть

в благодатных гоголевских местах... «Знаете ли вы украинскую ночь?..». Нет, не знают ещё гады, что это такое!

Листовки жарко полыхали в небольшом костерке. В минуты тишины вспомнились далёкая Пермь, институт, ребята, с которыми ушёл добровольцем на фронт. Это была «вторая попытка». Первая – ещё в сороковом году, когда на втором курсе записался в лыжный батальон, чтобы участвовать в финской кампании. Но побывать в боях они тогда не успели – война кончилась. И студенты сельхозинститута, а с ними и Алексей Смолкин – будущий агроном, продолжали овладевать мирной профессией и азами военного дела.

Июнь сорок первого застал их на Липовой горе, на практике. Вскоре выяснилось: мобилизуют студентов первого и второго курсов. А он на третьем... Ну, нет! И добился...

В лагерях, где проходили начальную подготовку, их гимнастёрки вскоре стояли коробом от пота и соли. Однажды подняли по тревоге. Эшелон. Подмосковье. Здесь они и узнали, что прибыли на формирование первых, секретных тогда, полков, на вооружении которых стояли невиданные ещё «катюши». Четыре машины на лесной поляне. Охрана. Поразившая глаз простота новых миномётов. Так Алексей Смолкин начал свой боевой путь в составе 4-го гвардейского миномётного полка, с которым прошёл полвойны.

Здесь учёба тоже была скорой. Получил Алексей «на вооружение» рацию и – в дорогу. Был сентябрь сорок первого. Своим ходом – через Тулу на Харьков, оттуда – на Полтаву. И вот она – Диканька – совсем рядом. «Знаете ли вы украинскую ночь?..».

Вечером полк занял боевые позиции. Последовал шквал огня. Ничего подобного Алексею в жизни видеть не приходилось: над расположением немцев полыхал грандиозный фейерверк...

Первые снаряды для «катюш» были термитные. Лозунг «Выжечь гада с нашей земли!» обрёл конкретное содержание. От их ударов врагу не было спасения – это были первые залпы гвардейских миномётов на Украине.

Потом выяснилось: немецкое командование вынуждено было снять уцелевший личный состав с боевых позиций. Солдаты и офицеры были деморализованы ударом русских «катюш»...

Летом сорок второго года судьба вновь столкнула Алексея Смолкина с «литературными местами»... Полк отступал к Дону. Единственный путь для машин – только по железнодорожной колее. По шпалам, конечно, не по асфальту, но вышли все-таки к переправе. У станции Вешенской скопилась уйма техники, войск. Бомбёжка. А рядом – полуразрушенный дом и белые листья, как снег, усеяли все вокруг...

Подбежал какой-то комиссар:

– Пока бомбёжки нет, надо подобрать бумаги. Это, товарищи, дом Михаила Александровича Шолохова...

И дальше взвод управления поехал вместе с бумагами автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» – любимых книг будущего агронома Алексея Смолкина. Потом их сдали в штаб полка, а сами двинули к Сталинграду...

– О Сталинграде, – говорит А. Смолкин, – надо рассказывать отдельно, а сейчас я устал. Это у меня от контузии: там, под Сталинградом, дважды контузило. А потом припадки, заикание. До сих пор долго сидеть и говорить не могу... Из-за контузии пришлось распрощаться со специальностью радиста. Так вот и стал старшиной паркового дивизиона...

...Они стояли в Вене в аристократическом районе, рядом с дворцом австрийского императора и роскошным парком. Однажды старшина Смолкин катил по своим делам на велосипеде по дорожкам парка и наткнулся на теплицу. А там и садовник встретился...

– Что в парниках разводите? – спросил его поднаторевший в беседах с местным населением Смолкин.

– Орхидеи. Весьма благородные цветы, герр! Но очень дорогие. Я на зарплату садовника не смог бы купить и одного букета.

– Ясно, – сказал старшина.

С 1960 года жизнь А. Смолкина оказалась связанной с биологическим факультетом Пермского университета. Он принял учебно-опытный сад, сам своими руками и на свои небогатые средства построил теплицу, создал цветочный участок, вывел новые сорта цветов...

С. Журавлев

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ (о Т. А. Фёдоровой)

Монотонный стук колёс, дребезжит ложка в стакане из-под выпитого чая, за окном проносятся деревья, кое-где ещё голубеет снег. Смеркается. Отсвет багряной вечерней зари вспыхивает, освещает купе... Помните фильм «На всю оставшуюся жизнь» по повести В. Пановой «Спутники»?..

Его герои живут среди нас...

В начале июня сорок первого в Пермь, к сестре в гости приехала из далёкого Голошмяковского района Тюменской области девочка Таня.

Вскоре началась война, Таня хотела вернуться домой, ведь там остались её родители – четырнадцатый ребёнок в семье, младшенькая, она чувствовала ответственность за стариков. Но уехать было невозможно: на запад шли воинские эшелоны, на восток эвакуировались предприятия.

Тогда Татьяна, как и многие её сверстники, беззаветно любящие Родину, решила идти на фронт. Но в военкомате ей отказали и посоветовали поступить в фельдшерскую школу. В конце 1942 года Татьяна с отличием окончила её и стала работать в госпитале, в котором помогала и во время учёбы. А в ноябре 1944 года Таню мобилизовали в военно-санитарный поезд (Свердловск–Пермь–Таллин), формировавшийся в Перми. На фронт поезд вёз пополнение, мальчишек-новобранцев, а обратно – раненых...

Самое страшное было пережить «первую смерть» тяжело раненного бойца. Ничего сделать уже нельзя, но сердце не может с этим смириться, хочется сделать что-то невозможное...

Таня так и не смогла свыкнуться с жестокостью смерти. Особенно больно было, когда умирал на руках мальчишка, ему в 18-19 лет жить бы да жить, но вот, изуродованный снарядом, он медленно угасает в душном санитарном вагоне.

– До сих пор помню солдата по фамилии Леуш, имя забыла, но помню, что с Украины. Интересно, жив ли сейчас? Хотелось бы увидеть. И капитана Тутко, правда, он тогда уже был пожилой, весь израненный...

А с одним из раненых ей все-таки довелось встретиться уже после войны, на лекциях в университете. Это был Фёдор Семёнович Горовой, впоследствии ректор Пермского университета.

– Татьяна Афанасьевна, как вы встретили известие о Победе?

– Оно было неожиданным. Наш эшелон прибыл в Лысьву 7 мая для передачи раненых в санатории Уральского военного округа. В суете и заботах прошли и 8, и 9 мая, только вечером 9 мая кто-то пришедший из города сказал: «Вы знаете, а война-то кончилась». Все настолько были поражены известием, что долго не верили. Радио у нас не было, кто-то догадался позвонить в город... Радости пашей не было границ.

Татьяну Афанасьевну Фёдорову и теперь знают многие в университете. После окончания исторического факультета она работала в университете на разных должностях.

Будучи на пенсии, не прерывает связи с университетом и даже подрабатывает в студенческом клубе костюмером. Как и прежде, она энергична и деловита, а её внимательное, сердечное отношение многие на себе испытали.

Сквозь бури войны, через всю жизнь сестра милосердия пронесла тепло женского сердца.

А. Стабровский

СУДЬБА СОЛДАТА (о Ю. П. Хрипченко)

Юрий Константинович Хрипченко работает в учебной части военной кафедры нашего университета. Его военная биография началась в 1938 году. После окончания Свердловского военного училища он командовал сначала взводом, потом эскадромом. В боях с белофиннами получил боевое крещение.

После госпиталя началась служба в Камышловском военном училище. Здесь и настигла Ю. К. Хрипченко Великая Отечественная война. Подготовка молодых лейтенантов была делом очень важным и очень нужным, но Юрий Константинович стремился на фронт. И вот он – начальник разведки 73-й отдельной стрелково-лыжной бригады Калининского фронта. Успешная разведка боем на станции Западная Двина закончилась для Юрия Константиновича второй контузией.

После выздоровления – новое назначение: капитан Хрипченко – инспектор отдела военных учебных заведений Уральского военного округа. Но он продолжает рваться на фронт.

В октябре 1943 года Ю. К. Хрипченко поступает в распоряжение штаба 9-й армии и назначается командиром группы оперативно-тактической разведки. Первое задание – разведка участка операционного направления армии через Марухский и Борреченский перевалы, через главный Кавказский хребет. После его выполнения Юрий Константинович был зачислен слушателем высшей школы Генерального штаба Красной Армии. Там он получил новое задание – разработать операционное направление отдельной Приморской армии в Крыму. Наряду с выполнением этого задания он участвовал в действиях Бахчисарайского партизанского отряда.

Ю. К. Хрипченко вспоминает такой случай:

– Дело было на реке Кача. Наш отряд попал в засаду. Когда стали отходить, одного лейтенанта ранило. С нами была 16-летняя девчушка – санинструктор Наташа Коваленко. Она затащила раненого в кизильник, а потом, когда все

стихло, тащила к своим 11 километров. Добравшись до передовых постов, Наташа успела лишь сказать: «Он жив», – и умерла.

В Крыму, на разъезде Почтовый, у немцев находилась база снабжения. Я получил задание – обеспечить наводку наших самолётов на бомбометание этой базы. Взял с собой разведчиков из партизан, и мы вышли на связь. Наводка прошла успешно, база была уничтожена. Но пострадал и наш наблюдательный пункт, и меня вновь контузило...

За эту операцию Хрипченко был награждён орденом Боевого Красного Знамени. Вернувшись в Москву, он получает новое задание – обеспечить разработку операционного направления 53-й армии на Дальнем Востоке.

– Я готовился к выполнению задания и жил в общежитии школы. В одну из ночей услышал в коридорах общежития долгожданное слово «мир», и вскоре Калинин объявил об этом по радио...

По Москве тогда было трудно пройти в форме. Люди окружали каждого военного и, ликуя, качали в воздухе.

Потом я участвовал в параде Победы. Шёл дождь, но настроение было – куда там! – отличное!

После выполнения задания на Дальнем Востоке я вернулся в Москву и до выхода на пенсию в 1968 году уволился в запас.

Е. Шмакова

СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА (об А. И. Черепашине)

Александра Ивановича Черепашина на физическом факультете знают многие. «Отзывчивый. Доброжелательный. Ответственный...», – говорят о нем товарищи.

К нему, механику-лаборанту кафедры общей физики, часто обращаются и преподаватели и студенты, так как своё дело Александр Иванович знает, любит и работает на совесть...

Ещё со времён, когда мальчишкой с похвальной грамотой закончил ФЗУ по специальности слесаря-ремонтника, в нем проявилась «техническая жилка». Но всерьёз заняться любимым делом помешала война...

Летом сорок первого, после прохождения действительной военной службы, Александра направили в Черкасское пехотное училище. И вот в феврале сорок второго молодой лейтенант принял командование взводом управления 346-й стрелковой дивизии на Западном фронте.

«Особенных подвигов не совершал, – говорит Александр Иванович. – Воевал, как все. Это было необходимо. Мы гнали немца от самой Москвы. Бои шли жестокие, страшные, изнурительные. Враг был силен. В марте сорок третьего, под Ржевом, получил тяжёлое осколочное ранение, контузию. Врачи думали – не выживу. Уж очень ослаб. Дали три месяца, чтобы окрепнуть, направили после госпиталя на курсы командиров батареи при третьем Ленинградском артиллерийском училище...»

И снова – на этот раз уже Белорусский фронт – командование артиллерийской батареей.

В боях под Варшавой он получил орден Красной Звезды. Это один из самых памятных эпизодов в военной биографии майора А. И. Черепяхина.

...В августе сорок четвёртого их артиллерийскую часть бросили на Радомский плацдарм. Стояла задача – любой ценой форсировать Вислу. Враг закрепился на высотах в 600 метрах от берега.

Немцы предусмотрительно вырубili все деревья, ликвидировали постройки, которые могли бы помешать просмотру позиций противника. Перед ними расстилалась голая зелёная равнина. Днём пробраться незамеченным к неприятельскому берегу было практически невозможно. А ночью начинался непрерывный артобстрел. Небо то и дело освещалось вспышками ракет. Переправиться на противоположный берег широкой и бурной Вислы было чрезвычайно трудно.

Посреди реки находился маленький островок. Ночью разведчики батареи, которой командовал Черепяхин, отыскали старую разбитую лодку, привязали к ней бревно и благополучно добрались до острова; весь заросший ивняком, он укрыл их на день. Хитрость же заключалась в том, что они тянули стальной кабель с собой и закрепили его на острове. Под покровом следующей ночи, уже не боясь бурного потока, держась за провод, на связанных брёвнах перебрался весь взвод, а разведчики протянули кабель на противоположный берег... И снова переправа удалась.

Теперь взвод управления «вгрызся» в берег и, разведав огневые точки противника, стал по рации управлять артиллерийским огнём наших батарей по вражеским высотам...

В ту же ночь через понтонную переправу перебрались танки и пехота. И на третий день началось стремительное наступление, и высоты были взяты...

В конце сорок четвёртого Александра Ивановича направили в учебный артиллерийский лагерь, где формировались штурмовые батареи.

Война закончилась, но лишь четверть века спустя, он уволился в запас...

С 1961 года в учебно-производственных мастерских университета стал вести занятия по слесарному делу новый учебный мастер – А. И. Черепахин.

Г. Голубева

С. М. Томсинский **ПИСЬМО С ФРОНТА**

18 марта 1945 г. Дорогие товарищи!

От всей души благодарю за коллективное письмо. Оно говорит о неразрывной связи работников тыла с работниками фронта, и тем и ценно. Вы воспитываете и обучаете будущих учителей средней школы. А это чрезвычайно ответственное и почётное дело. Чем грамотнее и культурнее будет учитель, тем лучше он будет воспитывать молодое поколение, которое должно быть достойно своих отцов, оно поднимает славу социалистического Отечества.

За успехи вуза бесконечно рад. Я уверен, что вы не успокоились на достигнутом и будете свои успехи развивать. Профессора Александра Васильевича Ланкова поздравляю с правительственной наградой и крепко жму руку.

Победа, достигнутая Красной Армией и нашим народом в годы Отечественной войны, навсегда останется в истории как подвиг миллионов советских людей.

Война с немецко-фашистскими захватчиками показала, что в XX веке тьма не может победить свет.

Каждый из нас должен своей работой, своей службой социалистическому Отечеству показать, что достоин этой великой эпохи.

Война, товарищи, идёт к концу. Победа близка, она будет нами завоёвана.

Здесь, вдали от Родины, особенно чувствуешь величие нашей социалистической Отчизны, величие нашего народа. Обещаю вам, товарищи, и дальше воевать ещё лучше.

Гвардии капитан
С. М. Томсинский

ВСПОМИНАЯ МИНУВШИЕ ДНИ (о С. И. Комарове)

За плечами Степана Ивановича Комарова тысячи километров фронтовых дорог. Он сражался на Западном, Калининском, Белорусском фронтах, участвовал в освобождении Литвы, Витебской, Смоленской областей, Манчжурии. Его военная специальность – артиллерист. Степан Иванович был командиром миномётной роты, командиром противотанковой батареи, начальником штаба артдивизиона, а в конце войны – командиром артдивизиона.

Тяжело вспоминать минувшие дни... Трудно. Но этого нельзя и забыть. Потому что не было, нет и не будет предела героизму, самоотверженности, стойкости советских воинов.

– Прежде всего для всех солдат, с которыми я воевал, был характерен массовый героизм. В обороне – стоять до конца, в наступлении – победить, в окружении – во что бы то ни стало пробиться к своим, – рассказывает Степан Иванович...

Это было в феврале 1945 года севернее Кёнигсберга. 39-я армия, в составе которой сражался дивизион Комарова, получила приказ уничтожить немецкую группировку войск на ближайшем полуострове и выйти к морю.

Задача была выполнена: войска заняли пять населённых пунктов и вышли к морю. Оказалось, что оборона немцев была прорвана в одном месте, ночью они образовали один коридор, а утром, разобравшись в обстановке, захлопнули его. Дивизия оказалась в окружении. Немцы это поняли и занялись укреплением своих позиций. Попытка выйти к морю остальной части армии успехом не увенчалась. Немцы стали теснить окружённых, на пятый день у них остался только один населённый пункт.

Все понимали, что завтра должно произойти что-то серьёзное. Командир дивизии принял решение – выходить из окружения. Дивизион Комарова был назначен идти в составе авангарда. Выступление назначили на 12 часов ночи, рассчитывая на внезапность прорыва окружения. Дорога лежала между двумя сопками, незамеченными пройти не удалось, немцы открыли пулемётный огонь. Для уничтожения этих пулемётов создали две группы. Четверо немцев были взяты в плен. Понимая, что война кончается не в их пользу, они то и дело кричали: «Гитлер капут!..»

В результате боя немцы определили путь прорыва и подтянули сюда танки и артиллерию, но благодаря умению командира правильно расставить боевые порядки, оборона противника была прорвана у опушки небольшого леса.

Выяснив обстановку, поняли, что рядом – передовая. Где-то впереди слышна немецкая и русская речь. Открыто идти страшно – ведь, если хочешь услышать русскую речь, она может и послышаться. Так и получилось... Когда подползли ближе, увидели «тигра» и двух немецких солдат. Решили обойти. И, атаковав передний немецкий край, прорвали оборону. Было ещё темно, когда немцы поняли, в чем дело, авангард уже прошёл передовую... Немцы бросились укреплять позиции, и остальные наши части уже выходили на вторую ночь...

– Восемь часов продолжался наш путь, – вспоминает Степан Иванович. – Готовились к нему и внутренне и внешне. Побрились, новые шинели надели. У всех одна мысль – только вперёд, к своим, о сдаче в плен, как обычно поступали в таких случаях немцы, у нас даже мысли не было. Выстояли и здесь...

Дивизион Комарова, несмотря на большие потери, продолжал успешно участвовать в дальнейших боях, приближая долгожданную победу... А за подрыв вражеского бронепоезда (отличная операция!), Степан Иванович Комаров награждён орденом Александра Невского.

– Но вспоминается мне ещё один эпизод из фронтовой жизни. Раньше в Новый год немцы фейерверки устраивали. А в 1945 году уже не то было... 45-й год мы в Восточной Пруссии встречали по московскому времени. Ракеты пускали, пулемётный огонь открыли, одним словом, ликовали, предвкушая победу. Немцы Новый год встречали позже на два часа – никаких фейерверков, сплошная тишина... Да, не тот был уже немец, не тот. Чувствовал скорую кончину...

В. Куликова

А. ВОЛКОВ **НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ**

Каждый день помню. Ярче других – последний мой день на войне, последний бой. Это было летом 44-го под г. Августов. Утром 3 августа пехотный полк форсировал Августовский канал. Вместе с ним шли и мы – я, командир артбатареи, и радист. Начался долгий, тяжёлый бой. Я вычислял координаты мест нахождения фашистов, а радист передавал нашему артиллерийскому дивизиону: квадрат такой-то, огонь.

К концу дня на поле боя остались... двое: фашист и я... Началась перестрелка из пистолетов... Я остался один. С тремя ранениями, но живой! Значит, победа на моей, нашей стороне!

Это чувство победы помогло мне пройти три километра обратно, в свой дивизион, под обстрелом опомнившихся фашистов...

Мой друг, Дмитрий Васильевич Исаков, тоже пермяк, первый встретил меня, сделал перевязку обеих рук. Одна висела совсем «на ниточке».

Только через месяц в госпитале мне сообщили, что, Наконец, город Августов взят. (Местность вокруг города голая, пойдёшь в атаку, а на тебя танки).

Но та, временная победа в первый день у города Августов была тоже победой. Поэтому орден Отечественной войны II степени, полученный за тот бой, мне дороже других боевых наград – медали «За боевые заслуги» и ордена Красной Звезды.

Самый памятный день, самый радостный день, как и у всех, – 9 мая 1945, ДЕНЬ ПОБЕДЫ! Это было уже здесь, в университете. Несмотря на труднейшие условия, у ректора в честь Победы для преподавателей и студентов был устроен приём с чаепитием.

А. П. ЛАРИОНОВ **...ВОЙНА УКРАЛА У НАС ЮНОСТЬ**

На мою долю выпала нелёгкая судьба, мне пришлось принять участие в грандиозной «мясорубке», в которой были «перемолоты» миллионы людей, покалечены судьбы целых народов.

Я постараюсь коротко воспроизвести отдельные моменты того непростого времени, связанного с войной. Мне шёл в ту пору 18-й. Вот как для меня, жителя сибирского города Тюмени, началась война. 20 июня 1941 г. в нашей школе состоялся выпускной бал десятиклассников, на котором мы решили вместе с учителями собраться 22 июня на Андреевском озере и устроить прощальный вечер.

Но где-то часа в 2-3 дня к нам прибежали ребята из города и объявили – началась война.

Представьте себе, мы это восприняли спокойно. Когда мы вернулись в город, я пошёл в горвоенкомат и подал заявление о зачислении в ряды Красной Армии и отправке на фронт добровольцем.

В экстренном выпуске тюменской газеты моё заявление было опубликовано, но не только моё. В этот период в Тюмени я жил один, родители в начале июня уехали в Выборг, к месту работы моего отца. Забегая вперёд, отмечу, что с отцом мы больше не встретились, он погиб 15 мая 1942 г. во время блокады Ленинграда.

Время шло, война разгоралась, мы к ней оказались не готовы и несли большие потери. Я каждый день ходил на призывной пункт, но только где-то в середине июля принесли повестку для отправки в армию с одной из воинских команд.

В день моего отъезда из Ленинграда приехала мать с предписанием адмирала Кузнецова командировать меня в распоряжение Краснознамённого Балтийского флота. Но было уже поздно. На вокзале я попрощался с матерью и уехал в Томское артиллерийское училище. К сожалению, набор в него был уже закончен, и нас перевели в северный городок, куда эвакуировалось Киевско-Белоцерковское стрелково-пулемётное училище. В училище я прочулся три месяца вместо двух лет по плану. В середине ноября 1941 г. днём, по тревоге, сдав оружие, мы погрузились в товарный поезд. Нужно заметить, что за период учёбы боевые стрельбы были всего один раз, боевых гранат мы не видели, а о бутылках с горючей смесью и представления не имели.

Переформировку мы проходили на станции «Дно», где-то в 150–200 километрах от Омска. В училище я был заместителем командира взвода, а на формировке был назначен командиром взвода курсантов. В середине декабря мы прибыли в Хотьковский монастырь в 15 километрах от Москвы. Хотьково, особенно железнодорожный мост, немцы часто бомбили. Оружия у нас не было, вместо винтовок были деревянные палки, на которых проходили обучение рукопашному бою. Мы пугливо озирались по сторонам. Ночью нас построили в колонну, зачитали приказ: немцы в районе Истры форсируют капал, и наша задача – не допустить их ворваться в Москву, опрокинуть их на канале и вести наступление в направлении г. Клин. Мы спросили: «А как быть с оружием?» Нам ответили: «Если к месту боя не привезут, будем отнимать у немцев».

Когда уже оставалось 1,5–2 километра до встречи с немцами, оружие нам выдали. Винтовки, патроны, гранаты мы получали прямо с машин и с ходу вступали в бой. Так, наша 41-я стрелковая курсантская бригада вошла в соприкосновение с противником, и завязался яростный бой.

Немцев мы не только остановили, но и погнали на запад. Так начался на нашем участке разгром немцев под Москвой, которые на этом участке были в 15 километрах от Москвы. В этот момент кроме нашей курсантской бригады, других частей здесь не было, стык был открыт, но немцы об этом, видимо, не знали. Под Москву было брошено несколько курсантских училищ из разных городов, в том числе и из Москвы. И именно им, курсантам, принадлежит большая заслуга в спасении Москвы. К сожалению, о мальчишках-курсантах, об их боевых подвигах очень мало сказано в документах войны и литературе.

Курсанты смело атаковали, энергично продвигались вперёд. На западном берегу канала, отсекая огнём немцев от берега, мы втянулись в широкий овраг, поросший мелким лесом и весь усеянный замёрзшими лошадиными тушами: здесь попали под штурмовку пикировщиков конники генерала Белова, пытавшиеся прорваться из окружения. На этом участке в тылу у немцев действовали два крупных конных соединения: корпус генерала Л. Доватора и корпус генерала Белова. Об их подвигах было много сообщений в прессе и по радио. Генерал Л. Доватор был смертельно ранен.

Мы с боями прошли города Волоколамск, Клин. На западной окраине Клина завязались ожесточённые бои с переменным успехом. Наше наступление под Москвой пошло на убыль, однако бои шли жестокие. В наступлении участвовала и паша 41-я стрелковая курсантская бригада. Перед нами была поставлена задача – выбить немцев из впереди лежащего населённого пункта и стремительно «оседлать» перекрёсток шоссе и железной дороги. Немцы занимали населённый пункт, хорошо организовали оборону в подвалах жилых домов. Вся местность впереди простреливалась ружейно-пулемётным огнём. Мы находились на опушке леса, между нами и немцами было широкое снежное поле. Мороз в тот день был ниже – 40°.

С утра и до поздней ночи наш взвод восемь раз ходил в атаку. Немцы подпустят нас метров на 100–150 и огнём уложат на снег... Пять раз за этот день мы получали пополнение из маршевых рот, я не успевал ознакомиться с личным составом, наспех назначал командиров отделений и снова – в атаку. Были ранены и убиты командир батальона, начальник штаба и командир роты. В этом бою я был дважды ранен. Произошло это так. Когда захлебнулась очередная атака, те, кто остался в живых, залегли в 50–80 метрах от передней траншеи немцев. Казалось, один бросок и – все, но огонь немцев был непрерывным, практически было невозможно не только поднять голову, но и пошевелиться.

Для солдат психологически это очень страшно: сильный огонь, рядом никого нет, а кто находится поблизости, лежит и не шевелится, кажется, что все убиты, и только ты один живой. Нужно принимать решение самому: двигаться вперёд, лежать и не шевелиться или отползать на исходные позиции. Желание выжить в большинстве случаев заставляет солдат двигаться назад. Роль командиров отделений, взводов и рот в этот момент очень трудная. Они сами лежат в боевых порядках пехоты, и тот из них, кто встанет и попытается поднять курсантов вперёд, сразу же будет убит или тяжело ранен, все команды отдаются лёжа, но когда солдат не видит действия своего командира, они малоэффективны. И наступает момент, когда все живые начинают отползать. Убитых выносить некому, тяжелораненые остаются замерзать на снегу. В период такого отхода ещё будет много убитых и раненых.

Наш взвод тоже вернулся на исходные позиции. В нем осталось девять человек, способных стоять в строю. В это время подошла новая маршевая рота. Получив пополнение, мы пообедали, выпив по триста граммов, вместо положенных 100. Водка была получена на весь личный состав, а пить-то ее досталось тем, кто остался в живых. Роту построили, командир роты тут же отдал боевой приказ на очередное наступление и предупредил, что позади наступающих будет поставлен заградотряд с пулемётами, и каждый будет расстрелян на месте, если попытается вернуться назад.

Итак, мы снова – вперёд и как-то очень быстро достигли того места, с которого немцы огнём отбросили нас на исходные позиции. С каждой минутой огонь немцев усиливался, но каждый знал, что лучше быть убитым здесь, чем получить пулю от своего заградотряда. Страх, ненависть к немцам и желание выжить заставляли всех двигаться только вперёд.

И вот уже первая траншея немцев., и как в замедленной съёмке начинаю вспоминать детали...

Впереди блиндаж, я взбираюсь на крышу, веду огонь вдоль траншеи по ходу сообщения. Вдруг просвистела очередь над самым ухом, оборачиваюсь и вижу – немец, в чёрной маске, в каске с рогами, ну, просто черт из преисподней. Вместо того, чтобы сразу же лечь и скатиться в траншею, я стою перед ним, как кролик перед удавом. Он хладнокровно даёт мне очередь, ранил в ногу, руку и грудь, я упал, он ещё раз прострочил по моей голове. К счастью, я был в каске, очередью отбило весь зад у каски, а голову не задело.

Атака начала захлёбываться. Мимо меня пробежал курсант Автушко (имя не помню), он стащил меня с блиндажа, окопал в снегу и сказал: «Лежи, я найду санитаров». Вскоре появились двое санитаров и Автушко, они попытались поставить меня на ноги, но ничего не получилось, кости оказались перебиты. Тогда они сняли ремни, привязали ими за руки и потащили. Вначале ранило Автушко, видимо, легко, он попрощался с нами и самостоятельно направился в санбат. Через несколько минут ранило одного санитаря, и он тоже ушёл в санбат. Второй санитар ушёл в тыл и привёл собаку с волокушей. На ней и добрались до санбата. Мороз стоял жуткий (–40°), но я не чувствовал холода.

В санбате, в палатках, на морозе оказали первую помощь. Из палатки вышли военврач и военфельдшер, знакомые ещё по формировке в Сибири. Врач узнал меня; спросил, куда я ранен и, убедившись, что я не ранен в живот, сказал: «Открывай рот». Я открыл, он взял из ящика бутылку водки и влил из неё мне в рот. Я пил и не чувствовал ни горечи, ни запаха водки. Меня положили в сани, сели ещё двое раненых в йоги, и мы поехали в бригадный госпиталь.

Навстречу шли новые маршевые роты, и солдаты с тоской смотрели на нас. Забегая вперёд, скажу, что населённый пункт был взят, хотя потери мы понесли большие. Об этом я узнал уже в армейском госпитале во время перевязки в г. Клин.

Мы долго ездили от госпиталя к госпиталю, и нигде нас не принимали. Я начал мёрзнуть, очень обозлился и приказал вознице подъехать к тому первому госпиталю, где нам не отказали.

На крыльцо вновь вышел тот же щёголь, молодой розовощёкий лейтенант медицинской службы с самодовольным видом и резко заявил: «Вы не из пашей части, Вас не примут, Вам об этом уже было сказано». Я, видимо, потерял много крови, чувствовалась тошнота, без движения сильно замёрзли ноги, раненая рука. Меня взбесило заявление розовощёкого «поросёнка», я достал пистолет и пригрозил ему, что, если он не примет и не окажет нам помощь, пристрелю как собаку. Угроза подействовала, из дома вышли санитары и нас внесли в дом. Меня посадили на стул рядом с горячей железной печкой. Я не помню, как потерял сознание, очнулся, когда нас везли в машине в г. Клин, пистолета уже не было.

В Клину, когда переносили в госпиталь, санитары с машины украли сапоги и шинель.

К моему счастью, обработку ран начал делать врач-полковник медицинской службы (главный врач госпиталя). В разговоре он заметил, что видел нашу часть в деле и что якобы есть распоряжение всех раненных в этом бою представить к награждению орденами и медалями. Но, увы, за этот бой я не был награждён.

Сделав перевязку ног и руки, врач предложил мне сесть, посмотрел на меня и сказал, что ему не нравится мой вид, и попросил поднять рубашку. Когда я её поднимал, указательный палец провалился в грудную клетку. Врач произнёс: «Я не ошибся, ты ещё ранен и в грудь». Обработав рану, заметил: «Ты моли бога за то, что родился в «рубашке». Тебе повезло: пуля прошла спереди и сзади между рёбер и во время выдоха, когда лёгкие сжались, и их не пробило». Из Клина меня эвакуировали, вначале в Москву, а затем в Арзамас. Немцы часто по ночам летали через город бомбить г. Горький. В Арзамасе я пробыл больше месяца, раненая нога сильно болела, температура поднялась под 42°. Палатная сестра, вероятно, по заданию молодого хирурга, занялась обработкой раны, убеждая меня, что ногу, видимо, придётся по голеностопному суставу отрезать. Я дал понять, что лучше смерть, чем ампутация конечности. Положение моё ухудшалось, настойчивость сестры и врача увеличились. Но и здесь мне повезло. Из Москвы приехал профессор-хирург, обработал рану, вытащил несколько костных осколков и кусок валенка. После этого я ожил, температура спала, и меня начали готовить для дальнейшей эвакуации в глубокий тыл в г. Иркутск.

Путь наш проходил через город Тюмень. Когда проехали Свердловск, я попросил санитаря, дежурного по вагону, пригласить главного врача санитарного поезда, которому объяснил, что Тюмень мой родной город, в нем я вырос, учился, из него ушёл в армию. И здесь повезло: врач выслушал и пообещал спясть меня с санитарного поезда и оставить в Тюмени. Радости не было предела, когда рано утром меня на носилках вынесли с поезда и погрузили в машину.

Привезли в железнодорожную школу, в ней был развернут госпиталь. Через санитаров и сестёр я успел передать своим ребятам, бывшим десятиклассникам, что нахожусь в госпитале.

На другой день, после завтрака, в палату ввалилась целая ватага друзей: ребят, ещё не призванных в армию, и девчат. Встреча была бурной. Первый раненый из десятиклассников выпуска 41 года привезён в родной город...

Всем было интересно узнать подробности, как идут дела на фронте, очень ли страшно, когда бомбят и обстреливают из пушек и поливают ружейно-пулемётным огнём? Разговаривая со мной, ребята как-то странно вели себя, все посматривая на одеяло, где были ноги. Вдруг Зайцева Маргарита хватается за конец одеяла и поднимает его высоко кверху и кричит: «Покажи ноги, ноги покажи, есть они у тебя или нет?!» Им кто-то сказал, что меня привезли без йог. Ноги-то оказались на месте, правда в гипсе, но трусов и кильсонов на мне не было. Все прыснули от хохота, ну а каково было мне?

Когда все угомонились, ноги прикрыли одеялом и условились, что завтра же договорятся с начальником госпиталя, который был развернут в нашей средней школе № 1, и попросят о моем переводе.

Все свершилось благополучно, начальник госпиталя – полковник медицинской службы П. С. Карелин – был рад меня встретить. Мы с его сыном Володей вместе уехали в училище в Томск и вместе отправлялись на фронт под Москву.

Володя был убит у меня на глазах во время рукопашного боя в траншее, там же, где меня тяжело ранило. Когда он прыгал в траншею, то не заметил немца, который прижался в нише, и после прыжка Володя, естественно, какое-то мгновение был не готов к бою.

В рукопашном бою решает одно мгновение, и этого было достаточно, чтобы немец первым ударил штыком в шею Володи. Так погиб мой товарищ по школе.

Через день ребята пришли ко мне в госпиталь с носилками и через весь город, от станции и до центра, до моей бывшей школы несли меня на руках, вызывая у прохожих недоумение.

В госпитале поместили меня в палату, точнее, в тот самый 10-й класс «В», где проходили последние выпускные экзамены. Вскоре сделали операцию на левом голеностопном суставе. Наркоз я принимал очень тяжело: когда наложили маску, видимо, сильно брыкался; слышал, как хирург крикнул сёстрам, чтобы держали крепче и плеснули ещё эфира, чтобы успокоили. В ушах зазвенели колокольчики, в глазах загорелись огоньки, и я будто бы полетел в какой-то тоннель.

Проснулся уже в палате, говорят, во сне сильно ругался. Потом мне было очень неудобно, так как рядом сидела мама Володи Карелина. Она работала в этом госпитале старшей операционной сестрой.

Карелины полюбили меня и очень хотели, чтобы я остался жить у них после выписки из госпиталя.

Время и лечение делали своё дело. Я начал быстро поправляться. В это время администрация госпиталя разрешала мне небольшие поблажки. В отдельные дни разрешали получать форму и на костылях выходить в город.

В мае 1942 г. состоялась медицинская комиссия, мне дали II группу инвалидности и на 3 месяца отпуск для поездки к матери. Она к этому времени приехала из блокадного Ленинграда в посёлок Павловск Очерского района Пермской области.

Получив деньги, проездные документы, продовольственный аттестат и старое потрёпанное обмундирование (моё новое было украдено ещё в госпитале в г. Клин), попрощавшись со всеми знакомыми и незнакомыми, я выехал к месту жительства матери.

Похоронив отца, мать приехала не одна, с «невестой», дочерью начальника НКВД Октябрьского района г. Ленинграда. Он помог оформить проездные документы на неё и дочь, и парходом ночью отправил их на восточный берег Ладоги. С большими мытарствами, потеряв часть вещей, им удалось добраться до Павловска – места родины моих родителей. Их приютила жена брата матери в своём стареньком домишке.

Приехав в Павловск, я познал все прелести тыловой жизни. Посёлок и завод расположены на живописном берегу большого пруда, богатого рыбой. Завод, по всей вероятности, был построен ещё при Строгановых, претерпел целый ряд модернизаций, выпускал литовки (косы), станочное оборудование, перед войной освоил выпуск малых турбобуров, в войну – миномёты и различную «мелочёвку», необходимую для фронта.

Мать выглядела очень плохо, ещё не оправилась от последствий блокады Ленинграда. Встреча с нею была трогательной, она долго плакала, рассказывала про ужасы блокадного города, смерть отца. Отец умер 15 мая 1942 г., в этот период уже увеличили количество выдаваемого хлеба до 400 г, но он уже сильно ослаб.

Для обессиленных от истощения в городе стали выдавать путёвки в дома отдыха на две недели. Такую путёвку получил и мой отец, но сразу не мог отправиться туда, так как шёл сильный обстрел центра города, где они жили. Переждав обстрел, мать повела отца, но, когда они спустились с третьего этажа на площадку второго, отцу стало плохо, он обнял мать за шею и успел сказать: «Прости, Михайловна, за всё, я умираю».

Мать двое суток не могла поднять его на свой этаж в квартиру. Мир не без добрых людей, ей помогли...

Впоследствии, окончательно вернувшись с войны, я предложил матери поехать в Ленинград, квартира был в центре города на Невском проспекте, но мать категорически отказалась.

Видимо, для меня Ленинград стал «закрытым» городом: в войну мать привезла письмо за подписью адмирала Кузнецова для моего переезда в город, а после войны сама воспротивилась обратному переезду, а я не настаивал.

Ходил я все ещё плохо – с «клюшкой», по время шло, молодость, свежий воздух, грибы, ягоды, рыба – дом стоял на берегу пруда, рыбачил прямо из огорода – сделали своё дело.

Через 2,5 месяца пришла повестка на перекомиссию в г. Очер. В кабинет врачей вошёл без палочки, они бегло глянули: руки есть, ноги есть, в туалет могу ходить самостоятельно, значит, годен к строевой службе. В военкомате получил предписание: через 5 дней явиться на формирование в посёлок Юг Пермской области. С большим трудом из Очеры добрался пешком до Павловска. Я был рад ехать на формирование, а затем на фронт, так как жить на голодном пайке в тылу очень трудно.

Все военное обмундирование я оставил матери, а сам, как партизан, в худенькой гражданской одежде приготовился к отъезду. Проводы были недолгими, мать плакала, девочка, которая приехала с ней из Ленинграда, тоже плакала – она привыкла ко мне.

Когда я прибыл в часть, начальство удивилось моему виду, вначале хотели наказать, но, учитывая мой фронтовой опыт, направили для прохождения службы в отдельную разведроту на должность командира взвода. Началось трудное формирование всей мотострелковой бригады и нашей роты, основными задачами были систематическое наблюдение за противником, ближайшая разведка в полосе противника, захват «языка», глубокая разведка в тылу противника и разведка боем.

Комплектованием роты занимались с особой тщательностью, офицеров, старшин и сержантов подбирали, как правило, из числа участников боевых действий на фронте. Во всех частях разведподразделения, имевшие авторитет, пользовались поблажками, им многое сходило с рук.

В период формирования командир роты часто заменялись, и даже был такой случай, когда больше недели командиром роты был Ахромеев, который впоследствии стал маршалом и начальником генерального штаба армии.

Однажды ночью по боевой тревоге подняли роту и всю бригаду. Зачитали боевой приказ: в 30 километрах на северо-западе в лесу высадился десант «противника» и продвигается в направлении посёлка Юг; задача – упредить «противника» и во встречном бою уничтожить. Зима наступила ранняя, с сильными морозами, а нам предстояло неделю провести в лесу, в боях с условным «противником». Построив роту, сделали переключку, и оказалось, что кроме больных и наряда дежурных оказались и симулянты. Особенно любит «сачкануть» ефрейтор В. Моисеенко. Он обычно поступал так: когда получал сообщение по солдатскому «семафору», что будет боевая тревога, незаметно от всех обрывал подмётку у ботинка и требовал оставить его «дома» для ремонта обуви. Обычно это у него проходило, а на сей раз не вышло.

Осмотрев солдат и убедившись, что они готовы к длительному маршу, я приказал ефрейтору В. Моисеенко оборванную подошву примотать проволокой и приготовиться к маршу. Я понимал, какую ответственность беру на себя, солдат может обморозить ногу, но уж очень хотелось проучить наглеца, чтобы он не вздумал выкидывать подобные штучки на фронте. Подозвав старшину Л. Мухортова, прибывшего с укрепрайона Дальнего Востока, приказал ему, чтобы во время похода и ночёвок в лесу посматривал за симулянтом, чтобы тот не обморозил ногу, стремясь избежать фронта.

Все обошлось благополучно, но по пути домой Моисеенко со злобой прошипел: «Запомни, лейтенант, на фронте я тебя пришью!». Я спокойно ему ответил: «В трибунал сообщать не буду, но тоже запомни: пристрелить тебя сейчас не могу, будут судить, но как только будем находиться во фронтовой полосе, где действуют фронтовые законы, за подобную угрозу расстреляю на месте». Он, видимо, это запомнил и, не доехав до фронта, дезертировал из части. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Был и такой случай: 7 ноября по случаю праздника бригада построилась на льду пруда. Помню, что лёд был уже крепкий, но все же кое-где потрескивал... После поздравления личного состава бригады с праздником был зачитан приговор о смертной казни за дезертирство солдата Н. Лопатина. Он сбежал из части и был задержан в районе Хабаровска. Это было его второе дезертирство, первое ему обошлось довольно легко, а вот второе стоило жизни.

Прокурор обратился к личному составу бригады и спросил, кто хочет принять участие в расстреле дезертира? Вышло человек восемь, перед строем вскинули винтовки, по команде дали залп, и все было кончено. От праздника остался неприятный осадок. Случай этот запомнился на всю жизнь.

Однажды отработали на учениях тактику ведения боя – батальон в наступлении, рота в обороне. Задачу за роту решал я. Нужно было перехватить батальон на марше, навязать ему бой, заставить его преждевременно развернуться и атаковать, по сигналу красной ракеты перейти в контратаку. Поскольку бой условный, противник условный, ракетницы не было, её должен был заменить выстрел из пистолета.

Я находился под высокой елью в боевых порядках роты, на правом фланге, отсюда было удобнее вести наблюдение за «противником», рядом находились командиры взводов.

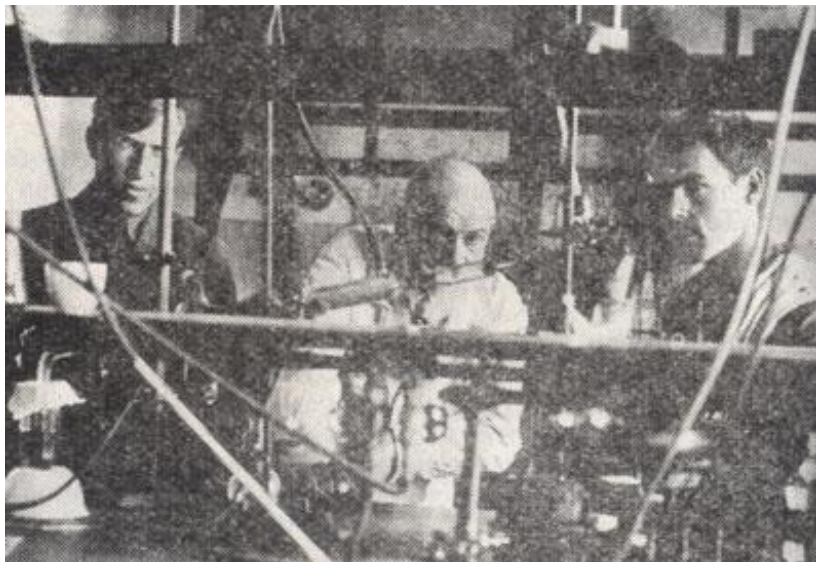
Когда атака «противника» начала захлёбываться, я достал пистолет, поднял руку вверх и выстрелил, что означало переход в контратаку. К изумлению офицеров, после выстрела к моим ногам упала очень красивая серенькая белочка с пробитой головкой. Пуля ударила снизу в челюсть и прошла насквозь. Стреляя, я не смотрел вверх, белку не видел – воистину злой рок.

Видимо, правильно говорят, что если тебе суждено быть повешенным, то не сгоришь и не утонешь, а обязательно повесят. Так произошло и с белкой. Жаль было белку за её роковую смерть, однако я не растерялся и, обращаясь к офицерам, сказал: «Вот так стреляют фронтовые офицеры – учитесь!»

Итак, впереди Сталинград, Германия, Победа, возвращение домой, учёба и работа в Пермском университете...

ОНИ ТВЁРДО ВЕРИЛИ В ПОБЕДУ

И. И. ЛАПКИН
ВОЙНА – ЭТО И ЖИЗНЬ, И БОРЬБА ТЫЛА

Мы ждали войны и были уверены в её неотвратимости, и всё же война началась неожиданно.

В этот ответственный момент первое, что сделал университет, – это отправил своих студентов и преподавателей в армию. Мобилизовали не только мужчин, но и женщин, студенток. В университете осталось всего 250 студентов, из них всего двое мужчин, имеющих серьёзные болезни.

Второе – принял и разместил на своей территории эвакуированные из Москвы государственные учреждения. Самое большое здание университета было освобождено для наркомата угольной промышленности. Кроме того, университет дал приют в географическом корпусе некоторым кафедрам сельхозинститута, здание которого было занято под госпитали. Наконец, к нам, в тот же географический корпус, переехал краеведческий музей. Все коридоры второго этажа этого здания были заставлены чучелами животных и птиц. Скученность вследствие этого была потрясающая.

Третье, что мы были должны срочно сделать, – это пересмотреть и изменить учебный план, приблизив его к потребностям военного времени. Были введены новые курсы – химия взрывчатых веществ, химия отравляющих веществ, курс адсорбционных явлений перестроены лабораторные занятия: введены в них работы по индикации отравляющих веществ и др.

Четвёртое и, пожалуй, самое главное, что нам предстояло сделать, – это в корне перестроить научную работу, временно оставив традиционно научные направления, развиваемые в Пермском университете, и обратить особое внимание на работы, имеющие оборонное значение.

Прежде всего, нужно было снабдить все многочисленные госпитали, находящиеся в Перми и области, медицинским эфиром, необходимым для сложных хирургических операций.

При кафедре органической химии была построена крупная лабораторная установка, которая получала чистый эфир, полностью обеспечив госпитали необходимым медицинским препаратом.

Особенно много поручений было от находившихся в Перми двух наркоматов. По заданию наркомата химической промышленности были разработаны образцы безжирового дезинфицирующего мыла, предложены покрытия для парашютов; по заданию наркомата угольной промышленности проводилось изучение ацетилирующего полукоксования. Одной из основных работ того времени было получение высокооктанового топлива. Образец авиационного топлива, предложенный наркомату авиационной промышленности, имел очень высокое октановое число.

Кроме того, много работ исследовательского характера выполнялось в университете по поручению партийных и советских учреждений: велись поиски медистых песчаников, был разработан технологический процесс извлечения меди из этого сырья, разработан способ синтеза одного детонатора, расшифрован состав одного из отравляющих веществ и много других работ.

Необходимо отметить, что студенты и сотрудники университета выполняли, кроме того, большую по объёму чисто физическую работу: прокладывали трамвайные пути, строили распределительную горку на станции

Курья, помогали колхозникам в уборке урожая, разгружали баржи с продовольствием для госпиталей, участвовали в строительстве телефонного завода. Даже трудно перечислить все виды физического труда, в котором мы участвовали в это тяжёлое время. Но все выполняли без ропота, охотно, зная, что это наш вклад в победу над злейшим, какого вряд ли когда-либо знала история человечества, врагом.

А. А. ШИПУНОВА **НО КАК ДОЛГО ПРИШЛОСЬ ЕЁ ЖДАТЬ**

В преддверии 50-летия Победы в Великой Отечественной войне невольно вспоминаются тяжёлые военные годы, которые пришлось пережить. Для каждого невзгоды были разные, но лёгкого и спокойного времени на войне не было, наверное, ни для кого. Даже в глубоком тылу не только рабочие и крестьяне, но и учёные, ученики, студенты старались, как могли, помочь фронту.

Я поступила на химический факультет Пермского университета в 1939 году. Мечтала получить университетское образование, прожить студенческие годы интересно и весело. Однако жизнь распорядилась по-другому. Первый курс совпал с финской войной, хотя и короткой. Когда училась на втором курсе, началась страшная, долгая Великая Отечественная. День 22 июня 1941 года начался как обычно: наш второй курс готовился к очередному, последнему в этом году, экзамену...

Мы, живущие в общежитии, занимались в читальном зале, где, как всегда, была мёртвая тишина (разговаривать не разрешалось), склонившись, сидели над учебниками. И вдруг в этой тишине кто-то вошедший громко произнёс зловещее слово: «Война!» Зал быстро опустел... Вскоре преподаватели, сотрудники, студенты без объявлений и призывов, по собственному порыву, оказались в актовом зале. Начался митинг. Зал был переполнен. Все были взволнованы, в душе – боль, ужас, но вместе с тем и надежда на скорую Победу.

Но как долго пришлось её ждать!

Преподаватели, студенты проявили такой патриотизм, что многие тут же, на митинге, вслед за ректором университета А. И. Букиревым (участником боев на Халхин-Голе), записались добровольцами на фронт.

Каникулы были отменены, их не было до окончания войны. Всю войну, когда не было занятий, работали на заводах, в колхозах, на лесоповале, выгрузке на железной дороге, в госпиталях – везде, где требовалось. Нашему курсу химиков в 1942–43 гг. повезло: мы работали по специальности. По технологии, разработанной учёными университета под руководством зав. кафедрой органической химии профессора Д. М. Марко, было организовано производство наркотного эфира на полужаводской установке, размещённой в лаборатории неорганической химии химического корпуса. В летнее время, когда не было учебных занятий, работали в 2 смены, во время учёбы – после занятий. Постоянно работали с начала пуска до прекращения производства в основном студенты, живущие в общежитии (Шипунова, Караваева, Туржецкая, Немчинова), чтобы в случае необходимости могли прийти в любое время.

Параллельно с производством наркотного эфира на кафедре органической химии в течение 2 месяцев летом 1942 г. производился уротропин. Готовые медикаменты мы разносили на базы, в аптеки, в госпитали.

Сколько слов благодарности мы слышали за столь необходимую и дефицитную продукцию.

С начала войны коренным образом изменились бытовые условия. Особенно трудно жилось в общежитии. Уже с июля 1941 г. была введена карточная система на продукты. Студент получал 400 г хлеба и скудный обед в столовой, состоящий из жиденького супчика, ложки каши и чая без сахара. Жили в общежитиях-бараках. С началом войны централизованное паровое отопление было отключено, в каждой комнате были сложены кирпичные печурки. Топливо подвозили редко, чаще приходилось его искать самим: носили от университетской котельной, со станции Пермь II; подбирали остатки заборов...

Несмотря на загруженность, трудности, холод и голод, молодость брала своё: ходили в кино, в театр (особенно любили Ленинградский театр оперы и балета), почти каждую субботу организовывали (хотя и без мальчиков) танцы.

К великому сожалению, окончить университет удалось немногим. Юноши ушли на фронт сразу после объявления войны. Зимой 1942 г. проводили на фронт девушек (с нашего курса – 5 человек), часть студентов пошла работать с отрывом от учёбы. В 1939 г. поступили на первый курс химического факультета более 70 человек. В 1944 г. закончили всего 16.

К. ГОРБУНОВА **БЫЛО ОЧЕНЬ ТРУДНО**

Я поступила на геолого-географический факультет Пермского университета в 1943 году. Это было тревожное военное время. Где-то в далёкой юности слышится голос Левитана, вселявший в наши сердца надежду и веру в Победу.

Хорошие вести помогали легче переносить трудности – холод в аудиториях и в общежитии, голодный паек. Очень часто студентов привлекали к работам в порту в качестве грузчиков, на расчистку трамвайных и железных дорог от снега, на лесозаготовки. Запомнился эпизод, когда ректор университета профессор Р. В. Мерцлин вместе с нами, со студентами, вырубал вмёрзшие в лёд бревна на Каме. Его остроумные шутки подбадривали и согревали нас.

А вот и первая летняя геологическая практика – Кунгур, Ильменский заповедник, Миасс. Описывая обнажения и формы рельефа, начинаем по буквам читать каменную летопись Земли. Много лет мы тепло вспоминали руководителя практики профессора А. И. Оборина, директора учебно-опытного хозяйства в Миассе. Днём мы проводили почвенную съёмку в степи, среди душистых ягодных трав, а возвратившись, за одним столом с профессором пили молоко и ели вкусный степной хлеб. Вечером слышались песни, шутки, смех.

Многие не смогли преодолеть трудности военной и послевоенной учёбы, но те, кто остался в университете, упорно осваивали программу. На лекциях и лабораторных занятиях нас восхищали методичность доцента В. К. Воскресенского, эрудированность профессора П. Н. Чирвинского, высокая требовательность профессора Н. П. Герасимова, энергия и остроумие профессора Г. А. Максимовича.

В студенческие годы мы пережили ещё один незабываемый день – Девятое мая – ДЕНЬ ПОБЕДЫ. Всеобщее ликование, радость, гордость за народ и Родину, победившую фашизм, желание работать и трудиться ещё лучше, внести свой вклад в восстановление народного хозяйства страны...

После войны наши ряды пополнились студентами в гимнастёрках. Вернулись с фронта с боевыми наградами Н. П. Старков, В. В. Карпов, Н. Созинов и другие.

Прошло уже немало лет моей жизни, связанной с университетом, – труден, неровен, по интересен путь нашего поколения.

Н. АНДРЕЕВА «500 – ВЕСЁЛЫЙ»

С лета 1943 года – все военные годы – местком университета отправлял в Троицкий заповедник «500 – весёлый». Так назывался товарный вагон с необычайным «грузом»– детьми сотрудников в возрасте от 3 лет и старше. Это большое дело местного комитета – отправка детей из голодного города в сельскую местность. Летом прожить там было гораздо проще, тем более, что в заповеднике не только отдыхали и поправляли своё здоровье, но и выполняли посильную для себя работу. Тяжёлые годы войны сделали ребятшек взрослыми. Они вязали снопы, собирали колоски, мотыжили, работали на прополке, дежурили в столовой.

Дети заботились о своих родителях, братьях, сестрах – запасали на будущую зиму продукты: собирали ягоды и варили из них варенье, сушили грибы... За работу в поле получали продукты и деньги...

Прошли годы, и из этих ребятшек выросли настоящие люди. Многие из них получили высшее образование. Большинство разъехалось по разным уголкам нашей страны: Инга Некрасова работает врачом в Душанбе, Костя Наугольных – доктор физических наук в Москве, Галя Гук – доктор физических наук в Новосибирске, Лена Харитоновна – кандидат исторических наук... У нас в университете – Владимир Антонович Оборин, заведующий кафедрой истории России, Герман Всеволодович Бельтюков... Мы знаем их как хороших преподавателей, активных общественников, заботливых наставников молодёжи.

ВСПОМИНАЮТ ВЕТЕРАНЫ ТРУДА

«Мы ещё поработаем вместе»

– Вспоминается мне такой случай. Для наших воинов-университетцев мы собирали и отправляли посылочки – тёплые вещи, почтовую бумагу, папиросы и в них вкладывали

записочки. Моя посылочка однажды попала Александру Ильичу Букиреву. И он послал мне благодарственное письмо-открытку, в ней были такие слова: «Мы ещё поработаем вместе». И ведь правда, поработали.

Е. Макова

«Со всей душой»

– Мы твёрдо верили в нашу победу и делали все для фронта с подъёмом, со всей душой, никто никогда не отказался ни от какой работы. Мы шили и собирали для бойцов тёплую одежду, очищали железнодорожные и трамвайные пути, дежурили в госпитале, вырубали изо льда Камы бревна, ездили в колхоз на уборочную. И все это помимо своей основной работы в университете...

Многие, очень многие сдавали свою кровь.

Невозможно перечислить всех, кто самоотверженно трудился для Победы. Это и профессора Р. В. Мерцлин, Д. М. Марко, Д. Е. Харитонов, доцент Ю. М. Абрамович, секретарь ректора О. И. Субботина, кассир Л. В. Иванова, доцент П. С. Ажеганова, работник учебной части Е. А. Кунгурцева, семья научных работников Полукаровых, Лапкиных, Мерзляковых, библиотекарь З. М. Пушкина, ассистент П. П. Керенцева, преподаватель Л. Н. Чечулина и многие, многие другие.

Г. Генкель

Т. КЛОПИНА СУРОВЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ

Во время войны жизнь в университете продолжалась, только все с большей ответственностью стали относиться к своим обязанностям. Научные кружки функционировали на всех кафедрах и факультетах. Студенты старших курсов физмата проводили специальные исследования по заданию ряда предприятий и Камского речного пароходства. Наиболее актуальные темы являлись предметом обсуждения научных конференций. Так, в апреле 1944 года на третьей студенческой конференции было заслушано и обсуждено 18 докладов студентов.

А. А. Мошева, А. А. Дылдина – студентки, по призыву ЦК ВЛКСМ в апреле 1942 г. добровольно ушедшие на фронт.

С первых дней войны регулярно, два раза в неделю, на всех факультетах проводились политические информаций, читались лекции по самым актуальным вопросам дня. Все студенты университета, получив обстоятельную консультацию, шли в близстоящие дома и проводили беседы с населением. О работе студентов-агитаторов сохранились прекрасные отзывы (о Г. З. Гершуни, С. Н. Седельниковой).

За такую работу многие студенты были удостоены именных повышенных стипендий, стали ещё активнее участвовать в трудовых мероприятиях и общественных делах. Только в 1943/44 учебном году за отличную работу и активное участие в общественной жизни 74 студента были занесены на доску Почёта университета.

В университете работало немало кружков художественной самодеятельности. Студенты выступали не только на сцене университета, но и на сценах рабочих коллективов. Например, в 1943–1944 годы коллектив драмкружка поставил несколько спектаклей для студентов и молодёжи Перми, госпиталей. Зрители тепло встретили пьесу Островского «Бесприданница», сцены из оперы Мусоргского «Борис Годунов» и др.

Военная обстановка настоятельно требовала, чтобы каждый человек, находящийся в тылу, принимал непосредственное участие в сфере материального производства. Было создано специальное бюро по устройству студентов на работу.

Уже в июле 1943 года на предприятиях Перми, в пригородных колхозах трудились 265 студентов. Начиная с 1943 года только на заводе им. Держинского было постоянно занято 200 студентов университета. Из наиболее успешно в те дни сочетавших работу с учёбой можно назвать студентов Байнова, Казанцева, Лебедева, Карпушина, Пухарева, Куракина и др.

Студенты проводили большую работу и по обеспечению университета топливом.

Коллектив университета заботился о воинах, которые попали в госпитали. Студенты установили специальное шефство над одним из эвакогоспиталей в Перми. Они убирали в палатах, создавали уют в красных уголках, читали лекции, учили больных иностранному языку. А в летнее время собирали ягоды и грибы, чтобы на столах раненых была разнообразная пища. Около 100 студентов были донорами.

28 марта 1942 года, учитывая огромное желание женщин с оружием в руках защищать Родину, ЦК ВЛКСМ принял постановление «О мобилизации девушек в части ПВО».

Были созданы мандатная и медицинская комиссии, которые отобрали сорок девушек комсомолок, изъявивших желание пойти в армию. До конца войны они славно защищали московское небо. Среди них были А. Дылдина, Н. Ушакова, Л. Пономарева, Р. Абашева и автор этих строк. Девушки и в армии принимали активное участие в общественной жизни – были агитаторами, редакторами боевых листовок, оказывали большую помощь командованию в воспитании нового пополнения юношей, которые пришли в армию в конце войны. Многие из тех студенток после войны окончили наш университет и активно включились в мирный труд.

Т. Л. РУБИНШТЕЙН **СТУДЕНТЫ ВОЕННЫХ ЛЕТ**

О нашем первом послевоенном выпуске говорят: «студенты военных лет».

Время было тяжёлое, жили только верой в победу, время определяли по сводкам Совинформбюро. Как сжималось сердце, когда слышался голос Левитана: «После тяжёлых кровопролитных боев наши войска оставили...». Как ликующе тот же Левитан провозглашал: «Нашими войсками освобождён...», как грозно звучало: «Смерть немецким захватчикам!»

Студенты историко-филологического факультета, возобновлённого в 1941 г.

Бригада общественниц университета, работавших в госпиталях.

Каждое слово симоновского стихотворения «Убей его!» звучало как заклятие, а проникновенные строки «Жди меня» казались обращением к каждой из нас, ибо в основном учились одни девчонки. На нашем филологическом отделении было только трое юношей.

Но все же это было прекрасное время и не только потому, что мы были молоды, но и потому, что именно в такое время не было места пустозвонству, демагогии, человек проверялся делами и только делами.

Мы не только учились. Все мы, комсомольцы, пошли добровольно работать на Дзержинский завод, делали снаряды. Рабочий день наш выглядел так: с 9 утра до 2 часов – занятия в университете, с 6 вечера до 2 часов ночи – работа на заводе, на конвейере. В оставшееся время, уплотнённое до предела, книги, «горьковская» библиотека (которую тогда почти не отапливали), добывание пищи, что тоже было нелёгкой проблемой. Особенно трудным был последний год, так как вышло постановление, что нас выпускают за четыре года, но по пятилетней программе, да ещё кроме госэкзаменов вводится защита дипломных работ.

Казалось бы, для настоящего образования времени очень мало. А между тем, мы много читали, спорили, создавали газеты, около которых толпился весь университет, с увлечением мечтали о своих маленьких открытиях...

Какие профессора нас обучали! Это были ленинградцы, спасённые в блокаду. До сих пор с благоговением помним мы нашего профессора Бориса Павловича Городецкого, известного в стране пушкиниста, лекции которого были не только чудом научного откровения, но и чудом лекторского искусства. Послушать его прибегали студенты всех факультетов. А искрящийся ум, живое трепетное слово Дины Клементьевны Мотольской, ныне одного из авторов учебника по литературе для 8 класса?!

Николай Петрович Обнорский, брат известного лингвиста, академика Сергея Петровича Обнорского, такой же эрудит, полиглот, человек добрейшей души и какой-то особо изящной скромности. Так и представляется его маленькая фигурка, перепоясанная крест-накрест портфелем с книгами, а то и толкающая перед собой тележку с книгами. Книги предназначались для нас.

Это было время, когда дружба завязывалась навек. Наверное, многие бы из нас не перенесли голода, холода общежитских барачков...

Но жили мы коммуной, вместе питались, вместе страдали, вместе радовались, вместе ездили на лесозаготовки, очищали пути на Перми II, чтоб могли пройти эшелоны, по колено в морозной воде вылавливали бревна из Камы, работали в колхозе, словом, вместе переносили то, что определялось одним страшным словом: война!

А День Победы в университете – да это целая эпопея, её не пересказать...

А сейчас мы поддерживаем друг друга, наше содружество крепкое, В далёкой Киргизии во Фрунзе – паша гордость Лёня Шейман, профессор Лев Аврумович Шейман, автор нескольких учебников по литературе, книг для тех, кто любит литературу. Во Владимире преподаёт в пединституте Александра Михайловна Вишнякова, ныне Пудкова, любимица студентов, а в Арзамасском пединституте – Екатерина Георгиевна Тунева. В нашем городе остались Франциска Леонтьевна Скитова, Маргарита Александровна Ганина, работающие в университете. Добрым другом для выпускников Пермского речного училища была Клара Максимовна Абрамова, и этот список можно продолжить.

Да, мы были студентами военных лет. И по-прежнему все, что связано с университетом, для нас дорого, близко и священо.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

АБАЛИШИН АЛЕКСЕЙ ЕФРЕМОВИЧ (1908–1978)

Работал заведующим кафедрой гражданской обороны Пермского университета.

С начала и до конца войны служил в Советской Армии. Участвовал в боевых действиях на Волховском, Ленинградском, 2-м и 3-м Прибалтийских фронтах в должности дивизионного, корпусного врача и заместителя начальника медицинского отдела армии.

Был контужен.

Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды и восемью медалями, в том числе «За боевые заслуги».

Военную службу окончил в звании полковника медицинской службы.

БУКИРЕВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ

(1903–1964)

Александр Ильич Букирев родился в селе Верх-Мечка Кунгурского района Пермской области.

В 1921 г. окончил Пермский рабфак и был призван в Красную Армию, где после успешной сдачи экзаменов был аттестован на командира взвода запаса.

С 1931 по 1940 г. работал в Биологическом научно-исследовательском институте при Пермском университете, а в июне 1940 года был назначен ректором университета.

В 1939 г. в составе 82-й стрелковой дивизии участвовал в боях на Халкин-Голе; был командиром полковой батареи 002-го стрелкового полка, получил тяжёлое ранение. За доблесть и мужество в боях награждён орденом Ленина.

В 1941 г. А. И. Букирев ушёл добровольцем на фронт – командовал артиллерийским дивизионом, полком, был начальником штаба артиллерии отдельной стрелковой бригады, работал в оперативном штабе артиллерии 1-го Украинского полка.

Награждён орденами Красного Знамени, Кутузова III степени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени и медалями.

После окончания войны А. И. Букирев вновь был ректором Пермского университета, затем заведующим кафедрой зоологии позвоночных. Награждён орденом «Знак Почёта».

ВЛАСОВ МИХАИЛ ФЁДОРОВИЧ

(1920–1991)

Работал доцентом кафедры русского языка и общего языкознания Пермского университета, кандидат филологических наук.

С июня 1941 г. и до конца войны служил в Советской армии.

Участвовал в боевых действиях на Юго-Западном фронте г, качестве командира отделения химиков. Был тяжело ранен.

Награждён семью медалями, в том числе «За боевые заслуги».

ВОЛКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

(род. в 1915 г.)

Работал доцентом кафедры неорганической химии Пермского университета, кандидат химических наук.

С 1941 по 1944 г. служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на 2-м Белорусском фронте в должности командира артиллерийской батареи.

Был тяжело ранен.

Награждён орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и шестью медалями, в том числе «За боевые заслуги».

ГОРОВОЙ ФЁДОР СЕМЁНОВИЧ

(1916–1973)

Фёдор Семёнович Боровой родился в селе Плоском Ананьевского района Херсонской губернии.

В 1933–1937 гг. учился на историческом факультете Одесского педагогического института.

Работал учителем истории в Запорожской области.

С августа 1941 по август 1944 г. служил в Советской Армии, участвовал в боевых действиях на Южном, Закавказском, Степном, Юго-Западном и 3-м Украинском фронтах в должностях командира батареи, начальника артиллерии, начальника артиллерии стрелкового полка и командира артиллерийского дивизиона. Был дважды ранен и контужен. Награждён орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак Почёта» и семью медалями.

В Пермском университете начал работать с августа 1944 г.

Ф. С. Боровой – доктор исторических наук, профессор. С 1954 по 1955 г. был профессором Карлова университета и Высшей школы в Праге. Заслуженный деятель науки РСФСР.

С 1955 по 1973 г. заведовал кафедрой истории СССР, а с 1961 по 1970 г. был ректором Пермского университета.

Ф. С. Боровой – крупный специалист по истории России XIX века и истории Урала XIX – начала XX столетий. С его именем связано углублённое изучение падения крепостного права и ряда проблем революционного движения на Урале. Им опубликовано более 90 научных работ.

Герой Советского Союза
ЕРОФЕЕВСКИХ ЛЕОНИД КОНСТАНТИНОВИЧ
(1913–1944)

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 19-15 г. Ерофеевских Л. К. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза за исключительное мужество, проявленное в боях при освобождении столицы Литвы – Вильнюса.

Ерофеевских Л. К. родился в селе Карагай Пермской области. В 1934 г. поступил на физико-математический факультет Пермского университета. После окончания университета преподавал математику в Пермском машиностроительном техникуме. В 1939 г. призван в Советскую Армию.

В боях на фронтах Великой Отечественной войны участвовал с октября 1941 года. Служил в составе 3-й гвардейской танковой бригады командиром батальона автоматчиков.

Леонид Константинович Ерофеевских погиб в июле 1911 г.

ЗАНАДВОРОВ ВЛАДИСЛАВ ЛЕОНИДОВИЧ
(1914–1942)

В 1940 г. окончил геолого-географический факультет пермского университета.

В феврале 1942 г. был призван в армию, окончил курсы подготовки офицерского состава и участвовал в боях под Сталинградом.

28 ноября 1942 г. командир огнемётного взвода младший лейтенант В. Л. Занадворов погиб в бою.

КАМЕНСКИХ ФАИНА ВАСИЛЬЕВНА
(род. в 1924 г.)

Работает в Пермском университете учебным мастером военной кафедры.

С июня 1942 г. и до конца войны служила в Советской Армии. Участвовала в боевых действиях на Ленинградском фронте в качестве телефонистки и командира отделения связи.

Награждена девятью медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда».

КАПЦУГОВИЧ СЕБАСТЬЯН ИВАНОВИЧ

(1907–1978)

Работал преподавателем военной кафедры Пермского университета. С начала и до конца войны служил в Советской Армии. Участвовал в боевых действиях Западного и Волховского фронтов в должности командира артиллерийского дивизиона.

Был тяжело ранен.

Награждён орденами Ленина, «Красного Знамени», «Отечественной войны I степени», «Красной Звезды» и семью медалями.

Военную службу окончил в звании полковника.

КЕРТМАН ЛЕВ ЕФИМОВИЧ

(1917–1987)

Работал заведующим кафедрой новой и новейшей истории Пермского университета, доктор исторических наук, профессор.

С июня по декабрь 1941 г. служил в Советской Армии. Участвовал в боевых действиях на Западном фронте в качестве стрелка и пулемётчика.

Был тяжело ранен и контужен.

Награждён орденом Отечественной войны I степени и шестью медалями.

КЛОПИНА ТАМАРА КОНСТАНТИНОВНА

(1921–1983)

Работала на кафедре истории КПСС в должности доцента, кандидат исторических наук.

В апреле 1942 г. в числе первых сорока комсомольцев-добровольцев университета ушла на фронт. Служила до конца войны на Московском фронте ПВО в качестве наводчика и командира расчёта зенитного пулемёта и орудия.

Награждена пятью медалями.

Ефрейтор в отставке.

КОМАРОВ СТЕПАН ИВАНОВИЧ

(род. в 1919 г.)

Работал начальником II отдела университета.

С начала и до конца войны служил в Советской Армии.

Принимал участие в боевых действиях на Калининском, Прибалтийском, 3-м Белорусском и Забайкальском фронтах в должностях командиров миномётной роты и противотанковой батареи, начальника штаба и командира артиллерийского дивизиона.

Награждён орденами Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды и четырнадцатью медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За победу над Японией», «За взятие Кёнигсберга», «За безупречную службу I степени».

Полковник в отставке.

КОРСАКОВ АНДРЕЙ НИКИТОВИЧ

(род. в 1908 г.)

Работал учебным мастером военной кафедры Пермского университета.

С октября 1941 г. и до конца войны служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на 1-м Украинском фронте в должности заместителя командира бригады по артиллерии.

Был дважды ранен, контужен.

Награждён двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени и десятью медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги».

Подполковник в отставке.

КОЩЕЕВ ПАВЕЛ ЕГОРОВИЧ (1919–1944)

До 1940 г. учился на физико-математическом факультете Пермского университета, обучаясь одновременно в Пермском аэроклубе, с декабря 1940 г. – в войсковой школе лётчиков.

С начала войны воевал в Заполярье на штурмовике ИЛ-2.

Награждён несколькими орденами и медалями.

24 октября 1944 г. самолёт П. Е. Кошсеева был подбит зенитным огнём и, направленный лётчиком в колонну вражеских автомашин, взорвался вместе с техникой врага.

КУЗНЕЦОВ ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ

(1912–1986)

Работал заведующим кафедрой физической химии Пермского университета, доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

С июня 1941 по июнь 1944 г. служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на Западном, Юго-Западном, Сталинградском и 4-м Украинском фронтах в должностях командира топографического взвода, начальника химической службы полка.

Был ранен.

Награждён семью медалями, в том числе «За оборону Сталинграда».

ЛАПКИН ИВАН ИВАНОВИЧ

(1903–1993)

Родился в г. Геническе Херсонской губернии.

После окончания химического факультета Казанского университета работал научным сотрудником нефтяного научно-исследовательского института в г. Грозном.

С 1930 г. до самой смерти жизнь и деятельность П. И. Лапкина были связаны с Пермским университетом: возглавлял работу кафедры органической химии, был проректором по научно-исследовательской работе, в течение 13 лет исполнял обязанности декана химического факультета; много лет руководил работой созданной им элементо-органической лаборатории Естественно-научного института при ПГУ.

За трудовые и научные заслуги И. И. Лапкин неоднократно отмечался правительственными наградами, в том числе орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» и др. В 1964 г. ему было присвоено почётное звание «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР».

ЛАРИОНОВ АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ

(род. в 1922 г.)

Доцент кафедры экономической теории, кандидат экономических наук.

С ноября 1941 г. и до конца войны служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на Западном и Сталинградском фронтах в должности заместителя командира разведроты.

Был дважды ранен.

Награждён двумя орденами Отечественной войны I и II степени и тринадцатью медалями.

Капитан запаса.

ЛЕБЕДЕВ НИКОЛАЙ ФРОЛОВИЧ

(род. в 1920 г.)

Профессор кафедры твёрдого деформируемого тела Пермского университета, доктор физико-математических наук. С сентября 1941 г. и до конца войны служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на Воронежском, 4-м Украинском и Забайкальском фронтах в качестве помощника командира радиовзвода.

Награждён восьмью медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За взятие Берлина».

ЛОБОВИКОВ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ

(1913–1945)

В 1937 г. Лобовиков окончил биологический факультет Пермского университета.

В войне участвовал с первых дней в качестве заряжающего танка 99-го отдельного тяжёлого танкового полка.

Награждён орденом Отечественной войны I степени.

Старший сержант Л. Н. Лобовиков погиб 5 мая 1945 г. и похоронен в Чехословакии.

МАТВЕЕВ БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ

(род. в 1925 г.)

Работает на геологическом факультете Пермского университета, доктор геолого-минералогических наук, профессор.

С января 1913 г. и до конца войны служил в Советской Армии в качестве командира учебного отделения противотанковых орудий запасных частей, готовя резервы для фронта.

Старший лейтенант в отставке.

Герой Советского Союза

ОЖМЕГОВ ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ

(1911–1944)

Григорий Фёдорович Ожмегов родился в деревне Батонихе Удмуртской АССР. Закончил геологический факультет Пермского университета. Работал геологом на Украине, где его и застала Великая Отечественная война. В течение двух лет воевал в партизанском отряде, а затем в звании сержанта служил в Советской Армии на 2-м Украинском фронте.

Во время боев в Трансильвании Г. Ф. Ожмегов героически погиб 29 сентября 1944 г. За мужество и отвагу Г. Ф. Ожмегову присвоено звание Героя Советского Союза.

ПАВЛЕНИН ВИКТОР СЕМЕНОВИЧ

(род. в 1922 г.)

Работал преподавателем военной кафедры Пермского университета.

С начала войны до 1944 г. служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на Северо-Западном, Воронежском, Ленинградском фронтах в качестве авиационного техника, помощником взвода в десантных войсках.

Был тяжело ранен.

Награждён двумя орденами Красной Звезды и четырнадцатью медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За безупречную службу» I степени.

Инженер-подполковник в отставке.

ПОНИЗОВСКИЙ ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

(1923–1982)

Работал в должности доцента кафедры экспериментальной физики Пермского университета, кандидат физико-математических наук.

С июня 1941 по октябрь 1944 г. служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на 2-м Украинском фронте в должности командира взвода автоматчиков. Был тяжело ранен.

Награждён орденом Отечественной войны I степени и пятью медалями.

РАБИНОВИЧ ЯКОВ БОРИСОВИЧ

(род. в 1920 г.)

Доцент кафедры истории России Пермского университета, кандидат исторических наук.

С начала и до конца войны служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на Ленинградском фронте в должности комсорга и парторга батальона.

Был тяжело ранен и контужен.

Награждён десятью медалями, в том числе «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда». Лейтенант в отставке.

РЕККА ЮРИЙ МАКСИМОВИЧ

(1924–1992)

Работал доцентом кафедры истории древнего мира и средних веков Пермского университета, кандидат исторических наук.

С декабря 1941 по апрель 1945 г. был участником подпольных групп в Харькове и Германии, занимавшихся организацией побегов военнопленных и проводивших антифашистскую агитацию. Затем служил в качестве переводчика военной комендатуры.

Награждён пятью медалями.

СМОЛКИН АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ

(род. в 1920 г.)

Работал лаборантом кафедры почвоведения Пермского университета.

С 1941 г. и до конца войны служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на Сталинградском и 3-м Украинском фронтах в качестве политбойца и начальника радиостанции в гвардейских миномётных частях.

Был контужен.

Награждён десятью медалями, в том числе «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Белграда» «За взятие Вены», «За взятие Будапешта».

СТАРКОВ НЕОН ПЕТРОВИЧ

(1919–1979)

Работал в должности доцента кафедры минералогии и петрографии Пермского университета, кандидат геолого-минералогических наук.

С декабря 1941 г. и до конца войны служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на Южном, Закавказском и 1-м Украинском фронтах в должности командира батареи разведывательного артиллерийского дивизиона.

Награждён орденами Отечественной войны II степени, Александра Невского, Красной Звезды и семью медалями, в том числе «За освобождение Кавказа», «За освобождение Праги».

ТОМСКИНСКИЙ СОЛОМОН МАРКОВИЧ

(1905–1984)

Работал в должности доцента кафедры истории СССР досоветского периода Пермского университета, кандидат исторических наук.

Участвовал в боевых действиях на 2-м и 3-м Украинском фронтах в должности заместителя редактора газеты гвардейской дивизии.

Награждён двумя орденами Отечественной войны II степени, «Красной Звезды» и семью медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта».

ТРОФИМОВ ПЕТР ИВАНОВИЧ

(1916–1991)

Работал заведующим кафедрой высшей алгебры и геометрии Пермского университета, кандидат физико-математических наук, профессор.

С июня 1941 по январь 1943 г. служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на Северо-Западном фронте в должности командира стрелковой роты.

Был тяжело ранен.

Награждён орденом Отечественной войны II степени и пятью медалями.

ФЕДОРОВА ТАТЬЯНА АФАНАСЬЕВНА

(род. в 1927 г.)

Работала в Пермском университете заместителем секретаря партийного комитета.

С апреля 1944 г. и до конца войны служила в Советской Армии в качестве медсестры эвакогоспиталя и старшей медсестры военно-санитарного поезда.

Награждена двумя медалями.

ФИЛЕНКО ИВАН ФЕДОРОВИЧ

(род. в 1923 г.)

Работал начальником II отдела Пермского университета.

С начала и до конца войны служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на Брянском, Центральном и I-м Украинском фронтах в должностях от заместителя командира стрелковой роты до помощника начальника штаба полка по разведке.

Был ранен.

Награждён орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды и десятью медалями, в том числе «За отвагу», «За боевые заслуги», «За безупречную службу I степени».

Подполковник в отставке.

ФРАДИН ИЛЬЯ РОМАНОВИЧ

(род. в 1919 г.)

В недавнем прошлом – начальник отдела кадров Пермского университета.

Служил в Советской Армии с 1939 по 1974 г.

Участвовал в боевых действиях с начала и до конца войны на Ленинградском, 3-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах в должностях от командира отделения до начальника штаба стрелкового полка. Был дважды ранен.

Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Кутузова III степени, двумя Отечественной войны I степени и шестнадцатью медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За безупречную службу I степени».

Полковник в отставке.

ХРИПЧЕНКО ЮРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

(род. в 1920 г.)

Работал учебным мастером военной кафедры Пермского университета.

С начала и до конца войны служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на Калининском фронте в должности начальника стрелковой бригады.

В 1939–1940 гг. участвовал в боях с белофиннами в должности командира отдельного легко-лыжного эскадрона.

Был дважды контужен.

Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды и девятью медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За безупречную службу» I степени.

ЧЕРЕПАХИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

(род. в 1918 г.)

Работал лаборантом кафедры общей физики Пермского университета.

С начала и до конца войны служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на Западном и 1-м Белорусском фронтах в должностях командира взвода управления, начальника разведки дивизиона, командира батареи, ст. адъютанта штаба артиллерии.

Дважды был ранен и контужен.

Награждён орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и шестью медалями.

ШАПОШНИКОВ ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ

(род. в 1911 г.)

Профессор кафедры теоретической физики Пермского университета, доктор физико-математических наук.

С начала и до конца войны служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на Юго-Западном фронте в качестве писаря-переводчика штаба стрелкового полка, а также был членом антифашистского подполья г. Николаева.

Награждён орденом Трудового Красного Знамени и семью медалями, в том числе «За боевые заслуги».

ШЕВЦОВ ГЕОРГИЙ СЕМЁНОВИЧ

(род. в 1925 г.)

Доцент кафедры высшей математики Пермского университета, кандидат физико-математических наук.

С января 1943 по май 1944 г. служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на Степном, Воронежском и 1-м Украинском фронтах в качестве пулемётчика. Участник танкового сражения под Прохоровкой на Курской дуге.

Был дважды тяжело ранен.

Награждён орденом Красной Звезды и пятью медалями. Рядовой в отставке.

ШЕЛЕПОВ ГЕННАДИЙ ВИКТОРОВИЧ

(1925–1993)

Работал заведующим кафедрой философии Пермского университета, кандидат философских наук, доцент.

С января 1943 г. до конца войны служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на Степном, 2-м Украинском и Забайкальском фронтах в качестве связиста штаба артиллерии дивизии.

Был ранен и контужен.

Награждён десятью медалями, в том числе «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За освобождение Праги», «За победу над Японией».

ЮРИН ФЕДОР ГРИГОРЬЕВИЧ

(род. в 1925 г.)

Старший преподаватель кафедры немецкой филологии Пермского университета.

С 1943 г. и до конца войны служил в Советской Армии.

Участвовал в боевых действиях на 1-м Украинском фронте в должности командира разведывательного бронетранспортёра.

Был трижды ранен.

Награждён орденом Красной Звезды и пятью медалями.

Пермский университет в воспоминаниях современников

Выпуск II

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Составитель *А. С. Стабровский*

Редактор Г. А. Ш а м о в а

Технический редактор Г. А. Коваль ч у к

Корректор Г. А. Прокументик

ИБ № 77

Лицензия ЛР № 020408 от 12.02.92.

Сдано в набор 10.02.95. Подписано в печать 31.03.95. Формат 60X84Vie. Бум. тип. № 2. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 9. Усл. кр.-отт. 9. Тираж 1500 экз. Заказ 62. С. 4.

Издательство Пермского университета. 614600, Пермь, ул. Букирева, 15.

Типография Пермского университета. 614600, Пермь, ул. Букирева, 15.

